

КОСТА ХЕТАГУРОВ

КОСТА ХЕТАГУРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРЕХ ТОМАХ

Издание осуществляется совместно
с Северо-Осетинским научно-исследовательским
институтом истории, экономики, языка и литературы

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1974

КОСТА ХЕТАГУРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1974

С(Осет)1

X41

Редакционная коллегия:

**Н. С. АТАРОВ, К. Ц. ГУТИЕВ, С. Т. МАРЗОВЕВ, Л. А. ОЗЕРОВ,
А. А. ХАДАРЦЕВА**

Вступительная статья

С. Т. МАРЗОВЕВА

Составление и комментарии

К. Ц. ГУТИЕВА

Оформление

Г. ФИШЕРА

X $\frac{70403-321}{028(01)-74}$ Подп. изд.

ЗВОНКАЯ ЛИРА ГОРНОЙ СТРАНЫ

У истоков осетинской литературы возвышается могучая фигура ее родоначальника и первого классика Коста Левановича Хетагурова, чья литературная и общественная деятельность составила целую эпоху в истории культуры Осетии.

Родился Коста 15 октября 1859 года в высокогорном селе Нар, окруженном белоснежными вершинами и альпийскими лугами. Нар расположен на скалистом выступе, и, когда по утрам рассеивается туман, он напоминает корабль посреди вековых нагромождений хребтов, горных расщелин, теснин ущелий. Суровый облик края был словно слепком жизни народа, да и судьбы будущего поэта. Здесь на вес золота ценилась каждая пядь земли, в темные, замшелые сады редко заглядывал луч солнца, а песни горцев напоминали плач.

Коста явился на свет в яслях, нужда и лишения сопровождали его всю жизнь. Он не знал детства, рос без материнской ласки, мечтал о встречах с отцом, которому было недосуг воспитывать сына — он служил в Терской милиции. Однако Левал Елизбарович понимал значение просвещения и старался дать Коста образование. Нарская сельская школа, Владикавказская прогимназия, а после переезда отца с группой безземельных крестьян на Кубань в 1870 году — Каланджипское начальное училище открыли для Коста двери Ставропольской гимназии, в которую он поступил в 1871 году. Он оказался

под опекой замечательных педагогов — попечителя учебных заведений края Я. М. Неверова и учителя рисования гимназии В. И. Смирнова, — которые помогли раскрыться его большому дарованию. В эти годы он пробует свои силы в литературе и живописи, осваивает идейное и эстетическое богатство русской и мировой классики, осмысливает цель жизни. Ставропольские наставники содействовали поступлению Коста в Петербургскую академию художеств (1881 г.), но избавиться от житейских неурядиц он не смог. Стипендия от горских штрафных сумм была мизерной, а вскоре и ее перестали ему платить. Коста вынужден был покинуть стены Академии, но школа мастерства Репина, Маковского, Сурикова была незаменимой. Не могло не сказаться на творчестве Коста и то обстоятельство, что на студенческой скамье в Академии рядом с ним оказались Серов, Врубель, Самокиш и другие, ставшие впоследствии гордостью русского классического искусства.

В Петербурге сформировалось революционно-демократическое мировоззрение Коста, здесь он сложился как общественный деятель, как мастер слова и кисти, выступавший во всеоружии современных ему знаний в области литературы и искусства, эстетики и других гуманитарных наук.

В 1885 году Коста возвращается на Кубань, затем переезжает в Осетию и отдается кипучей общественной и творческой деятельности. Живопись и картинные выставки, работа в театре, публицистические выступления в местной и столичной периодике, поэтическое творчество, имевшее основополагающее значение для осетинской литературы, непримиримость в борьбе с властью пущими, в проповеди свободы, братства и равенства народов, в защите интересов обездоленных горцев выдвинули Коста в один ряд с теми, кто стал голосом своего времени, принесли ему славу певца гор, вдохновителя национально-освободительного движения на Северном Кавказе. Статьи Коста вызывают ярость у столпов самодержавия и горской знати, стихи поэта становятся народными песнями. Они про-

буждают классовое самосознание горской бедноты, окрыляют ее вековые мечты, придают им характер социальных интересов.

В 1891 году последовала административная высылка поэта из Терской области, но она не сломила мятежный дух Коста. Один за другим выходят из-под его пера поэтические шедевры, «облитые горечью и злостью». Им создаются новые картины, пишутся декорации к спектаклям. Поэт сотрудничает в газете «Северный Кавказ», которая превращается им в рупор прогрессивных идей времени, публикует статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях», в «Сыне отечества», разоблачая колонизаторский характер политики самодержавия на Кавказе.

В мае 1899 года мятежный поэт оказался в Херсоне, на месте новой ссылки. И снова потянулись дни и месяцы мучительной разлуки с отчизной, с родным народом, с друзьями-единомышленниками. Но не угас жар его души, ничто не в силах было оторвать Коста от забот и дум о судьбах народных, от вдохновенного служения идеалам свободы. По возвращении из ссылки весной 1900 года поэт жил в Пятигорске, а с 1902 года во Владикавказе, и всюду им владела жажда создания и борьбы, жажда творчества, нераздельно связанного с назревающим революционным событием. Но силы были на исходе, тяжелый недуг прерывает кипучую деятельность Коста.

Первого апреля 1906 года Коста не стало. Он был похоронен на Кубани в селе Георгиевско-Осетинском. Вскоре переносившая интеллигенция Осетии перевезла прах Коста в родной Владикавказ, превратив его похороны в политическую манифестацию, в демонстрацию всепародной любви к великому певцу горцев Северного Кавказа.

Необычайно многообразно творческое наследие Коста Хетагурова, неустрашимого рыцаря свободы, который не уставал ратовать за революционное переустройство мира. Но облик его один. Говорим ли мы о нем как о поэте или драматур-

ге, о живописце или публицисте, перед глазами встает бессмертный образ вопиющего трибуна, борца. Борьба за счастье народа — смысл жизни Коста и лейтмотив его творчества.

В стихотворении «Я не пророк» он писал:

...Я не боюсь разлуки и познания,
Предсмертных мук, темницы и цепей.

Везде, для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилья встречаю,
И смело всем о правде говорю.

В вольнолюбивых стихах мятежного певца жила непокорная душа. Верный заветам русской революционной демократии, поэт смело прокладывал пути в будущее, искал и находил художественные средства и формы воплощения вековых чаяний униженной и оскорбленной бедноты.

Жестокое преследование лишь закаляло волю Коста, но не могло оторвать его от народа, с которым он был связан навеки. Весь Иристон зампрал в скорбной тревоге, когда грубая сила «господствующих каннибалов» припуждала поэта оставлять родину и скитаться на чужбине. Весь Иристон думал и помнил о нем — старец дорожил мудрым советом Коста, обиженная судьбой женщина с надеждой ждала доброй вести о нем, проклятый небом и землей пастух распевал его горестные песни...

Это Коста вложил в уста народные гневно-патетическую песню «Горе» («Додой»):

Как не рыдать, мои горы, над вами!
Лучше б золою я вас увидал!
О, почему не засыплет камнями
Судей неправедных грозный обвал?..

«Осетинская лира» («Ироп фандыр») — энциклопедия жизни горца в былом. И только энциклопедичность позволила этой книге стать краеугольным камнем осетинской литературы, ее блистательным началом и все еще недостижимой вершиной. Это цельный слиток людских страстей, социальных проблем, эпохальных устремлений, а не мертвый отблеск обремененных бурей десятилетий, в которые жил Коста. Каждое произведение — жемчужина, плод раздумий над страданиями народа, поиск счастья и неукротимая вера в него. Окропленные слезами и кровью, они светятся пламенем разгоравшейся битвы за свободу, исполнены энергии и движения, — порождающейся революционной энергии масс и исторического движения.

Последняя четверть прошлого столетия, когда Коста вышел на арену активной творческой и общественной деятельности, отмечена жестоким террором царских опричников и нарастанием прогрессивных сил русского общества. В душной обстановке режима, установленного «всероссийским жалдармом», жадно тянулся к солнцу и свету росток нового. Подавлялось все живое, но неодолимо развивался процесс социального и национального становления народов царской империи.

Двойному гнету подвергались народы окраин России, которые задыхались в тисках безземелья, поборов со стороны чиновничьей администрации и местной знати, в тенетах родовых, патриархально-феодалных предрассудков и канонов. Осетия и осетинский народ не составляли исключения. Этот замкнутый прежде мир стал давать трещины, в него просачиваются веяния времени. Капиталистические отношения проникают в горные теснины, придавая борьбе бедноты с эксплуататорами характер классовых баталий, направленных не только против «отечественного» капитала, но и иностранного. Крестьянские выступления против алдаров, стачки рабочих, брожение среди интеллигенции и учащейся молодежи Осетии — это знамения эпохи, и оно способствовало консолидации

сил передовой части общества, рождению ратоборцев, которых возглавил Коста Хетагуров.

Поэт прожил бурный век. Век, знакомый и с кандаляным звоном, и с торжественными, величавыми гимнами свободному человеку. Он шагнул к нам через десятилетия со своей неумирающей песней. И никто не удивился его судьбе. Он не мог не родиться и не принести с собой золотые россыпи мудрых слов. Горцы потеряли бы дар речи, не будь стоголосой «Осетинской лиры». Без нее пастушья свирель спротивно умолкла бы. В саклю бедняка никогда не заглянуло бы жаркое солнце. Буря замела бы пути-дороги нищего скитальца без поводыря.

Он был добрым и щедрым, этот изумительный человек. В песню надо вложить сердце, чтобы она стала крылатой. И поэт не пожалел своего сердца. «Страдать за других невозможно, если ты не изведал страданья», — говорил он. Его грудь кровоточила от ран, покой навсегда покинул его обитель.

Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я зашел по-другому,
Зашел бы без боли, без слез.

(«Завещание»)

Поэзия без дыхания времени, без социальной основы — это кривое зеркало, тусклое отражение блеклых чувств и убогих стремлений. Настоящий поэт излучает свет веры и надежды, он — глашатай исторической правды и буревестник. Только гений мог снять словом и кистью накипь патриархальных привычек и верований и обнажить духовный мир сурового жителя гор. Самая будничность жизни, вечная нужда и вечные мытарства, казалось, нивелировали его личность. Но Коста постиг трепетную нежность и мужественную гордость сердца бедняка, научил его любить свободу, закалил и окрылил звучным стихом. Глубокая человечность настоящего искусства всесильна, она

сближает и роднит людей. Наша радость при каждой новой встрече с творениями Коста, наша любовь к нему вызваны теми же чувствами, которые владели им, когда писал: «Люблю беспомощных, обиженных сирот», — той радостью, с которой он думал о потомках.

Галерея образов поэтических произведений Коста обширна. Рядом с трагедийной фигурой матери сирот, олицетворяющей старую Осетию, поставленной вне закона, живущей на грани жизни и смерти, мы видим юношу, героя поэмы «Кто ты?». И ему уготована участь раба, но непзбывна энергия молодости, жажда вольной жизни, и тяготы неустроенного бытия снимаются порывом к свободе, любвеобильным сердцем, песенным настроем души. И все-таки он жертва несрастаемых противоречий своего времени, как и Кубады из одноименной баллады. Рожденный для счастья, для искусства, этот горец прожил жизнь на чужих задворках, в скитаниях по белу свету, став печальником народным, голосом себе подобных — сирых и униженных.

Одна картина жизни мрачнее другой, впору впасть в безысходную тоску, в отчаянье. Но суровое дарование, зоркий взгляд пронизательного художника не могли мириться с этими настроениями. Ведь он жил будущим, надеждой и верой в грядущее. И в образах простых горцев, создаваемых Коста, всегда есть ощущение неизбежного обновления мира. Тем и характерны эти произведения, как и песни «Сердце бедняка», «Песня бедняка», как и сказка «В пастухах», как «Спой!» или «Пропад!».

Струны осетинской лиры Коста исторгали звуки колыбельной песни, лирических излияний, горечь плача, но в них же слышались раскаты пабатного колокола, гнев ждущих тревожного сигнала людей, праведная ярость тех, для кого «Додой» стал гимном.

Это многообразие замыслов, идейная целеустремленность находили воплощение в многообразии ритмической структуры произведений, в интонационном богатстве стиха, в гармонии формы и содержания, когда рождается сплав классической поэтики и фольклорной традиции.

Устное поэтическое творчество горцев, великим знатоком и ценителем которого был Коста, органически входит в его творчество как источник тем и образов. Коста разрабатывал фольклорные мотивы, под его рукой фольклорные сюжеты обретали новую жизнь, ярче проступали исторические реалии, заострялась социально-эстетическая сущность преданий, песен, басен («Хстаг», «Всати», «В пастухах», «Редька и мед» и другие).

Наследие Коста, особенно его поэзия, многозвучно, многокрасочно. Яростный гнев и мягкая улыбка, едкая сатира и лукавая усмешка, голос протестанта и целомудренная нежность — все это доступно ему. Несдобровать царским прислужникам, горе лизоблюдовым и хапанцевым, если они попадают на страницы карающего стиха поэта. Не грустить и не печалиться смелым юношам и седобородым старцам, когда Коста обращает свой взор к ним. Для них у Коста нет ни слез бесплечия, ни горестных вздыханий. Походный марш бодрит и укрепляет их волю, патетика героической песни расправляет их плечи.

Но как бы полифонична ни была поэзия, она не мнует ясного идейного водораздела, если служит добру и порицает зло. Коста непримирим к господствующим каннибалам и дорожит участием друзей, предвестников желанной свободы, несущих свет с Севера, воплощающих дух могучего богатыря — русского народа.

Печальная участь постигла бы того, кто попытался бы искать в обширном наследии Коста строки равнодушные, вялые, написанные безмускульной рукой праздного человека. «Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдержать в своем заболевшем

сердце», — писал поэт. С особым воодушевлением и страстью он говорил о будущем. Ощущение «радостного дня», раскаты революционных бурь приводили его в восторг. Видение обновленного мира у Коста было поразительно пронзительным. Не только в осетинских, но и в русских его стихах передается накал классовых отношений. Поэт готов предать огню обветшавший строй.

Ночь близится к концу... Ристалище раздора,
Безумной храбрости, пассива, грабежа
Уже становится ареною позора,
Разврата, пошлости, бесчестья, кутежа...
Минуты сочтены... Повсюду бьют тревогу,
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...

(«Не упрекай меня...»)

Коста пастроил свою лиру «для равенства, свободы и любви», и он остался в сознании потомков как певец народа, который шел к революции.

Из стихотворения в стихотворение поэт с завидным постоянством, с упорством убежденного в своей правоте человека прокламирует идеал борьбы и свободы, разрушения монархии, возрождения человеческой личности. Человек, свободный от ветхозаветных убеждений, не стесненный предрассудками мещурного света, устремленный в будущее, жаждущий активного действия («Меня родина ждет уже к бою...»), отвергающий мир, где «счастья народного нет», человек, провозглашающий: «Вселенная — отечество мое» — вот идеал Коста Хетагурова. Каждое его произведение — это дума о завтрашнем дне. Размышления его, в конечном счете, всегда сводились к утверждению лирического героя со стойким характером, с просветленным разумом, возвышенными помыслами. Может быть, именно поэтому так вольготно чувствуют себя Эски и Кубады, Дуня и Фатима и другие герои Коста рядом с героями современ-

ной осетинской литературы. Может быть, именно потому не чувствуется их старение, не утрачивается их красота, пробуждающая глубокие эмоции, заставляющая думать и дерзать.

Традиции русской революционной демократии наложили яркий отпечаток на весь идейно-творческий облик поэта.

Коста не устал ратовать за активное вмешательство в жизнь, за переустройство мира на началах интернационализма. Он сочувствовал героической борьбе буров против британского империализма, страстно мечтал о том времени, когда «обновленный мир отдастся вечно миру, с презрением бросив пож, запекшийся в крови». Непримируемый враг самодержавия и царской администрации, он с надеждой протягивал руку дружбы великому русскому народу и славным его сынам — Герцену, Чернышевскому, Добролюбову, Пушкину, Лермонтову, Некрасову, идеи которых были дороги ему, видел в них поборников «разума, добра и красоты», чьи дела недоступны тлепу, смерти.

В стихотворении «Памяти А. Н. Плещеева» Коста призывал не сходить с его тернистого пути:

Ему не надо слез. Лишь то святое дело,
Которому он жизнь с любовью посвятил,
Пусть не умрет в тебе, — иди под знамя смело,
Храня его завет и не жалея сил...

В сочинениях передовых русских писателей прошлого Коста находил родственные ему взгляды и мысли. Как и им, Коста были чужды декаденты и символисты, их крайний индивидуализм, мистические чаяния и пессимизм, погоня за формалистическими вывертами. Растленной природе упадочнических течений в литературе Коста противопоставил глубокий, светлый оптимизм, радость единения трудящихся, счастье борьбы, революционного действия.

В поэме «Плачущая скала» поэт призывает к активному сопротивлению насилию, произволу, призывает застаться «отвагой, зернистым порохом, свинцом» для борьбы за свободу.

«Перед судом» — так назвал другую свою поэму Коста, придав ей характер острой полемики с сильным миром сего. Герой поэмы — осколок общества, раздираемого внутренними противоречиями. Холоп — его социальное положение, и он стремится освободиться от пут жизни, но предстает перед судом, повинный лишь в том, что заговорил о своем человеческом достоинстве, восстал против безразличности, поднял руку на адат.

Участь Фатимы и Ибрагима (поэма «Фатима») потрясает трагизмом социальных отношений пореформенной Осетии. Люди труда, обыкновенного мужества, глубоких чувств и помыслов становятся жертвами тех, кто исповедует дворянскую спесь, эгоизм и жестокость, право сильного. Распад Джамбулата как личности, обнажение его классового гнета, звериных инстинктов — приговор поэта и времени, и деградирующей знати на стыке двух эпох.

Сатира «Кому живется весело» написана в подражание Н. А. Некрасову. Стиль и поэтика поэмы навеяны Некрасовым, однако Коста ставил перед собой конкретную творческую задачу разоблачения царской чиновничьей бюрократии на Северном Кавказе.

Она прогнана насквозь, поклоняется золотому тельцу, погрязла в темных махинациях. Хапанцевы, подлизовы, зуботычевы, людоедовы — типы достоверные, они воплощают социальное зло и настолько остро и точно выписаны, что прототипы не могли не узнать в них себя, но могли не оказаться в центре общественного мнения. Едкая сатира Коста срывала с них маски, и перед читателем предстали люди узколобые, кичливо тупые, нищие духом, в стяжательстве, в вероломстве, в корысти ищущие и находящие усладу.

Создав галерею типов уходящей Руси, Коста возвысил голос во славу народа русского, его великой культуры и великих сынов, проникновенно сказал об историческом значении соединения исторических судеб наших народов:

Но вот пришел из-за моря
В поля те первобытные
С литой стальной пушкою
Могучий богатырь.
Бессильные с охотою
Признали в нем заступника,
Надменных же он сплюю
Заставил бросить щит.

Прозаические и драматургические произведения Коста также остро проблематичны, построены на коллизиях современной ему жизни.

Рассказ «Охота за турамп» стал хрестоматийным. Читая его, как бы окунаешься в трогательный и вместе с тем суровый мир нелегкого горского бытия, чувствуешь обнаженность судьбы бедных людей перед стихийными бедствиями и перед социальным злом, поражаешься тонкости души бедняка, его мужеству, глубине чувствований.

Комедия «Дуня» написана в ином ключе. Русская демократическая интеллигенция изображена К. Хетагуровым с тонким знанием ее психологии, быта и нравов. Осмеяв мещанство, Коста с симпатией и сочувствием рисует образ русской девушки Дуни, покидающей отчий кров, чтобы приобщиться к труду и самостоятельной жизни, духовно содержательной, свободной от мелочей быта, прозябания. На стремление ей дышится вольготней, она одухотворяется возвышенными стремлениями быть полезной людям в их нравственном очищении, в формировании гражданских чувств и побуждений.

Обширную часть наследия Коста Хетагурова составляет публицистика.

М. Шагинян отмечает, что «глубокая познавательная роль его статей, их историзм, широта политического охвата... — все

эти качества делают публицистику Коста настолько исторически весомой и содержательной, что она до сих пор не утратила своего значения. Можно смело сказать, что для правильного представления о положении вещей на Северном Кавказе в 80—90 годах нет лучшего чтения, нежели газетные статьи Коста Хетагурова».

Широк круг интересов Коста-публициста. В его статьях рассматриваются проблемы социально-экономической, политической и культурной жизни края, он подвергает критике колониальную политику самодержавия, царскую администрацию, чиновничество, капиталистические отношения, мир купли и продажи. Отстаивая интересы горской бедноты и рабочего люда, Коста выносит на суд общественности пороки современного ему общества, называя вещи своими именами. «Неурядицы Северного Кавказа», «Пакапуне», «Владикавказские письма», «Внутренние враги» и многие другие статьи Коста содержат социальную картину жизни гор, изобилуют остро актуальным материалом, отличаются широтой взгляда и глубиной анализа фактов и событий, точностью выводов, ясностью идейных позиций, выразительностью формы и стиля.

Письма Коста — зеркало души поэта. Они воспринимаются как повелли, столько в них душевной красоты и целомудренности, тонких наблюдений над жизнью общества и психологией людей, метких и точных характеристик друзей и недругов, тревожных раздумий над смыслом жизни, литературы и искусства.

Содержание писем далеко выходит за рамки «самовыражения» исключительной личности поэта. И в них он живет интересами народа и общества, и в них предстает борцом за высокие идеалы человеческой жизни, и в них он сын своего века. Не случайно обронил поэт в одном из писем: «Идеал действительный, о котором только и можно говорить, как об идеале, живет в нас самих, это вечный духовный образ, который по может рассыпаться или умереть без того, чтобы по повлечь за собой духовно-нравственную смерть его обладателя».

Коста неослабно следил за современной ему русской литературой. Из воспоминаний современников поэта видно, с какой любовью и вниманием относился он к выступлениям основоположника пролетарской литературы Максима Горького. Реализм Горького, по словам Коста, схватывает «самые общие черты» явлений жизни. На фоне безвременья, на фоне оживления литературных эпигонов эксплуататорского строя Коста сумел разглядеть гигантскую фигуру буревестника революции и отдать ему свои симпатии и дань уважения.

Устремленность Коста Хетагурова в будущее, его обращение к нарождающемуся, отношению к прогрессивной русской литературе были восприняты, подхвачены литературными потомками поэта.

Хетагуровские традиции воплотившей реалистической литературы, возбуждающей в народе жажду служения свободе, идею борьбы, кровной заинтересованности в судьбах современной эпохи, активного гражданского отношения к назначению человека, традиции дружбы и братства с великим русским народом, великой русской культурой выступают в наше время как явления, воспитывающие в советских людях новые качества.

Публицист школы Н. Г. Чернышевского, Коста в многочисленных статьях, фельетонах, памфлетах заклеивал эксплуататорскую сущность царизма, а в замечательном цикле стихотворений, посвященных А. С. Грибоедову, М. Ю. Лермонтову, А. Н. Островскому, П. И. Чайковскому, А. Н. Плещееву, выражал свою сердечную приязнь к русской культуре и ее лучшим представителям.

Коста — наш современник. Он жив в своих великих творениях и в произведениях благодарных наследников его творчества. Он навеки вошел в сердца потомков, и слава его растет с годами — с течением времени все полнее и полнее раскрывается его величие...

Село Коста... Музей имени Коста... Парк, школа, улица...
Честь носить это имя — большая честь, ибо это имя человека,
который сказал гордые слова:

Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

(«Я смерти не боюсь...»)

Память, сознание и сердце народа навечно полонит лишь человек большого душевного богатства и щедрости. Время неумолпно предаёт забвению все обреченное. Величайшая гармония — нерасторжимый союз художника и эпохи — удел достойных бессмертия. Видеть и ощущать грядущее, войти в него и остаться в нем навсегда — это поистине редкий дар. В слове, в деянии, в порыве Коста и современникам его и потомкам слышалось и слышится что-то богатырское.

«Если б запеть мне, как нарту, умело...» — это не только мечта Коста, но и его воля, воплощенная в песнях, отданных народу.

«Грудь рассеки мне кинжалом отточенным — в сердце Орфея найдешь осетинского», — говорил о нем выдающийся осетинский поэт Нигер.

Это родство согласно бьющихся сердец, переключка времён, признание бессмертия поэта, который и ныне говорит с нами как живой с живыми.

«...Коста Хетагуров является своего рода Леонардо да Винчи осетинского народа, — писал А. Фадеев. — Какую силу любви к своему народу нужно иметь, чтобы в условиях старой Осетии быть одновременно и поэтом, и прозаиком, и драматургом, и театральным деятелем, и общественным деятелем...

Коста Хетагуров был истинным сыном своего народа, он отражал его думы и чаяния, творчество его было глубоко национальным.

Мы, русские писатели, гордимся тем, что Коста сформировался под влиянием идей Чернышевского, Добролюбова, Некрасова...

Имя Коста — поэта так называемого «маленького» осетинского народа — войдет в ряд самых высоких имен человечества. Осетинский народ может гордиться тем, что в сокровищнице многоцветной культуры социализма будут играть краски и цвета, вызванные к жизни таким художником, как Коста Хетагуров»¹.

Рука вдохновенного Коста умела оживать пером и кистью страницы жизни. Борясь за справедливость, он не верил в трусливое хладнокровие «друзей-приятелей», которые падали на него слезоточивыми советами.

...Лучше умереть народом
Свободным, чем кровавым потом
Рабами деспоту служить... —

так отвечал поэт тем, кто не мог или не желал творить народное счастье. Так заклеивал он стихами позорное бегство от клеветы и зла. Заинтересованность в судьбах родины присуща ему в высшей степени, активно действовать и бороться — для него естественная духовная потребность. И он не расставался со своим разящим оружием, лишь менял его согласно обстоятельствам и запросам жизни. И в огневой публицистике, и в полифонической поэзии, и в многокрасочной живописи, везде, куда приводила его беспокойная пытливая мысль, он служит людям, творит добро и развенчивает социальное зло. В жизни и деятельности Коста столько подлинно поэтического и героического, что он по праву относится к исключительным историческим явлениям. Не потому ли он удостоен редкой и опять-таки исключительной участи?

¹ «Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта». М., Гослитиздат, 1941, с. 4.

Создатель осетинской национальной художественной литературы, Коста стал одной из главных тем, одним из главных ее героев. Образ поэта привлекал и поныне привлекает внимание буквально всех последующих осетинских литераторов. По мотивам поэмы «Фатима» студия «Грузия-фильм» создала популярную ныне картину. Жизнь и деятельности поэта посвящены художественные фильмы «Сын Престола» и «Возвращение поэта». Композитор А. Полянич написал оперу «Фатима», а Х. Плиев оперу «Коста». Многие стихи поэта переложены на музыку...

Создание сотен произведений о Коста — не только дань благодарных наследников, но и стремление осмыслить и выразить средствами искусства могучий дух человека, вызвавшего к жизни краски и цвета, которые играют «в сокровищнице многоцветной культуры социализма». Примечательно, что в творчестве многих дореволюционных писателей Осетии (Г. Цаголова, В. Гуржибскова, С. Гадиева и других) образ Коста был единственным образом положительного героя, воплощавшего богатство интеллекта и высокий накал социальных столкновений.

«Любовь к писателю и есть совершенное знание его искусства», — заметил как-то Л. Леонов. Признание писателя — жажда прикоснуться к родникам его творчества, испить «кастальского тока», постичь тайны его вдохновения и не разлучаться с ним. Коста, как горный орел, взлетел над родными горами, и взмах его крыльев поднял в пареде бурю, их прикосновению пробуждало людей и увлекало к борьбе. Ни одно честное сердце не миновало обаяния жаркого слова поэта. И величайшая трагедия Коста обернулась величайшим счастьем художника.

Оборвалась жизнь Коста, но не смолкла, не упала подбитой птицей его песня. Она росла и шприлась, искала и паходила борцов за народное дело, звала на подвиг.

Вокруг редет мгла... Руси порабожденной
Зарю счастливых дней грядущее сулит... —

подхватил песню Коста Георгий Цаголов в стихотворении «На смерть Коста Хетагурова». Его памфлеты близки публицистике и сатирической поэзии Коста. Умение соединить сухую статистику и словесную живопись, сохранить при разработке насущной проблемы хорошую публицистичность — это ли не свидетельство приверженности к заветам К. Хетагурова?

Хетагуровская школа мастерства пройдена всеми осетинскими поэтами, современниками Коста. Она не имитация мотивов творчества, не реминисценции отдельных образов и картин. Она восприятие вольной стихии поэзии, наступательного пафоса писательского труда, верность его боевым традициям.

Уроки Коста обостряли слух и зрение, прищипывали художническое чутье. Немыслимо представить вне прямой творческой связи с его сатирой рождение комедии Б. Гуржпбекова «Дурачок». Меткие характеристики разлагавшейся знати, рассыпанные в статьях Коста, убийственный сарказм его памфлетов и фельетонов уже содержали постановку проблемы оскудевания «дворянства» и определенную творческую концепцию. Умная и злая комедия Гуржпбекова, находясь в русле традиций Коста, талантливо осмеяла спесивых толстосумов, обнажила ничтожность рыцарей пореформенной Осетии. Чуждая заземленного бытовизма, она поднимается до обличения общественного неустройства и несправедливости.

Гоголь говорил о влиянии на него Пушкина: «Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина». То же самое мог сказать о Коста мудрый Сека Гадиев. Кажись, Коста водит его рукой, когда он оплакивает спрых и обездоленных, когда в его сердце клокочет гнев против паспыльков и ищет выхода в песнях об одиночках, в повествованиях, полных глубокого сочувствия бедноте и классовой ненависти к алдарам. Жанровое многообразие творчества Гадиева, понима-

пне пм специфичк жанров, широта его идейных интересов обусловлены хетагуровским влиянием, тесным общением п учебой у Коста.

На путь, завещанный Коста, стали н Елбаздыко Бритаев, Арсеп Коцосев, Цомак Гадиев.

В бурные годы первой русской революции в Осетии повсюду звучал «Додой», звучала призывная «Походная песня» Коста, передавая накаленную атмосферу общественной жизни накануне великих исторических свершений. Но на вооружении восставших против самодержавия находились и «Клич борьбы» п «Набат» Цомака Гадиева — преемственность революционных традиций литературы совершенно закономерна.

Наследие Коста бережется как святыня, как национальное достояние. Противники демократии п свободы не раз пытались сделать имя поэта своим знаменем, не раз пытались очернить п фальсифицировать его наследие. Но можно ли отнять у народа его душу, можно ли разобщить поэта п народ, связанных кровью п плотью?! И в революционной лирике Созура Баграева, голос которого окреп в борьбе за власть Советов, хочется отметить известное стихотворение «Круг хохлатых» — поэт в нем зло посмеялся над отщепенцами, кощунственно окрестившими свое сборище «кругом Коста». Выступая против всякого рода «хохлатых», Баграев выступал в защиту идейного богатства наследия Коста, принадлежащего народу, совершившему Великую Октябрьскую революцию.

Проблемы новаторства п традиций неотделимы. Художественная практика Коста п творчество осетинских советских писателей есть единый, непрерывный, сложный процесс развития истории литературы. Поиски новых форм отображения действительности неизменно сопровождаются усилиями, направленными на глубинное изучение традиций классики. Это характерно для лучших поэтов новой Осетии, для тех, кто свято

блюдет принципы социалистического реализма. Емкой, выразительной формулой стали строки Мысоста Камбердиева из его стихотворения, посвященного Коста Хетагурову:

В могильные еоком
Прими ты дань мою.
Неспетсе тобою,
Быть может, я спою.

(«Песцу»)

Дань М. Камбердиева Коста — его верность советскому времени, эпохе бурного роста и движения вперед. И в его поэзии мы всегда ясно ощущаем это движение времени, это чувство эпохи.

Художник может приобщиться к традициям Коста только тогда, когда постигнет новаторскую сущность советской литературы. В этом убеждает весь процесс становления нашей литературы.

Приведем пример, на наш взгляд, ярко характеризующий эту непреложную закономерность.

Когда говорят о творчестве Ингера, всегда отмечают бесспорную истину: Ингер формировался на традициях К. Хетагурова. Однако воздействие основоположника осетинской литературы на Ингера часто странным образом доказывается только такими фактами, как написание им стихотворения «Коста» (1923), как заимствование им образов у Коста и т. д. Все это, несомненно, так. Имело место и заимствование мотивов и интонаций у Коста, и ученическое подражание ему. Следы подобной учебы у К. Хетагурова легко заметить и в поэме «Мулдар», и в стихотворении «На мосту». Реминисценции из К. Хетагурова гармонизировали с образной системой Ингера, потому, что он был еще обращен к прошлому и только искал пути к революционной современности. Его порой одолевали настроения и побуждения, которые могли быть прогрессивными в былом. Но все же важнее было бы отметить, что путь Ин-

гера к революции был и путем к традициям Коста. Освоение идей социализма помогло ему отыскать средства и пучные формы освоения, развития его традиций. Великое богатство наследства Коста открылось ему как родник гуманистических и революционных идей благодаря торжеству социализма в нашей стране, когда, по выражению самого Нигера, его «безотчетное увлечение ими (классиками. — С. М.) начинает постепенно находить для себя обоснование».

Этот процесс можно проследить и в творчестве А. Гулуева, Г. Малиева и других осетинских поэтов.

Коста с нами. «Вечно живой своим творениями, он неизменно вдохновляет осетинский народ» (П. Павленко).

Традиции Коста — достояние не только осетинской литературы, они имеют широкое историко-литературное значение. Дагестанский поэт-революционер Саид Габиев писал: «Для нас, горцев, Коста больше всего ценен как творец национальной песни, как автор «Ирон фандыра» («Осетинской лиры»). Ибо он первый из горцев указал путь, по которому должны устремиться наши горские языки и культура наших народов».

Это признание могло прозвучать в устах и многих других представителей северокавказских младописьменных литератур, для которых гражданский подвиг Коста был примером и образцом служения родному народу и культуре. Об этом говорят свидетельства не только последников, но и современников поэта. После смерти Коста известный грузинский литературовед Д. Боцвадзе писал: «Тяжелую утрату понесла в лице дорогого Коста не только родная Осетия, но весь Кавказ и даже Россия. Поэзия его есть служение пущам времени и призыв к лучшей жизни».

Роль и значение Коста в истории осетинской национальной культуры сродни роли и значению наследия и общественной деятельности Шевченко на Украине, Туманяна в Армении, Абая в Казахстане, Тукая в Татарии... Голос поэта-интернационалиста был слышен далеко за пределами Осетии и всюду на-

ходил отзыв в сердцах бедноты, для которой он настраивал свою лиру.

На центральной площади города Кырджали в Болгарии, на земле Христо Ботева и Николы Вапцарова, сооружен памятник Коста Хетагурову. С бронзы смотрит поэт на наших современников и в Кахети, и на Ставропольщине, и в Карачае. Это дань признания и признательности певцу гор за его многотрудные дела. И стихи поэта в наше время звучат на десятках языков Страны Советов и зарубежных стран. В Грузии и в Армении, на Украине и в Казахстане, в Якутии и в Абхазии к творчеству Коста обращаются лучшие мастера слова. Звонкая лира горной страны донесла свои чарующие звуки до Арабского Востока, до славянского мира в Европе, до многих других уголков земли, которую он называл своим отечеством.

Коста был основоположником и осетинской национальной живописи. Он глубоко постиг искусство художников-передвижников, и в его жанровых картинах, портретах, карандашных рисунках четко прослеживается стремление следовать их традициям. Картины «На школьной скамье жизни», «За водой» поражают меткостью и достоверностью бытовых деталей, зоркостью взгляда наблюдательного мастера. В пейзажах Коста («Гора Столовая», «Перевал Зикара», «Природный мост» и др.) всегда есть настроение, они говорят многокрасочным языком.

Коста был и неутомимым просветителем, душой всевозможных культурных мероприятий, проводившихся во Владикавказе, Пятигорске, Ставрополе. Он пытался открыть класс рисования для даровитых детей местных жителей и издавать газету. Поэт писал декорации для театральных представлений, нередко режиссировал, а то и исполнял ведущие роли в любительских спектаклях. И едва ли найдется в истории Осетии и осетинской культуры сколько-нибудь значительное событие, которое бы оставило Коста равнодушным.

Нам не приходится напрягать память, уходить в глубь истории, чтобы вновь и вновь насладиться счастьем соприкосновения с вдохновенным искусством Коста. Он с нами, он пришел к нам с тем временем, о котором мечтал, и владеет нашими сердцами. Он незримо присутствует среди нас. Так обычно говорят о тех, кому удалось оплатить свой долг перед пародом. Коста сквозь толщу лет явился к нам зримым, физически ощутимым, с пестреющим талантом и блеском наумительных художественных откровений. Горца оскорбит упоминание о смерти Коста. Он привык как с живым делиться с Коста самым сокровенным и не переносит долгой разлуки с ним. В новом спектакле или в литературном музее, в книге современного писателя или в песнях самого Коста он ищет встречи с мудростью жизни, пламень гордого сердца влечет его к себе, могучие порывы горного орла вселяют в него дух вечного беспокойства.

Коста прожил столетие. Но жизненный путь его не окончен. Он завещал людям идти «к свету с победною песней похода». Ныне нам ярко светят маяки коммунизма, наш путь освещен ими. Слышится походная песня. Ее сложил Коста — наш современник.

Сергей Марзеев

ОСЕТИНСКАЯ ЛИРА

**думы сердца,
песни, поэмы и басни**

ЗАВЕЩАНИЕ

Прости, если отзвук рыдания
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страдания,
Тот пусть и поет веселей.

Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

ДУМА

Пускай не знает
Покоя творец!
Семья родная,
Оплачь мой конец.

Я слаб, безвестен
В родимом краю...
Отец, о если б
Мне доблесть твою!

Отвергнут ныне
Селепцем всем,
В тоске, в унынье
На сходках я нем:

Стою, увядший —
От дум и забот.
На битву младший
За мной не идет.

За край мой кровью
Своей не плачу —
Раба оковы,
Бесславный, влачу.

НАДЕЖДА

Что брови сдвигаешь,
Отец? Ты не прав!
Зачем принимаешь
Ты к сердцу мой прав?

Чей сын ожидания
Отца оправдал?
Кто в юности рашней
Ошибок не знал?

По мне ль твоя слава
И гордая честь?
Оставь меня, право,
Таким, как я есть.

Ружья не держу я,
Не мчусь на коне,
И шашку стальную
Не выхватить мно.

Пусть чванный злословит, —
Ему ты не друг!..
Волю наготове,
Исправен мой плуг, —

То дум моих бремя,
То вещный фандыр;
Несу я, как семя,
Поэзию в мир.

А сердце народа!
Как нива оно,
Где светлые всходы
Взрастить мне дано.

Мой край плодоносец,
Мой полон амбар,
И в море колосьев
Ныряет арба.

Не бойся за сына,
Отец! Ты не прав.
Тебя без причины
Тревожит мой нрав!

О, ЕСЛИ БЫ!

Светится сердце людское в тумане
Издалека.
Много порою бывает желаний
У бедняка.

Если б, — мечтает, — настало мгновенье,
Чтобы народ
Дал мне отцовское благословенье,
Славу, почет!

Если б я принял чужую кручину
В песни свои,
Если б увидел я счастья вершину
Только в любви!

спой!

Слыша песнь твою, родная,
Я тружусь, не уставая,
Ты — луч солнца мой, —
Спой, девица, спой!..

Отнял враг свободу нашу...
Спой! Уже страданий чаша
До краев полна...
Как горька она!

Весь народ земля питает...
Ты оплачь меня, родная, —
«Как теперь, — скажи, —
Без земли нам жить?!»

Нам над пашней не трудиться...
Спой! Учи меня молиться!..
Не оставь меня,
Ты — сиянье дня!..

1888

ПРОПАДИ!..

Пропади ты, жизнь,
А с тобой и я.
Ты беду мою
Поглоти, земля!

Как змея, папасть
В грудь мою впиалась.
Пропади ты прочь,
Злого горя власть!

Изменила мне
Черноокая...
О, позор ты мой!
О, жестокая!

Перед богом ты,
Нет, не мне клялась,
Не мое кольцо
Носишь ты сейчас.

Эх, красавица,
Почему меня
Обманула ты?
Бог тебе судья!

Зиму горскую,
Под весенний звон,
Вспоминаю я,
Как прекрасный сон.

Иль друг другу ласк
Не дарили мы?
Или нежных слов
Не шептали мы —

В ожидании
Благодатных дней?
Как же счастлив был
Я в любви своей!

Кто берет тебя
Навсегда в свой дом,
Пусть дерзнет меня
Превзойти во всем:

Бить без промаха,
На коне лететь,
В горском танце плыть
Или песни петь.

Нарядил в шелка —
Удивил аул!
Стан твой поясом
Дорогим стянул.

Не застежек — звезд
На груди игра...
В золотом шитье
Ты ловка, быстра. .

Пропади ты, жизнь,
А с тобой и я!
Ты беду мою
Поглоти, земля!

Как змея, напасть
В грудь мою вплась.
Пропади ты прочь,
Злого горя власть!

З Н А Ю

Знаю, поплачете, может,
Вы, зарывая мой прах,
И пожелаете в божьем
Царстве мне всяческих благ.

Знаю, барана забьете
И, не грустя уж ничуть,
Вдосталь араки пальете,
Чтобы меня помянуть.

Каждый, паверное, скажет
То, что обычай велит.
После ж — не вспомните даже,
Где я в могиле зарыт.

ЖЕЛАНИЕ

Завидую тем, кто согрет
На утре безоблачных лет
Теплом материнских объятий.
Завидую тем, кто потом
Дни детства помянет добром,
Кто весел на грустном закате.

Завидую тем, кто в своей
Отчизне средь верных друзей!
Чей пир — это песня с игрою!
Завидую тем, кто с арбой,
Кто с плугом своей бороздой
Проходит рабочей порою.

Завидую тем, кто народ
Мятежною речью зажжет,
Чьего ожидают совета.
Завидую тем, кто любовь,
Честь имени, славу отцов
Хранит и в преклонные лета!

ПРОЩАЙ!..

Всем снаряжен я: арчнта, котомка,
Пояс из прутьев скрутил я, как мог,
Палка со мною, в отрепьях шубенка...
Впору прощаться нам... Путь мой далек...

«Прочь!» — ты давно говорила глазами,
Взглядом тебя я пугаю давно.
Сердце твое я услышал и замер:
Стои потаенный мне слышать дано.

Свет мой, прощай!.. Больше видеть не будешь.
Благ от скитальца не следует ждать.
Знаю, что завтра мой взгляд ты забудешь,
А послезавтра забудешь, как звать.

Может, припомнится вдруг, как в тревоге
Жил горемыка, мечтал, одинок.
Может, приснится тебе, как в дороге
Кто-то ступает за смертный порог.

Ты не пугайся! За спом этим следом
Счастье придет к тебе, горе губя.
Кто-то возьмет на себя твои беды,
Кто-то отдаст свою жизнь за тебя.

**В спутницы кличу судьбу нашу злую,
Может быть, с нею пойду я за край
Жизни, и с нею же гибель найду я...
Не убивайся!.. Прощай же, прощай!..**

1891(?)

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

У людей — простор огромных
Комнат, свет, тепло и лад.
А у нас в пещерах темных
Дети с голоду кричат.

У людей — пиры, удачи,
Свадьбы — мир вокруг поет.
А у нас как будто плачет
Над усоншим тощий кот.

У людей — мясные туши
Провисают с потолка.
А у нас — мышей летучих
Крылья вспнут, — вот тоска.

У людей не смелет за год
Мельница зерна поток,
А у нас достатка на год —
Лишь один зерна совок.

СЕРДЦЕ БЕДНЯКА

Зима и час не миновала,
Б рост человека выпал снег,
И злая стужа с перевала
Уж замостила русла рек.

Здесь почти тягостны и длинны...
Когда ж весна придет опять?
Поужинав, не жжем лучины;
Нет кизяка — ложимся спать.

Бедняк живет в хлеву и стойлах,
К труду его — вниманья нет,
И жесток ложка серый войлок.
И плод забот его — обед.

Все дни его полны трудами
И утешенья лишены,
Но, горю вопреки, ночами
Он видит радостные сны.

А - ЛОЛ - ЛАЙ!..

Мать легко тебя качает.
Лунный луч с тобой играет.
Ты расти, мужай!
А-лол-лай!..

Ты — моя надежда, сила.
Пусть ягненком белым, милый,
Вечно для тебя
Буду я!

Наша жизнь страшнее ада.
Твой отец не знал отрады,
Весь он изнемог.
Спи, сынок!

Станешь старше — ожидает
И тебя судьба такая!
Для меня мужай!
А-лол-лай!..

Из простой коровьей кожи
Ты б арчига сделал тоже,
Стал бы голодать...
Время спать!

Ты б дрова таскал, усталый,
Я бы вышла и сказала:
«Мать всегда с тобой,
Ясный мой!

А умру — забудь про горе.
Ты люби родные горы,
Их не покидай!»
А-пол-лай!..

У ГРОБА

Прощай, прощай! Навек избавлен
Ты от заботы от людской.
И, на земле людьми прославлен,
Ты под землей нашел покой.

Народным горем удрученный,
Ты с нами прожил много лет.
И нам светил средь ночи черной
Твоей души и сердца свет.

Всю жизнь любил ты горы эти,
Стремился бедных защитить,
Так чем же нам тебе ответить,
Чем память нам твою почтить?

Все, как один, пойдем мы к свету —
К тому, что ты зажег во мгле.
Но горе нам, что больше нету
Тебя, живого, на земле.

1891 г., 3 марта, Владикавказ

ВЗГЛЯНИ!..

Без матери, брошен отцом,
Отчизну, родительский дом
Оставил я в юные годы.
В чужом, безучастном краю
Весну проводил я свою,
Встречая один лишь невзгоды.

Сказал я: песи же домой —
В Осотню, в край наш родной,
Свое одинокое горе...
И хлынули слезы из глаз,
И радость в груди разлилась:
Увидел я снежные горы.

Но более бедным, чем я,
Вернувшись, нашел я тебя,
Народ, измученный заботой.
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!

Достойных так мало у нас!
И что мы такое сейчас?
И чем мы со временем будем?

**Ползешь ты вслепую, мой край.
Взгляни ж, Уастырджи, и не дай
Погибнуть измученным людям!**

1885(?)

В РАЗЛУКЕ

От радости, боли твоей я далеко,
Иронской земли молодежь.
Чем ты мне поможешь? Умру одиноко, —
Ты слез на мой прах не прольешь!

Здесь люди чужие чужбины постылой,
Здесь кровь мою каждый сосет...
Не смерти боюсь я, но кто над могилой
Костер поминальный зажжет?

Чей плач надо мною утес запатает?
Чья девушка всплачет навзрыд?
Чей скорбный фандыр песнь о мертвом сыграет?
Чей конь в мою честь победит?

От радости, боли твоей я далеко,
Иронской земли молодежь.
Чем ты мне поможешь? Умру одиноко, —
Ты слез на мой прах не прольешь!..

1891(?)

БЕЗ ПАСТУХА

В чаще со стадом пастух не расстанется,
Зорко за ним он следит...
Что же с тобой, молодежь паша, станется,
Кто же тебя защитит?

Ты, обезумев, как стадо голодное,
В чаще блуждаешь лесной, —
Ищешь ты стебли в лесу прошлогодние...
Гибнешь... Что будет с тобой?

О, если б только над горной вершиною
Песню пастух твой запел,
Кликнул тебя — и в семью бы единую
Быстро собрать всех сумел!..

СОЛДАТ

Пусть он не знает покоя счастливого —
Тот, кто нас хочет сгубить.
Мать, ты не шей мне наряда красивого,
Мне ведь его не носить.

Тонким сукном мою душу угрюмую
Ты не порадуешь, мать.
Унтер ударит, во горе, коль вздумаю
Я отомстить, не смолчать.

Сын твой ни слова не скажет о голоде,
Кашей питаюсь одной.
В угол забьется в казарменном холоде,
Спит на соломе гнилой.

Ты не оплакивай жизнь безотрадную,
Сын твой и сам ей не рад.
Он не попросит черкеску нарядную,
Он не женит, а солдат!

Если убьют меня, нет мне отщепеня.
Плачем ты горе утешь —
Ты созови на поминки селение,
Нашу корову зарежь.

**Мать, не рыдай над сыновней судьбиною,
Вытри слезу ты свою!
Жадный до жизни, пускай и погибну я,
Но за себя постою!**

ГОРЕ

Как не рыдать, мои горы, пад вами!
Лучше б золою я вас увидал!
О, почему не засыплет камнями
Судей неправедных грозный обвал?..

Пусть хоть единый из них содрогнется,
Пусть его горе народа проймет,
Пусть оно мукой в душе отзовется,
Пусть хоть одну он слезинку прольет!..

Крепко мы скованы вражьей рукою,
Все, что мы чтли, поругано тут.
Отняты горы... Нет мертвым покоя,
Старых и малых тиранят, секут...

Как от свирепого хищника стадо,
Мы разбежалпсь, покинув свой край.
Что же ты, пастырь наш? Где твой чада?
Пламенным словом нас вновь собпрай!

Горе! Мы к смерти бежим от позора,
К пропасти злобно нас гонят враги.
Мощью народа взгремень бы вам, горы, —
Кто-нибудь смелый, скорей! Помогни!

ТРЕВОГА

Возлюбленный друг мой! Мой друг незнакомый!
Каким тебя именем надо назвать?

Увижу ль, неясной надеждой влекомый,
Тебя я счастливой, о родина-мать?

Родная земля! Твоим столам я внемлю,
Звучащим из твердой, гранитной груди...

Мой друг! На земле ты иль скрылся под землю,
Где б ни был, — на клич мой скорей выходи!..

Откликнись! Призыв мой звенит и в могиле!
Иль в женской одежде скитайся, скорбя!..

Осетия бедная! Кровью, насильем
Пришельцы-алдары смрачили тебя!

Но, может быть, в поисках правды желанной
Нарочно права свои вверил ты им?

Умри ж от раскаянья, друг безымянный,
Признавший пришельца алдаром своим!..

МАТЬ

Коченест ворон...
Страшен бури вой...
Спит на круче черной
Нар, аул глухой.

Долгой ночью лучше,
Чем тяжелым днем...
Светится на круче
Сакля огоньком.

На краю аула
В брошенном хлеву
Нищета согнула
Горькую вдову.

Горе истерзало —
Где уж тут до сна?
Над огнем устало
Возится она.

На полу холодном —
Кто в тряпье, кто так —
Пять сирот голодных
Смотрят на очаг.

Даже волка косит
Голод в холода.
Злая смерть уносит
Слабых без труда.

«Ну, не плачьте! — грустно
Говорит им мать, —
Накормлю вас вкусно,
Уложу вас спать...»

Можжевельник саклю
Дымом обволок...
Капают по капле
Слезы в котелок...

«Сгинув под обвалом
В день злосчастный тот,
Ты, кормилец, малых
Обманул сирот.

Пятерых покинул...
Что же впереди?
Лучше б сердце вынул
Из моей груди!

Видно, муж мой милый,
Ты жены умней, —
Что бежал в могилу
От семьи своей.

Сохнет и хиреет
Сын любимый твой:
Лечь бы нам скорее
Рядышком с тобой!»

Капают по капле
Слезы в котелок...
Можжевельник саклю
Дымом обволок...

Засыпает младший
Раньше всех детей, —
Изнемог от плача
Лучший из людей.

Подожди ты малость! —
Лягут все подряд.
Голод и усталость
Скоро победят.

«Мама, не готово ль?
Дай похлебки! Дай!»
— Всем вам будет вдоволь,
Хватит через край!

Котелок вскипает,
Плещет на золу...
Дети засыпают
У огня в углу...

Ветер воет глуше,
Горе крепко спит.
Сон глаза осушит,
Голод утолит.

На солому клала
Малышей своих,
Грея, укрывала
Чем попало их.

И покуда мрачно
Теплилась зола,
Все насытить плачем
Сердце не могла.

Детям говорила:
«Вот бобы вскипят!»
А сама варила
Камни для ребят.

Над детьми витает
Сон, и чист и тих, —
Ложь ее святая
Напитала их...

КУБАДЫ

Что время года?
На месте сходов,
В худой шубенке,
Седой, горбатый,
Сидит Кубады
С фандыром звонким.

Всю жизнь скитался.
Мальцом остался
Один под небом.
Не раз безродный
Плясал голодный
За корку хлеба.

Босой, избитый,
В душе — обиды,
И грязь на теле.
Жилось не сладко,
Из трещин в пятках
Лягушки пели.

Нет, согнуть лучше,
Чем биться, мучась,

Добра не зная!
В разлуке вечной
Пусть бесконечно
Ревет родная,

Что не вскормила
Ни солнца силой,
Ни грудью белой,
Что в детстве райнем
Своим дыханьем
Тебя не грела!..

Ему в пенастье
И хлев был счастьем, —
Смотреть на щелл
Пастух не станет!
А снег нагрянет —
Поет в пещере!

Овца без пищи?
Он сена сыщет
В чувяке прелом.
Фандыр на диво
Он из наплыва
Березы сделал.

В снегах вершины,
Кусты долины
И дуб угрюмый
К нему клонились
И с ним делились
Заветной думой.

Орла порывы,
Вой вьюг тоскливый,

Гром в поднебесье,
Слеза олесья,
Ручья кипенье —
Пастушья песни.

Свет после бури,
Краса лазури,
Привал для стада,
Луга и воды,
Пора свободы —
Мечты Кубады.

Но счастье кратко:
Беда украдкой
Придет, не спросит —
И беспричинно
Мясо с овчиной
Волк не уполит.

Пастух отличный
Учет обычно
Ведет, как надо...
Куда ж деваться
Могло пятнадцать
Овец из стада?

Пропали где-то...
Кому об этом
Расскажешь горе?
Ох, треснуть может
Пастушья кожа:
Алдар заперет!

Предвидя порку,
Овец к пригорку,

К селу пригнал он —
И убегает
За склоп Адая —
К дигорским скалам.

Страной родною
И Кабардою
С фандыром шел он.
В Калаке с пылом
И пел и пил он
В кругу веселом,

Какие песни!
Что их чудесней,
Добрей, милее?
Сказастья эти —
То смехом встретишь,
То грусть навеют.

В пути-дороге
Не слабнут ноги,
А песни — краше.
Вот видим снова
Певца седого
В ауле нашем.

Что время года?
На месте сходок
Он восседает,
Слепой, горбатый...
Но кто Кубады
У нас не знает?

1889(?)

КТО ТЫ?

Не спрашивай, кто я.
Ведь ясно, как день, —
И это не скрою, —
Что я не уздень.

Рубаха — холстина,
Черкеска, бешмет, —
Для горского сына
Наряднее нет.

Арчита, заботы
Несносного дня.
Спросил меня: Кто ты? —
Так слушай меня.

Родился в горах я.
А где? Назову:
На свет я без страха
Явился в хлеву.

Роженица вместо
Сырого угла
Привычное места
Найти не могла.

Проклятьем суровым
С тех пор надо мной!
Кто доброе слово
Промолвил больной?

Все словно исчезли
В тот бедственный час.
Никто от болезни
Родную не спас.

Отец одиноко
Ругает житье.
Наказан жестоко
Оп смертью ее.

Вскормлен я другою,
Что день изо дня,
Не зная покоя,
Растила меня.

А дни непогожи:
Там горькой порой
Год первый я прожил,
И прожил второй.

Потом с упоением
Скитался, упрям,
То с пляской, то с пеньем
По многим пирам.

Отца вспоминаю.
Он не был мне рад.
Его называю,
Прости мне, Хамат,

Женился он снова,
И с этого дня
Приличного слова
Не слыхивал я.

Узнал, что такое
Власть злобой руки,
Чья ласка — побои,
Гостинцы — пинки.

Охота швыряла
Отца по горам,
А мать побиралась
По разным дворам.

Охотничье дело —
На смертном пути.
На кладбище — тела
Отца не пайти.

Скитался по свету —
Светло или мгла...
Разбился он где-то! —
Вдруг весть к нам дошла.

Жена погрустила,
И вскоре потом
Продать поспешила
И землю и дом.

Проела п — крышка.
Ведь взрослым видней!
Как мог я, мальчишка,
Указывать ей!

Совсем без призора
Остался, пострел, —
Мне десять. Как скоро —
Хоть плачь! — повзрослел.

А матсха тут же
(Лишь год прождала),
Нашла себе мужа,
За ним и пошла.

В соседстве неблизком
Средь новых забот
Теперь в Алагирском
Ущелье живет.

— Живи, ты свободен,
Умрешь, не беда! —
К какой я был годеи
Работе тогда?

— Как хочешь! — сказала.
Я помню сейчас:
Ягнят поначалу,
Голодный, я пас.

Постель моя — травы...
Батрак, среди дел,
Задиристо, право,
«Да-да-дай» я пел.

Подпасок примерный,
Я стал пастухом.
Мне по десять мерок
Платили зерном.

Котомка, да шапка,
Да хлеба кусок, —
В накидке не зябко.
Работай, дружок!

Ругали, пороли, —
Я все испытал!..
Но все же порою
«Да-да-дай» певал.

И вот мне шестнадцать —
Мужчина, у дел.
Успел наиграться,
Поспать я успел.

Косарь я плечистый, —
Крутая рука.
Размашисто, чисто
Побрею луга.

Иду — не удержишь, —
Косою звеня.
Но где они, где же
Луга у меня?

Земля моя, где ты?
Не видно ничуть.
Запродана, нету..
Кого попрекнуть?

Батрачил, отчаясь,
Я до двадцати.
Чего не встречалось
На этом пути?

Слеп был, и кряжист,
И крепок мой шаг...
Любую нес тяжесть,
Как истый ишак.

Знал дело любое:
Как ткал я сукно!
Шитье золотое
Освоил давно.

Иглою, как портниха,
Я лихо владел...
Работая, тихо
«Да-да-дай» я пел.

А сердце... Покоя
Ему не дано.
Скажи: ты плохое! —
Поверит оно?

Играет лучами
Порою дневной
И любит ночами
Скитаться с луной.

И слышит — откуда? —
Свободы призыв.
И кровь — не причуда —
Кипит в нем. Порыв!

Краса длиннوبرовой
Смутила юнца.
Ни крепкого слова,
Ни просто словца,

Меня закачало
И кружит опять.
Не видно начала,
Конца не видать.

Увижу — отрада...
А вот иногда
От этого взгляда
Мне гибель, беда.

Дичился, молчал я,
Работу губя,
Судьбу проклинал я,
Бежал от себя.

От всех отгорожен,
Шел трудной тропой.
Гей, сердце, кто может
Бороться с тобой?

Зачем мне светила
Среди бела дня?
Зачем проходила
Ты мимо меня?

Само простодушье, —
Ты скрытно добра.
Ведь я без оружия, —
К чему ж кобура?

Зачем пздалёка
Беседу веду,
Печалью жестоко
Тревожу мечту?

Обвалы-заботы
Зимой нам страшны.
А осень — работы...
Что ж краше весны?

Земля — как ликует!
Светлы небеса.
Трава! Не ворует
Соломы коза.

И реки желтеют,
И горы черны,
И птицы смелеют
От чувства весны.

Все жарче, все злее
У сердца запал.
Эй, парень, живее!
Куда ты пропал?

Похвастался силой?
Смирн свою кровь.
Родителям милой
Калым приготовь.

Достаток батрачий...
Готов мой калым.
Он собран, а зпачит —
Не медли ты с ним.

Мой конь — чего ж прощє? —
Соль ел у меня
С ладони, — для тещи
Купил я коня.

Но вот... Что же было
Причиной тревог?
Отец мой милой
Не только лишь строг, —

Он высокомерен
Всегда с батраком.
Сырдопом и зверем
Входил он в свой дом.

Всем рот затыкает,
Словца не сказать...
А девушка тает,
В отчаянье мать.

В согласие мы с нею
И с нами — она.
Отец же все злее,
Медведь! Сатана!

Клад жертвы я богу —
Не принял их бог.
А сердце — тревоги
И боли комок.

Кого послать сватом?
Кто время найдет
Для нищего брата,
Для брата невзгод?

Кого послать сватом?
Кто сможет помочь?
Медведь грубовато
Прогонит всех прочь.

Пойти мне? Но чую, —
Что все загублю.
А вдруг не смолчу я?
Вспылю — не стерплю.

Какие-то сваты
Спят у отца.
Мать в гневе и свято
За нас до конца.

А дочь безутешна,
Рвет волосы дочь...
И все — безуспешно...
Мне ей не помочь!

Но все ж и намерен
Взывала ко мне:
— Ты где же? Немедля
Явись, хоть во сне!

Такие заботы!
Вот вся моя быль.
Спросил меня: кто ты? —
Отвечу: бобыль!

ВСАТИ

Сладко спать усталым.
Утром сон могуч...
Но скользит по скалам
Первый солнца луч.

Все кругом искрится,
Ветерок шумит,
Пробудились птицы...
Только Всати спит.

Старца-исполнна
В мире кто древней?
Вот вершин вершина —
Он живет на ней.

Снег сняет горный:
Манит вышина.
Там — пихас просторный,
А на нем — сосна;

С диких скал свергаясь,
Воеет водопад;
С двух сторон, сверкая,
Ледники висят.

Камни с грозным шумом
Катятся с высот...
Лесом скрыт угрюмым,
Всати здесь живет.

Стол его, сиденье —
Все хрусталь сплошной,
Из рогов оленьих —
Ложе под сосной.

Шерсть на нем медвежья,
Козий пух лежит...
Всати утром свежим
Беззаботно спит.

Машут лопухами
Семь безусых слуг,
От него упрямых
Отгоня мух.

Семь других румянят
На огне шашлык,
Жарят бок бараний —
Будет рад старик...

Гром гремит. Поднялся
С ложа Всати: «Оф!
Я проголодался —
Завтрак мой готов?..»

Жирный бок грызет он.
Вдруг запели. «Гей!
Видно, вновь — охота.
Погляди скорей!..»

Юноша проворно
К леднику шагнул,
Со стремнины горной
В бездну заглянул

И без промедленья
Крикнул: «Слышу зов —
Просят там оленя
Девять ездовых.

Коши статны. Ружья
Крымские блестят...
— Нам олень бы нужен,
Пусть худой! — кричат».

— Щеголям блестящим,
Глупый, откажи:
Знай — у бедных тащит
Скот им Уастырджн.

Пусть он угостит их
Краденым скотом
Да аракой сытых
Напоят потом!..

Солнце на закате.
Песни вновь слышны,
Вновь прислужник Всати
Смотрит с вышины.

«Семерых на круче
Вижу бедняков,
Слышу их могучий,
Их веселый зов:

— О, уарайда, Всати!
Щедрый, к нам явись.
Ты на горном скате,
Погляди-ка вниз!

Ты оленя, Всати,
Дай пам в добрый час.
Ты на горном скате,
Ты взгляни на нас!.. —

В стареньких арчита,
С плохоньким ружьем.
Головы побриты
Сломанным серпом...

— Гей, юнец! Рогатых
Выпусти скорей:
Угости, как надо,
Дорогих гостей.

1889(?)

НА КЛАДБИЩЕ

Нет похорон многолюднее наших...
Нынче такая толпа провожавших
С гор и долины собралась —

Не повернуться на кладбище было,
Старый и малый стояли уныло,
Низко над мертвым склоняясь.

Был он единственный сын у слепого
Старца. На черных носилках сурово
Вот он замолк, недвижим.

Труженник вечный, старательный в деле,
До Алагирского был он ущелья
В каждом селенье любим.

С детства не знал он еды прихотливой,
Не щеголял он в черкеске красивой,
Да и не думал о том.

Скромный, со всеми он был одинаков.
И до сегодня сафьянных чупяков
Мы не видали на нем.

Ничего ж, смотрите, нарядный какой он!
Как у невесты, затянут и строен
Мертвого юноши стан.

Золото ярко блестит на одежде.
Разве оружие на юноше прежде
Кто замечал из крестьян?

Шашка с винтовкой под стать удалому.
Часто ль, однако, с оружием из дому
Он выезжал, как джигит?

Сроду коня у него не бывало!
Только теперь, когда время настало,
Конь перед мертвым стоит.

Женщины стихли... Умолкло рыданье...
Вот к мертвецу, соблюдая молчанье,
Старец подходит седой.

Темную кожу изрыли морщины,
Шапка, шубенка — из старой овчины...
Думаем: кто он такой?

Вытер он слезы дрожащей рукою,
Выпростал бороду перед толпою,
Взял за уздечку коня.

Смолкли мгновенно пред ним разговоры,
Люди печально потупили взоры,
Плачет, рыдает родня.

Старец на краткое замер мгновенье,
Вдруг он собравшимся на удивленье
Стал не спеша говорить.

Коль не смогу повторить его речи,
Друг мой, земляк мой, прошу издалече
Слово мое не хулить.

Вот что сказал он: «Пусть будет довска
Память светла о тебе! Человека
Взор благородный угас.

Всем ты снабжен для поездки спокойной.
Конь лишь тебе не нашелся достойный
В этот безрадостный час.

К Тереку люди отправились пыле,
Ищут по пастбищам, ищут в пустыне,
Ищут по краю земли.

Много они берегов обскакали,
Много они табунов обыскали,
Но ничего не пашли.

Видишь, на небе, под желтой горою
Три скакуна вознеслись над тобою,
Уастырджи три жеребца?

Ближнего схватишь — ударит копытом,
Дальнего схватишь — он волком несатым
Кинется на молодца.

Средний блуждает по области неба.
Дай ему корку ячменного хлеба.
Славный Курдалагон-бог

Быстро кошу изготавит подковы,
Будут узда и попона готовы —
Все для загробных дорог.

Первенцем месяца конь твой крылатый
Будет обуздан. Сын солнца, вожатый,
Даст тебе плетъ и седло.

Сядь на коня! Не споткнись, опускаясь,
Не торопись, по горам поднимаясь,
Если коню тяжело.

Три пред тобою предстанут дороги.
Нижняя — это дорога тревоги, —
Кровники ездят по ней.

Мститель на верхней дороге тантся.
Средней дороги твой конь не боится —
Значит, и ты не робей.

Это — твой путь! Он не шире тропинки.
Встретишь ты мост из одной волосинки —
Птице не перепорхнуть.

Пусть от бедра твоего нисходит
Мяса кровавый кусок оторвется, —
Так его нужно хлестнуть.

К царству усопших в мгновение ока
Перенесет тебя конь твой с востока, —
Солнца увидишь заход.

Скажут: «Темно! Уходи, мол, отсюда!»
Сердце — ходатай твой. Веруя в чудо,
Ты помолись у ворот.

— Боже! — воскликни. — Создатель вселенной!
Солнце в его красоте несравненной
Слова на небо верни!

Солнце усопших на пебе заблещет,
Створы железных ворот затрепещут,
И распахнутся они.

Знает сын солнца дорогу до рая.
Все он тебе объяснит, проезжая,
Видя смущенье твое.

Вот ты заметил собаку у входа.
Лают щенки, не давая прохода,
Воют из чрева ее.

Спросишь ты: — Что это за небылица?
Суке не время еще ощениться. —
Молвит сын солнца в ответ:

— Женщина эта всю жизнь воровала, —
В образе суки ей время настало
Мучиться множество лет.

Дальше — срамное: мужчина с женою,
Шкурой вола покрываясь одною,
Перед тобою лежат.

Не поделить покрывала пм, — сдуру
В разные стороны дергают шкуру.
Голые оба до пят.

— Что это значит? — ты спросишь в испуге. —
Что они делают, эти супруги? —
Скажет тебе проводник:

— В жизни у этой бессовестной пары
Были одни перебранки и свары,
До ночи слышался крик.

Их разнимали соседи и дети...
Так и в загробном живут они свете! —
Дальше коня погощи.

Новых супругов увидишь ты скоро.
Маленькой заячьей шкуркой без спора
Плотно укрылись они.

— Как же им заячьей шкурки не мало?
Шкуры вола драчунам не хватало! —
Ты пожелаешь узнать.

— Верные эти супруг и супруга
Крепко при жизни любили друг друга, —
Здесь они любят опять.

Рядом, закутана шкурой гадюки,
Мечется жепщина, вытянув руки,
Жабья косынка на пей.

Постыжей раньше она притворялась,
Но втихомолку сама надевалась
Над помпашаньем людей.

Камень посыпался вдруг над тобою —
Штопает жепщина скалы нглою,
Хочет заштопать овраг.

— Что с ней? — Была и она свосиравна:
Платье любовнику штопала славно,
Мужу зато кое-как.

Здесь она мужу заплатит сторицей!
Дальше! На женщине жерпов вертится,
Мелет каменья в песок.

Денно и ночью, не переставая,
Крутятся жернов, беднягу терзая...
Что был у ней за порок?

— Мельницу эта держала воровка.
Красть научилась муку она ловко.
Долго ли, сам посудни! —

Дальше скажи! Молоко водопадом
В кадку, подобную горным громадам,
Женщина льет впереди.

Сыру сварить она хочет для пира!
Глянь, а кусок получается сыра
Чуть ли не меньше яйца.

— Так ей и надо, бессовестной скряге!
Сколько бы ни было сыра в корчаге —
Не угостит пришлеца. —

Рядом — другая, в посудине жалкой
Сыра кусок подцепила мешалкой,
Да не поднять, тяжело!

— Эта, хотя ей еды не хватало,
Без угощенья гостям не давала
Ехать в другое село. —

В лучшую область спеши, человек!
Вот пред тобой на пригорке далече
Муж восседает с женой.

Гнется от тяжести стол перед ними, —
Полон папитками он дорогими,
Сладкой уставлен едой.

Пища тут с перцем, чеснок в изобилие!
Сколько б супруги ни ели, ни пили, —
 Не насыщает еда.

— Что за диковина! — Эти супруги
Были бедны, но чурек свой в лачуге
 С нищим делили всегда. —

Дальше! Какой-то бедняга в теснине
Носит камешья в бездонной корзине,
 Мучаясь около скал.

— Раньше, поклявшись отцовскою верой,
Мерил он земли неправильной мерою,
 Пашни соседские крал. —

Дальше! Увидишь: в траве превосходной,
Бык из упряжки, худой и голодный,
 Бороду старца жует.

Что ж он гнушается свежей травою?
Разве, питаясь сухой бороною,
 Будет он сыт, сумасброд?

— Старец, быка раздобыв для упряжки,
Раньше соломы жалел для бедняжки, —
 Вот он и кормит быка. —

Дальше! Шумит океан безграничный.
Некий изгнанник в скорлупке яичной
 Заперт среди острова.

Мостик к изгнаннику лезвия уже.
Дверь, как ушко у иголки, к тому же.
 — Этот несчастный злодей

Жил полюдимом, детей он с жепой
Выгнал и с жизнью простился земною,
Отгородясь от людей. —

Далее, в лед провалившись по шею,
Кто-то вопит пред тобой: «Леденею!»
— Гибнет за что он во льду?

— В час неурочный на каждой неделе
Крался, бывало, к чужой он постели, —
Вот и попался в беду. —

Башня стоит вдалеке ледяная.
В башне три старца сидят, замерзая
В креслах своих ледяных.

Льдистые палки пристыли к доскам,
Льдистые бритвы гуляют по лицам,
Режут, уродуют их.

— Как объяснить мне виденье такое?
— Нёкогда были в судилище трое
Выбраны целой страной.

Судьи, однако, пристрастными были,
Князя они и ребенка судили
Не сообразно с виной. —

Блещет дворец серебром на поляне.
В нем восседают на белом диване
Трое пришельцев с земли.

Знает твой спутник земной их обычай:
Эти судили без всяких различий,
Правду святую блюли.

Вот, наконец, и окрестности рая.
Плетью взмахни ты, и копь твой, играя,
К цели тебя донесет.

Слезешь с копя ты — детей вереница
Перед тобой на лугу вселится,
Бегая возле ворот.

Всадника радостно каждый встречает,
Кто за отца, кто за мать принимает...
Все-то босые они!

Этот — без пояса, тот — без папахи,
Эти — по горло задрали рубахи.
Ты их не тронь, не гоши.

Ты приласкай их, поправь им одежды.
Стань у дверей, не теряя надежды,
Помощи жди от ребят.

Если привратник начнет упираться,
Дети невинные не согласятся
В рай уходить без тебя.

Семь золотых распахнутся затворов.
Мудрый Барастыр, царь мертвых, без споров
Пустьнит достойного в дверь.

Вот и в раю ты! Пусть будет до века
Память светла о тебе! Человека
Образ ты сбросил теперь.

Пусть же тебе этот плач безысходный,
Этот великий почет всенародный
Снимут унынье с чсла!

Тесно с землей ты сольешься родимой.
Ждет тебя конь. О тебе, наш любимый,
Память да будет светла!»

Длапъ от уздечки отвел говоривший.
«Вечная память тебе, опочивший!» —
Все повторили кругом.

Справили гости обряд поминанья,
Но еще долго неслись причитанья
Над погребальным холмом.

БЕЗУМНЫЙ ПАСТУХ

Глянул вниз пастух с обрыва, —
Глаз не мог отвести:
Плыло облако лениво,
Белое, как шерсть.

Он в мечтах своих унесся
К облаку тогда.
Крикнул на краю утеса:
«Прыгну я туда,

Пусть пасутся на закате
Овцы падо мной, —
Я послю на этой вате,
Белой, шерстяной...»

Над обрывом наклонился,
Крикнул: «Гоп!» — и вдруг
Полетел, как мяч... Разбился
Вдребезги пастух!

РЕДЬКА И МЕД

За глаза, мой друг, не смейся:
Осуждай пороки смело!
Будь ты лучше всех на свете,
Но бахвалиться — не дело!..

Сколько кушаний приносит
Добрая хозяйка! Что же:
Ведь и бедный стол порою
Честь оказывает тоже.

Все же кушанья гордятся
И себя возносят сами,
И одно чернит другое,
Похваляясь пред гостями.

Ну, шашлык, пирог — понятно!
Им всегда почет и слава.
Но вот задыш, хомыс, бламык —
Вы бы помолчали, право:

Вас едят — и то спасибо!..
Вот и редька нос задрала.
Горло жжет и дурно пахнет,
О себе же мнит немало!..

Так однажды на обеде
Редька тоже отутилась
И украдкой, потихоньку,
Близко к меду подкатилась.

«Как вкусна я с этим медом!» —
Прошептала редька гостю.
«Обо мне не беспокойся:
Я и без тебя ведь вкусен!» —
Мед ответил ей со злостью.

ОЛЕНЬ И ЕЖ

Как-то олень от беды неизбежной
Лесом бежал — и, примчавшись к реке,
Раненый, рухнул на камень прибрежный,
Изнемогая в предсмертной тоске.

«Ох! — обратился к нему в это время
Еж из травы. — Ты ведь ранен, мой брат!
Что ж — и ежей благородное племя
Гонит ловец — будь он проклят стократ!»

— Горе! И ты с благородным оленем
Хочешь сравниться, завистливый еж?
Пусть же постигнет мой род истребленье,
Если с твоим хоть немного он схож!

ПОСТНИК

Человек за плугом скромно
И чурском сыт.
Ох, давненько о скоромном
Старый кот грустит.

Не резвится дни и ночи,
Песепки забыл,
Сказок рассказывать не хочет,
Свет ему постыл.

Выкоп глаза такому,
До смерти набей, —
Лишь одно подай худому:
Накорми скорей!

Есть спасенье не простое —
Нартовское, но
Свисло, поздри беспокоя,
С потолка оно:

Бычье сало, — будто взяты
Маковки в жгуты,
Блеском яблок желтоватых
Дразнит с высоты.

Так разбухло, что местами
Треснуло, — и кот
Щурится, вода усами:
«Нет, не съест и в год!»

А собака, видя сало,
Принялась ворчать
И, оскалясь, прорычала:
— Что глядишь опять? —

Вздрыгнул кот, от злости хмурый,
Ухо почесал.
— Все-то вы, собаки, дуры! —
Он врагу сказал, —

О былых своих уловках
Я забыл совсем —
И скромного, воровка,
Я, как ты, не ем!

ПРИВЫЧКА

В рощу однажды пошел я с кремневкою,
Так, из причуды досужей;
Мало сказать, что охочусь пеловко я, —
Трудно охотиться хуже!

Чтобы стрелять — и не думал я этого,
Не было в пей и заряду.
В сакле ржавела кормилица дедова
Лет уж четырнадцать сряду.

Пробуя колос, дивясь высоте его, —
Так я добрел до покоса.
Люди косили луга богатеевы,
Хор их гремел стоголосо.

Впизу впезапно я: некто меж грядками
Крадется тайно и молча;
Сам безоружен, но странен повадками,
Да и походка-то волчья!

Должен узнать я намеренье скрытое!
Крадучись, следуя с краю
И впереди его кем-то забытую
Сумку в траве замечаю...

Да поразит лиходея проклятие!
Корки пужны ль ему эти?
— Эй ты! не стыдно ль такого занятия? —
Крикнул я, кражу заметя.

Вор задрожал, оглянулся в смущении...
Видю кого же я? — старца!
Окаменел он, и я в изумлении
Также безмолвен остался.

«Слушай, — сказал наконец он таинственно
(В горце узнал земляка я), —
Бросил ведь я воровство ненавистное;
Сумка — моя, не чужая».

— Сумка твоя, так зачем тебе красть ее,
Если рассудим мы здраво? —
Он застыдился, как девица красная:
«Это одна лишь забава».

Больше прибавить ему было нечего
(Кровником стал я, быть может),
Кто б захотел убедить сумасшедшего —
Даром себя потревожит.

«Слушай же, пользуясь встречей нашею,
Сердца открою причуду:
Слаще мне пища, когда у себя же я
Кражею завтрак добуду.

Это влиянье заклятья какого-то!
С детства обучен я краже.
Красть уже нет ни причины, ни повода,
Но не избавлюсь от блажи!

Лучшие яства не будут отрадою,
Сытый покой мне не нужен;
Не успокоюсь, пока не украду я
Хитростью собственный ужин».

Вырвав ружье у меня (мы заметили
Волка у темной лощины),
Выстрелил, — и — небеса мне свидетели! —
Волк покатился с вершины.

Хлопнул в ладоши я: здорово слажено!
Чудо иль только сноровка?
Я ведь сказал, что была не заряжена
Ржавая эта кремневка!

ЛИСА И БАРСУК

На барсука свою злость неусмную
Точит лисца,
До Арджинарага ходят вдвоем опи
В поисках птицы.

Если же где-нибудь вдруг повстречаются...
Многим на диво —
Словно родные, друг к другу ласкаются
Нежно, игриво.

Возле утеса в вечернем безмолвии
Встретились спова.
«Не выношу я, — плутовка промолвила, —
Больше спиртного.

Мимо владений бродила я княжеских,
Тихо шагая.
В ноздри ударила душною тяжестью
Влага хмельная.

Видно, поминки справляли, и пряпое
Сусло осталось.
Даже от запаха стала я пьяная,
Дурно мне стало...»

Но, оборвав эту выдумку подлую
Хитрой лисицы,
Вниз покатился барсук. Вот уж под гору
Быстро он мчится.

«Что с тобой, друг мой, какою ты силою
Сшиблеп, как в драке?»
— Пьян я: слова твои, кумушка милая,
Крепче араки!

МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА?

С песней крестьяне проходят ущельями,
Но обрывается песня косца:
Глядь, — на дорогу из горной расщелины
Череп упал и рука мертвеца.

Шутят крестьяне: — Видать, запустелые
Наши дороги — бедняге должны!
Челюсти черепа белые-белые
Мертвой усмешкою обнажены.

Облит закатом, он блещет, как золото.
Смотрят глазницы, подобно очам...
Вдруг ядовитою струйкою холода
Страх пробежал у крестьян по плечам.

«Люди! — отшельник сказал из пещеры им.
Что у вас там?» — Вот, хотим угадать,
Кто потерял этот череп ощеренный:
Доблестный муж или честная мать?

«Экой народ! Вы глупее, чем перепел! —
Старый отшельник воскликнул шутя. —
Кто был хозяином этого черепа,
Вмиг разгадает теперь и дитя!

Всем нам особые свойства завещаны,
Каждому праву — примета своя.
Кто же, скажите, не знает, что женщины
Перед поминками не устоят?

Чтобы узнать, то мертвец иль покойница,
Надобно крикнуть: — Вон тело лежит! —
Череп мужчины и с места не тронется,
Женщины череп стремглав побежит!»

Мало крестьяне поверили этому:
— Видно, сместя над нами старик! —
Но пренебречь не посмели советами
И над находкою подняли крик:

— Слава Хамбитте и царство небесное!
Как он, бедняк, умирал тяжело!.. —
В черепе вдруг что-то щелкнуло, треснуло,
И покатился он тропкой в село.

В ПАСТУХАХ

Сказка

В пастухах бедняк когда-то
У циклопа жил.
Изнемог в пужде проклятой,
Выбился из сил.

У циклопа блещет злобой
Круглый глаз со лба,
Как амбар — его утроба,
Как совок — губа.

Не давал расти он стаду,
Поедал приплод.
— Ну, — сказал бедняк с досады, —
Дай-ка мне расчет! —

«Добрый путь! Невольнть силой
Я, брат, не привык...»
Стиснув зубы, прикусил он,
Наш бедняк, язык —

И назад со стадом в горы,
На цветущий склоп...

Лопнет пусть пастух, который
Лжет, что счастлив он!

Наш пастух не знал отрады,
Отдыха не знал...
Как-то раз он к ночи стадо
С пастбища пригнал.

Великан вернулся тоже,
Красен, распален,
На ногах стоять не может,
Впдно, выпил он.

Издевается, рыгая:
«Ты, брат, молодец,
Мне богатство сберегая,
Пас моих овец.

Рассчитаться за услугу,
Знать, приходит срок...
Мстить нам не за что друг другу, —
Слушай-ка, дружок:

Девять хитрых есть загадок,
Девять, как одна!
Отгадай ты их — и стадо
Получай сполпа.

А не то, — так даром, значит,
Пас ты стадо. Так?»
— Ладно, коль нельзя иначе! —
Говорит бедняк.

«Кто ж один, скажи? — Ответить
Тут бы каждый смог».
— Бог один на белом свете!
Кто же, как не бог?

«Ну, а два? Что значит — пара?»
Тот спросил тотчас.
— Стережет пастух отару
Парой черных глаз.

«Ну, а тройка — что такое?»
— Что? — Треножный стол, —
Он накормит и напонт
Всех, кто в дом вошел.

«А четыре?» — То четыре
Сына. Искони
Все работы года в мире
Делают они.

«Ну, а что, скажи, пятерка?»
— Смысл яснее дня:
Пять сынов, что в жизни зорко
Берегут меня.

«Ну, а шесть? Посмотрим, что ты
Скажешь в этот раз!»
— Шесть я раз просил расчета
И слышал отказ.

«Что же значит семь? Скорее
Дай-ка мне ответ!»
— Семь голов иной имеет,
А ума в них нет.

«Ну, а восемь — что? Попробуй
Отгадай, хитрец!»
— Восемь лет я, глядя в оба,
Пас твоих овец.

«Пустяковые загадки
Зря я задавал,
Дай разгадку мне девятки!» —
Великан сказал.

— Далеско я был в девятом.
«Где ж, скажи, ты был?»
— Есть страна Терк-Турк, и я там
Целый год бродил.

«Через море ж нет дороги!»
— Я достал коня:
Старый овод хромоногий
Перенес меня.

«Море высохло за лето?
Что ж, твой конь не плох».
— Нет! Орел над бездной этой
Пролететь не мог.

«Есть орлята, что осилит
Их цыпленок, брат!»
— Ну, чтобы вола носили —
Нет таких цыплят!

«Если с мышь телепок ростом,
Так ли тяжело?»
— На сппне мышонка просто ль
Уместить село?

«У колдуны и курятник
За село сойдет!»
— Обезжав курятник, вряд ли
Заяц устает.

«Над зайчонок скалпшь зубы —
Ишь, какая прыть!»
— Не успеет пусть и шубы
С шапкой износить,

Кровь пусть тот застудит в жилах
В партский зпмний мрак,
Кто из шкуры зайца сшил их —
Нартов Урызмаг.

«Он для партов мал как будто?»
— Знай — он вот каков:
На ноге его сойдутся
Девять петухов,

И тогда ему их пепье
Не тревожит слух.
«Что же в том за удивленье?
Он, быть может, глух?»

— За семью ли за морями
Стог бекасы вьют,
Жвачку ль под семью горами
Комары жуют, —

Все услышит, все расскажет
Этот человек.
Если вру — так стань сейчас же
Камнем здесь навек! —

Пораженный тайной властью,
Как пастух сказал,
Великан с раскрытой пастью
Каменный стоял.

Стал бедняк дышать свободней,
Все теперь его.
Мне барана дал сегодня
Тоже одного...

Как ничем там поживиться
Мне не довелось, —
Так и вам сто лет трудиться,
Чтобы все сбылось!

КИСКА

**Киска, киска, кис!
Где ты, отзовись!..
В теплой шубке ходит,
У огня лежит,
Сказки говорит,
Песенки заводит.**

ШКОЛЬНИК

— Чей сын ты?

— Толая!

— Где был ты?

Всегда я

В школе бываю с утра.

А-бе-ве

Читал я,

Бе-ве-ге

Писал я:

Грамотным стать мне пора.

Ш А Л У Н

Ястреб, — чу!
Спать хочу.
Прочь, лиса —
Егоза, —
Дремлю я пока.
Ты, орел,
Взгляд отвел.
Зайчик, ты —
Шмыг в кусты.
Нет хлеба, тоска...

КОМУ ЧТО...

Делу — свой черед.
Детям — мать, уход.

Стадо — пастухам.
Пастбище — стадам.

Ржи — о жницах весть.
Хлебу с солью — честь.

Малый грех — прощай,
Сердцу — ласку дай.

Время — врач тоски.
Буйным — спняки.

Всем лептям — клут.
Шустрым — рыба в пуд.

БУДЬ МУЖЧИНОЙ

Ты ранним утром встань, '
Умойся, освежись.
«О боже, в эту рань
Тебе вверяю жизнь...»

Пшеничный хлеб хорош, —
Ты б не был позабыт.
Пшеничного не ждешь, —
Будь кукурузным сыт!

Ты сумку приготовь
И в школу поспешн,
К ней прояви любовь,
Старайся от души.

Наставника ты чтн,
И честь его и стать.
Работай и расти,
Чтобы мужчиной стать.

СИНИЦА

Синица — сестрица,
Так где ж ты зимой?
Просторы и горы
Не кличут домой?

Вот жребий — путь в небе
Всю ночь высоты!
Мечтал бы, желал бы
Жить вольно, как ты!

.

ЛАСТОЧКА

Ты с песней чудесной
Весной золотой
Веселье в ущелье
Приносишь с собой.

Так пой на просторе,
Над скалами рей,
Не ведая горя,
Нужды и князей.

ВЕСНА

Снег сходит, в природе
Все стало пестрей.
Где север, усеян
Склон грудой камней.

Склон южный весь в дружных
Побегах весны.
Землица дымится,
Дороги грязны.

Шалун мотылочка
Поймал... Для чего?
Весны ты защита, —
Не мучь ты его!

ЛЕТО

Поспела, дозрела
Морковка — сочна.
Корзины малины
Уносят — красна.

Плетенки, их тонко
Плетут мастера.
Ореки-утехи,
Собрать их — гора.

И росы и косы
И сено — везде.
Где б ни был, земляк мой,
Будь счастлив в труде!

ОСЕНЬ

Желтеют, темнеют
Трава и кусты,
На скатах щербатых
Туманы густы.

Вот сжали, убрали
Мы хлеб наконец;
Колотят, молотят...
Стричь будут овец.

Садами, стадами
И хлебом полна,
О, как ты богата,
Родная страна!

ЗИМА

С бедою и мглою
Зима к нам пришла:
Метельна, смертельна
Морозная мгла.

Селенье, — мгновенье
И рухнет — обвал...
Бывало, обвал нас
На смерть обрекал.

И в голод и в холод,
Измучась, па суд
Все к богу тревогу,
Рыдая, несут.

ПРИСЛУЖНИК

Песня

Привал в лугах с густой травой.
Пастух, ты песен не поешь.
Но что случилось с тобой,
О чем горюешь, молодежь?

Кто на похлебке рот обжег,
На воду дует, говорят,
И тот, кто стать шпионом смог,
Во тьму упрятать имя рад.

Со стадом, горец, ты идешь,
Не устаешь от высоты.
Скажи мне, наша молодежь,
Зачем живешь не дружно ты?

Как не заметить в стаде нам
Бычка-красавца молодца?...
Не тайна — честных имена.
Не тайна — имя подлеца.

Скажу: средь русских вырос я —
Вина их не держал во рту...

Чего стесняться нам, друзья?
Поговорим начистоту.

А что сказать? Куда нишло,
Скажу, что говорил всегда:
Прислужник — вот позор и зло,
Погибель наша и беда!

Волчиха стадо в поздний час
Разгонит по полю, во тьму.
Прислужник сделался сейчас
Алдаром, стал главой всему.

Сыта волчиха, все же ей
Охота рвать еще овец.
Прислужник клеветой своей
Позорит родину, паглец.

Не может даже скот считать
Чужой семью своих коров.
Прислужник ближнего бросать,
Как злобный враг, в огонь готов.

Отарой лучшей, скажем так,
Свою считает и овца.
Прислужник, серый, как ишак,
Плевков не может снять с лица.

Больные все в одном равны —
Лишь о своей болезни спор.
Прислужник для моей страны —
Ее болезнь, ее позор!

УПРЕК

Кроткого обидишь —
Он и ущемлен!
А упрямцу, видишь,
Твой упрек смешон.

Как-то Мишка начал
Волка укорять:
Серый, честь ты нашу
Замарал опять.

Всех ты силой губишь...
Скор ты на язык,
А просить не любишь,
Нападать привык.

Если б стал обжора
Гордостью зверей,
Ты тогда, без спора,
Был бы всех знатней!

На обжорство злое
Честь я не мепял.
Ребра от побоев
Кто из нас терял?

К овцам даже в стужу
Не кидался я.
Что позорней, хуже,
Чем судьба твоя?»

Волк ответил: «Это
Правда!» — и ушел.
И тотчас же где-то
Закричал козел.

1899

ЧТО ЭТО?

Счастье... О чем я, безумец, мечтаю?
Где в наше время счастливица найдем?
Нет, не о счастье я к богу взываю...
Друг мой, о чем?

1899

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Когда б с порога песнею,
Я обратился б к вам:
«Хадзаронта, хозяйева,
За вас я жизнь отдам!»

Когда бы ты на голос мой
Вдруг вышла на порог,
Чтоб на тебя одним глазком,
Мой свет, взглянуть я смог.

Когда бы ты явила мне
Улыбку чистоты,
Когда бы ты с доверием
Спросила б: «Кто же ты?»

Когда бы, взявши за руку,
Сказал тебе в ответ:
— В тебя влюбленный, любящий, —
Тот самый я, мой свет!

1899

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Хозяева, хозяева!
К вам путники, — узнали вы?

С улыбкою всегдашнею
Введите в вашу башню их!

Хозяева, хозяева!
К вам новый год пожаловал.

Пусть, добротой охваченный,
Он даст вам всякой всячины!

Ловцу — оленя сильного,
Его хозяйке — сына бы,

А мне от пира вашего
Одну бы руку башила!

Хозяева, хозяева!
К вам путники, — узнали вы?

К вам новый год пожаловал
С дарами небывалыми!

1900. /

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Дети Осетии,
Братьями станем
В нашем едином
И дружеском стане.

С нами высокое
Знамя народа.
К свету, с победною
Песней похода!

К правде сверкающей
Смело шагайте!
Труссы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!

* * *

Если б запеть мне, как нарту, умело,
Если б звучал до небес мой фандыр,
Я бы позвал всю вселенную смело,
Пусть мое горе услышит весь мир.

ДУМА ЖЕНИХА

Моя краса,
Огни-глаза, —
Тебя мне лучше б не встречать!..
С красой такой,
С такой игрой...
Как одинокому молчать?!
Глаза твои,
Слова твои
По сердцу бьют, и все больней.
О, как мне быть?
Как дальше жить?
Мне стать бы жертвою твоей...

ТОСКА ВЛЮБЛЕННОГО

Ах, солнышко, я
Изныл без тебя...
Зачем я тебя повстречал?
Игрой так звала,
Так в танце плыла,
Что молодец не устоял.

Улыбка твоя,
Зазноба моя, —
Что солнышко после дождя.
Речей твоих мед,
Бровей ли разлет
Явились, меня изводя.

Погиб я совсем!
Увидел зачем
Тебя я, судьба моих дней?
Что делать? Как быть?
Без милой как жить? —
Да буду я жертвой твоей!

ПРИВЕТ

Благословенья бог нам не дал
И от неволи нас не спас, —
О том, как должно, не поведал
Никто, никто — прости же нас.

Бедны и ум и сердце, право.
Устал, бессилен наш язык.
Твоей безмерной жалко славы
Для наших гор — ты так велик.

Ты благостен, и мудр, и смел ты.
Ста жизням жизнь твоя равна.
Все на земле свершить успел ты,
Ты строил — башня создана.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
написанные на русском языке**

ДА, Я УЖ СТАР...

Да, я уж стар... Ты смотришь боязливо
На впалые глаза, на борозды морщин...
Мой стан рисуется в отрепьях некрасиво,
Немало в волосах растрепанных седни.
Могила для меня — небес желанный дар...
Да, я уж стар...

Но ты пойми, — я в пору малолетства
Жестоко был лишен капризною судьбой
Священной радости ликующего детства:
Играть под звуки песни матери родной...
Но что судьбы слепой безжалостный удар!
Да, я уж стар...

Но знай, как я, безумно расточая
Цвет юности в пыли научных мелочей,
Провел ее, как сон, людей и жизнь не зная,
Не встретив никогда сочувственных очей,
Не ведая любви волшебных грез и чар...
Да, я уж стар!..

Но ты пойми, как целый век напрасно
Вокруг себя друзей и братьев я искал,
Как в одиночестве изныла грудь безгласно,

Как, жизни не вкусив, я жить уж перестал;
И смерти лишь прошу теперь у неба в дар...
Да, я уж стар!..

Да, я уж стар!.. Ты смотришь боязливо
На впалые глаза, на борозды морщин...
Мой стан рисуется в лохмотьях некрасиво,
Немало в волосах растрепанных седи...
Могила для меня — бесспорно лучший дар!
Да, я уж стар!..

МНОГОТОЧИЯ

Высокий барский дом... подъезд с гербом
старинным...
Узорчатый балкон... стеклянный мезонин...
Закрытый экипаж... ящик с пером павлиным
И с медною трубой кондуктор-осетин...

Швейцар с подушками... лакей с дорожной
кладью...

Уложена постель... увязан чемодан...
Шкатулка с письмами... с заветною тетрадью...
Вуаль пунцовая и стройный гибкий стан...

Толпа друзей, родных... улыбки... пожеланья...
Формальный поцелуй... платок для мелких слез...
Последнее «прощай», воздушные лобзанья...
Протяжный звук трубы... неровный шум колес...

Густая пыль столбом... и попеслась карета...
Завод... чугунный мост... базар... застава... стена...
Безумная!.. Постой!.. Не покидай поэта!..
Не разрывай надежд и грез заветных цепь...

Не разрозный аккорд могучий песнопенья,
Не разрушай алтарь и жертвенник святой
Чистилища души и храма вдохновенья, —
Вернись, несчастная!.. Безумная, постой!..

1887

А. Я. П.

Скрывать, молчать, страдать безмолвно
Нет сил, терпенья больше нет, —
Как знать, — обижу ли вас кровно,
Найду ль сочувствие и ответ?

Но все, что так терзает душу,
На части разрывает грудь, —
Давно уж просится наружу,
Давно уж пробивает путь.

В признание я не вижу цели,
Молчаньем я себя травлю...
Чего хочу на самом деле? —
Зачем вам знать, что вас люблю?

1888 г.

г. Владикавказ

ВЛАДИКАВКАЗ

Когда б на струнах звонкой лиры
Умел искусно я играть,
Огнем пылающим сатиры
Сердца я стал бы прожигать.
Но так как муза не приходит
Ко мне на зов мой никогда
(Опа, должно быть, не находит
Во мне талантов, господа),
То я смиренно отрекаюсь
На лире побренчать хоть раз,
К тому же, где теперь вращаюсь? —
Не мир поэта, не Парнас!
Не в том, друзья, однако, дело...
Я угодить хотел бы вам —
Писать... О чем? — не знаю сам.
Писать мне прозой надоело,
А потому пишу стихами.
Быть может, это и смешно,
Но не беда! — ведь между нами
Искать формальности грешно.
Итак, по воле providенья,
Заброшен я в Владикавказ,
И вам свои я впечатленье,
Друзья, поведаю сейчас.
Окрестность — дивные картины!
А город — новый Петербург!

Его лишь портят осетины
Своим кварталом из лачуг.
< >
В палатах каменных царят,
< >
В обширных погребах хранят
Неистощимые запасы
С бурдючным запахом вина...
Не знаю, право, чья вина,
Но и съестные здесь припасы
Подчас воняют бурдюком...
Здесь два моста, но под мостом
Не бьется Терек здесь задорно,
Как барс в темнице, озлобясь,
Напротив, он несет покорно
Навоз, помон, сор и грязь...
Здесь дивно на чалме Казбека
Заката луч всегда горит, —
Хотя об этом говорить
Не стоит, право, — спокон века
О том поэты нам поют.
Писать, что здесь на площадях
И падаль, и навоз гниют,
Что липь на сытых лошадях
Возможно рисковать по ним
Попасть во вторник на базар —
Этюд давно приелся — стар:
Все города болеют им.
Широких улиц здесь, мощенных
Не мало терским голышом,
Зато нет вовсе освещенных,
И граждапе лишь только днем
По ним бестрепетно снуют,

А почью не ходи — убьют.
Ведь дорог керосинный свет,
А денег, денег у них нет.
Убить, положим, могут вас
И на квартире. Говорят,
Что скоро весь Владикавказ
Сожгут, ограбят, разорят
Ингуш, чеченец, осетин
И персиянин: что их пайка
Идет на зверство, как один.
Ну, как с ней быть! Поди, поймай-ка!
Ночь не проходит без того,
Чтоб не убили «генеральшу»,
Чтоб мелко не скрошили в кашу
«Семейство бедного Моро», —
Ну, словом, панику наводят.
А сколько у мещан уводят
Злодеи лошадей, коров!
Но не легко поймать воров.
Не думайте, что нет у нас
Полиции, ночных обходов.
О, в этом наш Владикавказ
От городов других народов, —
Хоть папуасов мы возьмем, —
Ушел далеко, и Маклай
Миклуха, доблестный во всем,
Отстал от нас, что твой Китай.
Нет, мы сильны в делах охраны!
Здесь полицейские, как враны,
Летят охотно на скандал.
Там, смотришь, пристав в шею дал
Чиновнику; там, как из душа,
С трубы пожарной обдают
Честной народ, толкают, бьют;

А там несчастного пингуша
Семь бравых молодцов ведут.
Вот на извозчике везут
Совсем песьяного пьянчугу:
Мол, выпится. Гляди, с испугу
Дрожит пред «властью» мужичок!
Не хочется идти в клоповник.
Но вот пред вами кабачок.
Смотрите: крюк, не крюк — полковник!
Стоит с стаканом пред столом,
Что твой начальник пред полком!..
А наша стража по ночам?
Куда вор трусит заглянуть,
Где псего украсть плутам —
Она, смотрите, тут как тут!
И до разбойников ли ей!
Всдь нужно обойти духаны —
Искать незапёртых дверей;
Узнать, не малы ли стаканы
В домах питейных; выпить водки, —
«Не с табаком ли продают?» —
И аккуратно ли дают
Кусочек тухленькой селедки?
А тут следи еще за вором!
Духаны заперты... глядишь —
Она хранит уж под забором...
И город спит... Покой и тишь.
Не спят лишь в клубах. — Загляни,
С каким азартом «господа»
Играют в карты, как они
Забыли службу и года
В своем приятном увлеченье!
А госпиталь!.. Не спит больной:
Он, как преступник в заточенье,

Кряхтит и стонет при одной
Ужасной мысли, что вот-вот
Настанет день и «Нижегрот»
В палате вихрем промелькнет,
Исчезнет с громом и в билет
Молниеносно запесет:
«Все тоже» плъ «симптомов нет».
А там, как кошечка, согнет
Пред «главным» спину и шепнет
(Шептаться любят доктора):
«Пора на выписку ему».
И вот по светлому челу
Играет складка: «Вам пора!»
Блажен, кто верует! А там...
А там похлебка с тараканом,
Микстура, ванная с угаром,
Сквозняк и вонь по всем «местам»...
А там... да что там! Ведь не вам,
Друзья, приходится лежать
В горячке злой, — так, значит, нам
Об этом нечего писать.
— Но где ж отрадные явления? —
Ужели их совсем уж нет?
«Окружный суд и управленья!» —
Кричим мы радостно в ответ.
Наш суд стяжал не мало славы
И крючкотворством не страдал
С тех пор, как царь нам даровал
Свои судебные уставы.
Зайдемте в суд, там заседанья
Сегодня нет. «А впустят нас?»
— Какого б ни были вы званья,
Ступай хоть весь Владикавказ.
«Ну, хорошо, идем». Приходим.

В передней встретил нас швейцар,
И мы с приятностью находим,
Что он услужлив и не стар,
И словно только вас и ждет:
Пальто стремительно снимает
И обязательно ведет
Туда, где правда обитает...
Невольно думаешь с улыбкой:
Теперь не то, что было встарь,
И не запачкан грязью липкой
Наш современный секретарь...
Вот, наконец, вошли мы в храм
Фемиды, девы беспристрастной...
И тут встает навстречу нам
Закона раб, но очень властный.
И мы попались будто в плен.
«Что нужно вам?» — Позвольте справку:
Когда назначено NN
Пустое дело, за булавку?
«Гражданский иск?» — Нет, уголовный
Процесс — не помните сго?
«Позвольте-с... вспомнил... до того...
NN преступник безусловный...
Ведь он спустил весь инвентарь.
В одном именье — не булавку,
Как вы сказали. Секретарь!
Подайте точную мне справку,
В чем обвиняется NN?»
— Сейчас... В различных преступлениях:
Картины снял он с голых стен,
В предосудительном стремленье
Похитить их, но пойман был
И в целом городе прослыл
Первейшим пьяницей и вором.

Не раз, валяясь под забором,
Он отвращение внушал
Прохожим барышням и дамам
И многих часто искушал
Своим развратом полупьяным...
«Довольно! Слушать надоело».
— Итак, назначено когда
Животрепещущее дело?
«На той неделе, господа,
Во вторник». Жалко: день базарный
Пропустим, право... Но теперь
Адицу, премного благодарны.
И тут, раскланявшись, мы в дверь
Идем восторженно направо,
Не в сплах чувства подавить...
Нет, если правду говорить:
Вот наша истинная слава —
Окружный суд. — «А мировой?»
Прсобладает в нем порой
Господство личного воззренья,
И не имеет он значенья
И впредь не будет никогда
Иметь значение суда
Коллегиального. — «Так что же?
Если он только справедлив...
Тем слава нам его дороже».
— Еще и как, помилуй боже!..
Но мне позвольте рассказать
Об управленьях... «Отчего же,
Вы общали это нам...»
Тогда идем к межевикам!
Вот Межевое управленье.
Не бойтесь, шествуйте вперед!
«Позвольте... Кто-то к нам идет

Навстречу». — Страпное волнение
Вдруг овладело всей душой.
— «Вам что угодно?» — Небольшой
Хотели б справки мы добиться:
Нельзя ли будет потрудиться?
Любезны будьте, государи!
«Распорядитесь, секретарь!»
«Сию минуто-с. Дело ваше?» —
«Тут планы есть... Я от папашки
В наследство землю получил
И в местном банке заложил...
Теперь мне пужны докуменнты...
Утверждены они или нет?»
И в две минуты ассистенты
Несут уж вежливый ответ:
«Для вас давно здесь все готово,
Мы только ждали вас...» Каков!
О награждении ни слова...
Нет, современный не таков
Во всех судах и учреждениях
Служебный этот персонал,
И с вами даже генерал
Проводит время в рассуждениях.
Везде не то, что было прежде.
Хоть в Областное заглянем —
Здесь тоже в розовой надежде
Мы не обманемся. — Идем.
В приемной публики не мало;
Все, правда, малепький парод.
Узреть священное зеркало
Тут с нетерпением каждый ждет.
И впрямь, чреды не нарушая,
Зовут их всех по одному
Туда, в присутствие... Внимая

Лишь беспристрастному уму
И чистой совести, решают
Дела просителей и всем
Добра лишь искренне желают.
Мы очарованы совсем!..
Теперь два слова о присяжных
(Их адвокатами зовешь);
Таких бездарных, по отважных
И днем с огнем — так не пайдешь.
Но, впрочем, эти адвокаты
Приобрели себе дома —
Чуть-чуть не царские палаты;
Благоволит ли им сама
Слепая женщина — фортуна,
Довольно трудно разрешить...
(О, дайте ж рифму!.. ведь «драгуна»
Вас только может насмешить.
Но так как рифма не дастся
Мне для «фортуны», то уж пусть,
Забыв тоску, печаль и грусть,
Читатель вволю посмеется.
Но пригодится и «драгун»
Для слабеньких, дешевых струн
Разбитой нашей балалайки.)
О наших дамах без утайки,
Друзья, скажу вам пару слов:
Они прекрасны, незлобны,
А в блеске клубных вечеров
Всегда кокетливы, игривы.
Но между ними (по секрету!)
Имеет место и скандал.
Я лично эту в них примету
У мирового наблюдателя.
Но есть еще одна примета

(Прощаю вдовушкам однем)
У наших барынь — это, это...
От рук отбились совсем!
Столичным правится черкес
Из мира пушкинских чудес,
А нашим — пламенный драгун,
Будь он повеса, плут и лгуни.
А наши сплетни!.. Боже мой,
Какне сети здесь плетут
За самоварами зимой.
Недавно был проездом тут
Студентик... Весь Владикавказ
О нем узнал, заговорил
И через полчаса решил:
«Он аферист, отводит глаз».
Я пожалел, по он в ответ
Заметил вессло: «О, нет!
Что нам до них? Пускай злословят,
Пускай клеветают, как хотят,
В сердцах гнилых пускай хоронят
Вражды и ненависти яд!
Что нам до них! Они ничтожны
В случайной злобе, как в любви, —
Дела их пошлы, мысли ложны,
Нет капли свежей в их крови...
Что нам до них? Пусть пестрый рой
Разврата, пиршеств, пресыщенья
Своею тешится игрой!..
Что нам до них! К чему нам мщенье?»
Друзья, довольно! Я кончаю.
Но знайте, я всегда встречаю
Здесь пару черных-черных глаз...
Нет! Я люблю Владикавказ.

1888(?)

ЗА ЗАСТАВОЙ

В бурю легко дышать сокрушенной груди
И спом крепче смыкаются очи...
Бушевала метель, замела все пути,
Завывала, мела дни и почп.

За заставой, в убогой турлучпой избе,
Утопавшей под снегом до крыши,
Бедный труженик жил в эту пору себе
У крестьянина старого Триши.

После долгих лишений, борьбы и труда
Потерял он последние силы.
И не выдержал, и решил он тогда
Все отдать за безвестность могилы...

Фарисен, невинность людскую храня,
Оклеили его приговором:
«Душегубу на кладбище с нами нельзя», —
И зарыли его за забором...

Спи, злосчастный!.. Теперь не нарушат твой сон
Никакие зомные страданья,
Ни людской произвол, ни беспомощный стоп
Нищеты, ни тюрьма, ни изгнанье.

Не встревожат тебя и паденье друзей,
И проклятья врагов озлобленных,
Позабыли давно и о лире твоей,
И о песнях твоих вдохновенных.

Все, кто кинул тебя малодушно в борьбе
И прельстился продажною славой...
Сил не стало!—Ну, что ж?—Так угодно судьбе,—
Истлевай за далекой заставой!

1888(?)

НОВЫЙ ГОД

Опять удалился от нас старичишка,
Чтоб капнуть в мпнувших веках,
И снова пред нами веселый мальчишка
С загадочным блеском в очах.

Танцует, хохочет, срывает лобзанья
С красавиц, играет, поет,
В шуточных увертках на наше гаданье
Без смысла ответы дает...

И тешимся этой бесцельной забавой,
Как дети, мы с ним заодно, —
Ни слова без смеха, улыбки лукавой! —
Не действует даже вино.

Гость юный пьет бодро, и все же не скажет,
Что миру несет он с собой, —
Насилье и зло ли достойно накажет
Иль вызовет правду на бой?

Безумных ли пиршеств он будет кумиром,
Купаясь в слезах и крови?
Поднимет ли знамя свободы над миром
Во имя Христовой любви?

Ответы туманны, — так прочь же сомненья!
Поднять нам бокалы пора
За наши идеи, за наши стремленья
Под знаменем братства, — ура!

1888

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Годами согбенный,
Больной, изнуренный
Поэт пробирался к почлегу,
И музу-шалунью,
Ночную певунью
Узпал он по звонкому смеху...

— Ба! старый, здорово!
Все так же сурово
Ты по миру бродишь с котомкой?
Любовь и свободу
Родному народу
Бренчишь все на лире незвонкой...

Но стар ты уж больно, —
Бродил ты довольно,
Бесплодно расходуя силы,
И, — полно шататься, —
Я рада стараться
Тебя проводить до могилы.

Трудна хоть дорога,
Но, с помощью бога, —
Вперед, — не колеблясь, за мною!

Настраивай лиру, —
К загробному миру
Путь скорбью наполнен земною.

Где, песню слагая,
Аккорды рыдают
И муза не служит забавой,
Там свет, проклиная,
Певца изгоняет...
Но смело! — ведь мы не за славой...

1889(?)

НА СМЕРТЬ ГОРЯНКИ

Не рыдайте безумно над ней —
Она цели достигла своей, —
Тяжесть жизни, нужда и невзгоды
С колыбели знакомы уж ей...
Хорошо умереть в ее годы...

Ничего, что она молода, —
Кроме рабства, борьбы и труда,
Ни минуты отрадной свободы
Ей бы жизнь не дала никогда...
Хорошо умереть в ее годы.

Приютят ее лучше людей
Под холодною сенью своей
Тесный гроб и могильные своды...
Не рыдайте безумно над ней! —
Хорошо умереть в ее годы.

1889(?)

ПРОСТИ

«Простите»... В этом все сказалось, —
Теперь все ясно для меня, —
Моей любви ты испугалась, —
Она всегда тебе казалась
Скучнее траурного дня...

Ну, что ж... прости! Немой досады
На встречи наши не таи, —
Я не искал за них награды...
Прости, и мира и отрады
Да будут полны дни твои!

Прими последнее моление
Тобой истерзанной души! —
Забудь меня, как сновиденье,
Как стих печали и сомненья,
Как бред полуночной тишины...

Прости! Всю прошлую тревогу
Беру я в спутницы себе, —
Свою печальную дорогу
Я с ней пройду, молясь богу
Лишь только, только о тебе.

1889(?)

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды, —
Воспарит сокровенная дума твоя, —
Вот предвестник желанной свободы!

Она будет, поверь, — вот священный залог,
Вот горящее вечно светило,
Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..

К мавзолею искусств, в храм науки святой
С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.

Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды...

Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..

16 авг. 1889 г. Пятигорск

А. Г. Б.

Не хочу я теперь поверять, милый друг,
Ничего равнодушному миру, —
Обличит мои думы тяжелый недуг
И заставит рыдать мою лиру...

Будут темны, как ночь, и пелены для всех
Мои думы, надежды и грезы,
И лишь вызовут в праздной толпе дикий смех
Мои песни, молитвы и слезы.

Так не лучше ль молчать и, не жалуясь вслух,
Остаться неведомым миру? —
Потому и молчу, чтоб тяжелый недуг
Не заставил рыдать мою лиру.

1890 г.

Владикавказ, Госпиталь

В. Г. Ш.

Дождусь ли я счастливой встречи,
Чтоб в полном сборе видеть всех,
Затеять спор, послушать речи
И шумный незлобивый смех?

Вы все, бесспорно, как и прежде,
С здоровой, радостной душой,
Полны пезыблемой надежды
Исправить социальный строй.

На пользу всем трудясь с любовью,
Взамен не требуя услуг,
За кровь не воздаете кровью,
Как я, ваш одичалый друг.

Но разве в смрадном лазарете
Изнемогающий больной
Дойти не может, чтоб на свете
Возненавидеть все порой?

Простите! — это озлобленье
И я испытывал не раз, —
Я б кончил жизнь <без> сожаленья,
Когда б с ней не терял и вас.

Одна лишь мысль о встрече новой
Дает мне силы для борьбы
С неволей тяжелой и суровой,
С нуждой, с глумлением судьбы.

И я ближайшей целью ставлю
Скорей вас в сборе видеть всех,
Позлить назойливого «каплю»,
Послушать говор, спор и смех...

1890 г.

г. Владикавказ. Госпиталь

СЕСТРЕ

Застонет лишь ветер, в трубе завывая
В ненастную зимнюю ночь, —
Мне чудится плач твой, сестра дорогая,
Но, горе! — нет силы помочь.

Тяжелую участь послала на долю
Семье нашей бедной судьба:
Ты жаждала жизни, рвалась на волю,
Меня увлекала борьба.

Мы выросли странно, как будто с рожденья
В семье не бывали своей, —
Отец не такого, как мы, убежденья,
А мать... Говорить ли о ней?

Всего нас четыре, — времеч, видно, года, —
Их тоже четыре в году, —
Создать ради шутки хотела природа
Из нас и на нашу беду!

Отец, как зима, убелен сединою, —
Но добр и прозрачен, как лед.
А ты так и пышешь цветущей весною,
В тебе жизнь фонтанам бьет.

То солнце, то слякоть, то тишь, то пенасть, —
Вот осень, — не то же ли мать?
Знакомы, как лету, мне горе и счастье
Порывов его созидать...

Возможно ль ужиться при этом контрасте
Характеров, целей, забот? —
Мы все понимали по-своему счастье
И горе вседневных невзгод.

Так мы и расстались... Ты выбрала друга,
Предалась мечтаньям весны,
Но прав необузданный, грубый супруга
Разбил все надежды, мечты...

Ты долго молчала, как сень гробовая, —
Скрывала несчастье от нас...
Но тайна прорвалась, как смерть, роковая,
И хлынули слезы из глаз.

Разбита вся юность со всеми мечтами,
Изыла безвременно грудь...
Плачь, плачь, дорогая! — быть может, слезами
Ослабишь ты горе хоть чуть.

1890 г.

Владикавказский госпиталь

* * *

Спою вам куплеты
Сегодня, друзья, —
Все ваши секреты
Раскрою здесь я...

Я знаю, я зорко за вами следил:
Покайтесь, покайтесь, ведь пост наступил...

Вы, доктор, порою
Даете рецепт
С паучьей брехней —
На совесть или нет?..

Я знаю, я зорко за вами следил...
Ну, полно, не бойтесь, ведь я пошутил...

А вы, наш присяжный,
Ведете дела
Без мысли продажной, —
Всегда против зла?

Я знаю, я зорко за вами следил...
Ну, полно, простите, — ведь я пошутил.

Строитель беседки,
Конюшен, казарм
И медной наседки,
Как можетя вам?

Я знаю, я зорко за вами следил...
Пардон!.. Продолжайте, — ведь я пошутил...

Отраву трихиной
Приняли за тиф
И пичкали хлиной...
Больной-то ваш жив?

Я знаю... и т. д.

Прошлись по базару
Вы, мытарь, с сумой...
Куда ж вы, — в управу
Иль прежде домой?..

А вы, санитары,
Где чуткий ваш нос? —
Ведь наши базары
Погрызли в павоз...

Кассир, вы недавно
Зацапали куш...
Воруете славно,
Не то что пугуш.

Мадам!.. вы напрасно
Глядите в лорнет...
Я мажусь прекрасно,
А вы разве пет?..

Вы дочь парядили
Как будто к венцу,
А вы заплатили
За мясо купцу?..

Писец, а смотрите, —
У вас шарабан...
Тащите, тащите! —
Директор болван...

Копсечки медпой
У вас, фплантроп,
Выпрашивал бедный...
А вы его — хлоп!..

Мадам!.. Вы котенка
В подушках везли,
А вот мужичонка
В мороз не спасли...

Извозчик в коляске
Вез, кажется, вас?..
Вы дали бедняжке
Дырявый абаз...

Оставьте! — За «браво»
Вас могут привлечь...
Долга ли расправа?
Здесь принято сечь...

Пропеть вам куплеты
На «bis» я готов,
Но наши советы
Рассердят глупцов.

1891(?)

НА СМЕРТЬ. М. З. КИПИАНИ

Умер! — И это холодное слово
Так глубоко огорчает подчас, —
Умер, и, как обездоленный, снова
Плачешь и стонешь, родимый Кавказ.

Плачь! Потерял ты достойного сына, —
Все, что ты нашей семье завещал, —
В образе скромном простого грузина
Все позабвенный наш брат совмещал.

Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,
Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в сакли внося?

Нет, их немного, — и эту потерю
Наши потомки припомнят не раз.
Плачь! — я в грядущее наше поверю,
Слушая плач твой, родимый Кавказ!

1891

* * *

Иссякла мысль, тускнеют очи,
Остыла кровь, пзыла грудь...
Душа мрачней осенней ночи...
Замолкла песнь... утерян путь...

Былого нет... В игре ничтожной,
Без назначенья и следа,
Как сон болезненно-тревожный,
Промчались лучшие года...

В грядущем все — не надо счастья, —
Я не привык, я не хочу!
Один лишь звук, лишь миг участия, —
За них я жизнью заплачу...

1891

ЗАВЕЩАНИЕ

Довольно, довольно! — Забудем бывшее, —
Упреки и слезы напрасны теперь...
Нам надо расстаться... Бессилье ли злое,
Иль страх малодушья, — не знаю, повесть, —

Борьба ли неравная, позор ли паденья
Покончить все счета земные велит, —
Вопрос предоставим толпе на решение, —
Ты видишь, — кровь стынет... грудь пост, болит...

Жалеть бесполезно, роптать не умею...
Прости, коль напрасно себя я стужил, —
Прости! Но, клянусь тебе смертью моею, —
Свободу я больше, чем славу, любил...

Для ней не щадил я ни жизни, ни силы, —
Клянусь, — и теперь не жалею о том...
Но... слушай, товарищ, — пред дверью могилы
Тебя я, как брата, молю об одном:

Ты помнишь теснину за черпой скалою,
Где, пенясь, два горных потока шумят
И, дружно обнявшись, веселой волною
Струи свои к морю бесечно катят...

Где в складках утеса, над страшным обрывом
Гнездится отважно аул небольшой, —
Там в сакле у башни, подернутой дымом,
Меня ожидает отец мой большой...

Старик, защищавший когда-то так смело
Суровую волю, суровый Кавказ...
О друг мой! сиротство его тяготело
Всю жизнь надо мною, гнетет и сейчас...

Товарищ! Навряд ли поведать другому
Решлся б я этот ужасный секрет, —
Открыл лишь тебе, чтоб страдальцу родному
Ты спес мой сыновний поклон и привет...

Скажи, что я жертва пустых увлечений...
Был молод... Теперь на коленях молю
Обнять меня снова... Исторгнув прощенье,
Следи осенить им могилу мою...

1891(?)

Е. Е. Н.

Писать... Но вам какое дело
До наших мук, до наших слез? —
Вы упеслись далеко, смело
В волшебном хороводе грез...

Вас утром пробуждает море,
Восток вам павевает сны, —
Вам там легко, вы там без горя
В стране цветов, в страпе весны!..

А здесь... Рассталпсь мы, — давно ли?
А между тем, не видя вас,
У хумаринцев всех до боли
Сердца сжимались не раз...

Игры уж нет, — крокет заброшен;
Художник и поэт Ислам
Стал нелюдпм, тяжел и тошен, —
Совсем уж не товарищ нам.

А. П. сготовила микстуру, —
Хотела дикарю помочь,
Но он разлил лекарство сдуру
И убежал куда-то прочь.

Каспар... Такого стал педанта
Изображать он из себя,
Что между грешниками Данта
Такого не припомню я.

Кричит, ругается безбожно,
Швыряет факелы из глаз, —
При нем смеяться невозможно, —
Тотчас же приколотит вас.

А Саня... Я скажу картинно:
В пей прежней резвости уж нет, —
Глядит прищурясь, ходит чинно,
Как гуверпантка в сорок лет.

Но Мила... боже, что за Мила! —
Пешком — суворовский солдат,
Верхом — отчаянный Аттила, —
Всех победит, всем ставит мат...

И Коля до сих пор не может
Без «скрипки» вспоминать о вас, —
Вот разве зеркало поможет,
А то ведь не уймешь за час.

Ну, словом, все скучает страшно
По вас и воет так, как Кот.
Один Ага шагает важно,
Как прежде, у своих ворот.

На что «Баку», — и тот худеет, —
Не ест, не пьет по целым дням;
И зелень чахнет и желтеет,
И ветер стонет по полям...

И небо хмурится порою,
И ночь длиннее стала дня...
По вас, увы! — теперь не скрою, —
Порой скучаю даже я...

1892. Хумара

САНЕ И МИЛЕ Б.

Я пишу вам очень мало, —
Тороплюсь весьма, —
Вот вам скучное начало
Скучного письма!

Тахтаул-чалган не в силах
Вдохновить певца, —
Здесь толкуют лишь о жилах
Меди и свинца.

Инженер у нас бедовый —
Он еще не стар,
Между тем такой суровый —
Хуже, чем Каспар.

Боже! Что у нас за печи —
Дым стоит столбом!
Точно здесь осада Керчи, —
Выстрелы и гром

Вспрерывной канонады
В разных «номерах»
Потрясают все громады
Гор, внушают страх...

Не ведет Кубань седая
Песню про любовь,
А шумит, орет, как злая
Старая свекровь.

Вот вам общая картина
Нашего житья, —
Пожалейте ж осетина
Бедного, друзья!

Сам я много, очень много
Думаю о вас, —
Напишите ж, ради бога,
Пару строк хоть раз! .

Передайте папе, маме
Теплый мой привет!..
Говорить ли об Исламе? —
Фи! — охоты нет!

1892. Рудник

НЕДОПЕТЫЕ КУПЛЕТЫ

За маской волочился
На бале мой знакомый
И горько поплатился
За разговор нескромный.
— Ну, что, — спросил я, — больно?
«Такого маскарада, —
Признался он невольно, —
Не надо, не надо!..»

Чиповничек, бывало,
Без взятки жить не мог,
И мало попадало
За это их в острог!..
Теперь возьмите — баста!
Со службы вас долой...
И мы для службы часто
Расходимся с женой.
Ах, испанским,
Да испанским
Здесь министром
Трудно быть!

Гиппотизер отличный
Лечил больных на веру,

Да случай единичный
Испортил всю карьеру.
А сколько было шансов
Прославиться... досада!
Теперь, увы, сеансов
Не надо, не надо!..

Здесь филантропов много, —
Я первый из таких, —
Но, рассуждая строго,
Какая польза в них?
Сбирая подаянье,
Крестьяне к нам идут
И здесь, без покаянья,
От голодухи мрут...
Ах, испанским,
Да испанским
Здесь мннистром
Трудно быть!

Чпповппчек послушный
Приводит в умнленьо
Статистикой бездушной
Директора правленья,
И что ж? Оп стал за сметы, —
По службе и награда! —
Редактором газеты...
Не падо, не падо!

Мы повый год встречаем
С плешивым «адыге»,
Но мало возбуждаем
Доверия к себе!
Танцует он па диво,

Но отдает, пыхтя,
В клуб за бутылку пива
Четыре лишь рубля.

Ах, испанским,
Да испанским
Здесь министром
Трудно быть!

Недавно пробирался
Впотьмах я по бульвару,
И кто-то постарался
Презентовать мне пару
«Фопариков зажженных».
Что ж, дума очень рада,
Что улиц освещенных
Не падо, не падо!..

Мы держим караулы,
Объезды и обход,
Ломаем часто скулы,
Чтоб обуздать народ;
Печемся, что есть мочи,
О гражданах, — и все ж,
Лишь только час полночи,
Убийство и грабеж!

Ах, испанским,
Да испанским
Здесь министром
Трудно быть!

Приветствую душевно
Я наших санитаров:
Обходят ежедневно
Все площади базаров;

Засыпаны трясины,
Но у мясного ряда
Кричат не без причины:
«Не падо, не падо!»

На рынке по абазу
Берем за всякий воз;
Чтоб отвратить заразу,
Мы там же жжем навоз.
Пусть граждане чихают, —
Нам это наплевать, —
Зато они узнают,
Куда навоз сбывать!
Ах, испанским,
Да испанским...

Мой первый слог — канава,
А средний — перадець,
Последний слог — управа,
Все вместе, без сомненья,
Причина всех истерик...
Выходит ведь шарада:
«Прудить навозом Терек
Не падо, не падо!..»

Накушавшись свинины,
Семейство заболело, —
Должно быть, от тѣхнины...
Врачи взялись за дело
И порешили с жаром,
Что нет присутствья яда...
Таких врачей и даром
Не надо... не надо!

Опять вы написали
Комедию или драму...
Кого же вы пробрали? —
Не застрелили даму?..
Вот вам признанье друга:
Вы гений для доклада,
Но вас как драматурга
Не падо, не падо!..

За шумным маскарадом
Великий пост подходит,
К печальным результатам
Он все дела приводит...
Мы не грешили сбором,
Чего ж бояться ада? —
Поститься нам, актерам,
Не падо... не падо!..

Кричат нам «бис» и «браво»...
Найдем ли мы куплет? —
Как быть? — не знаю, право...
Суфлер! подскажешь? — «Нет!»
Что ж, видите вы сами, —
Всему виною он...
До новой встречи с вами
Примите мой поклон.
Ах, испанским,
Да испанским
Здесь министром
Трудно быть...

1893(?)

ПАМЯТИ Я. М. НЕВЕРОВА

(Попечитель Кавказского учебного округа)

Я знал его... Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей,
Когда и труд, и силы, и заботы, —
Всего себя он отдавал лишь ей.

Я не забыл, как светочем познания
Он управлял могучею рукой,
Когда с пути вражды и испытанья
Он нас повел дорогою иной.

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть, —
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...

Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал шую нам любовь, —
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «кровь за кровь».

Он нам внушил — для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...
Я знал его, я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей...

1893

* * *

Если встреча с тобой, дорогое дитя,
Только шутка пль злая пнтрига,
То не делай певца, умоляю тебя,
Ты рабом непосильного пга.

Не хочу я страдать, не хочу! — видит бог, —
Мне неведомо счастье земное,
И в неравной борьбе до того пзнесмог,
Что теперь я пицу лишь покоя...

Я боюсь пробуждепья песбыточных грез
И надежд прихотливых мерцапья,
Я боюсь затаенных, беспомощных слез,
Безысходной тоски и страданья...

И коль ласки твои шаловливо, шутя,
Мне готовят печальную повесть, —
О, тогда пощади, дорогое дитя, —
Не тревожь мою чистую совесть!

1893(?)

ДЖУК-ТУР¹

Бестрепетно, гордо стоит на утесе
Джук-тур круторогий в застывших снегах
И, весь индевая в трескучем морозе,
Как жемчуг, горит он в багровых лучах.

Над ним лишь короной алмазной сверкает
В прозрачной лазури незаблемый Шат;
У ног его в дымке Кавказ утопает,
Чернеют утесы и реки шуршат...

И луг зеленеет, и серна молодая
Задумчиво смотрит в туманную даль...
И смутно, на эту картину взвпая,
Познал я впервые любовь и печаль...

1893(?)

¹ Дикий баран. (Прим. автора.)

* * *

Да, встретились напрасно мы с тобою, —
Не по пути нам, милое дитя, —
Не будем жить мы радостью одною,
Твоею стать не может скорбь моя...

Весне пужны чарующие трели,
Тепло и свет, широкий небосвод,
Цветы и спы, нужна ей жизнь без цели,
Без мрачных дум, печали и забот...

У осени другое назначенье, —
Ей дай шипы, а не гирлянды роз,
Борьбу и труд, отвагу и терпенье, —
В ней каждый шаг — мучительный вопрос...

Не сблизиться им радостью одною,
И не сплотит их общая печаль...
Да! — встретились напрасно мы с тобою, —
Не по пути, не по пути нам, — жаль!..

1893(?)

МУЗЕ

Муза!.. Забудем мы эти аккорды,
Где каждый звук лишь кичится красой,
Как падушенный, папыщенно-гордый
Франт пред оборванной грязной толпой.

Полно! На что нам такие паневы,
Где хор волшебных несбыточных грез
Сладко щекочет мечтательность девы,
Чуждой борьбы и беспомощных слез?..

Лучше пропой ты мне песню такую,
Чтобы она прозвучала в сердцах
И разбудила бы совесть людскую
В их повседневных житейских делах...

Лучше скажи мне могучее слово,
Чем бы весь мир я сумел убедить,
Что в этом мире нет счастья другого,
Как бесконечно прощать и любить.

1893(?)

* * *

Вот когда перестану дышать
И безжизненно буду лежать
В торопливо сколоченном гробе,
И когда ты придешь за толпой
Навестить прах безжизненный мой, —
Смейся вволю, потворствуя злобе!

Где тот взор, что надеждой пылал,
Что в минувшем с любовью блуждал
И впивался в грядущее жадно?
Где живые аккорды речей,
Что, так бурно сливаясь в ручей,
Не смолкая, гремели отрадно?

Где густой, заразительный смех
И сатиры, пугавшие всех?
Где восторги, мечты, увлеченья,
Непритворная смелость в бою
За парод, за свободу свою,
За равенство, любовь, просвещение?

Все исчезло, как сон, без следа!
Смейся, друг мой, злорадствуй тогда, —

Все потерпит сырая могила...
Но пока я страдаю, люблю, —
Об одном я прошу и молю:
Не глумись ты над тем, что мне мило.

1893(?)

* * *

Над нами плыл месяц и звезды мерцали,
Заснуло село за рекой...
Прибрежные пвы чуть-чуть трепетали,
Волна чуть шепталась с волной...

И я колебался... Но взор твой глубокий
Сомненья мои разогнал, —
«В борьбе, — говорил он, — с судьбою жестокой
Ты счастья и жизни не знал.

Куда-то по ветру ты шел без цели,
Как сорванный вихрем листок,
Не слышал ты в нас волшебные трели
Пред тем, как алеет восток.

Не видел, как розы, сплетаясь задорно
В венки, украшают чело,
Не знаешь, что в мире любви все покорно,
Что с нею тепло и светло!»

И так он был полон любви и участия,
И так он все мог разрешить,
Что больно, мучительно хочется счастья,
Мучительно хочется жить...

1893(?)

* * *

Умру я, и что же? — слезою участия
Почтinius ли могилу мою,
И смерть моя ляжет ли тучей ненастья
На душу большую твою?

Нас общее дело когда-то сблизало, —
Хотели чему-то служить, —
Мы были друзьями, но что-то мешало
Нам нежно друг друга любить.

Не бедность ли злая, нужда и заботы
О хлебе насущном?.. Да, да! —
Мы жаждали оба простора, свободы
И счастья другого труда.

Так мы и расстались... и годы летели...
Жалея друг друга не раз,
Мы розно боролись... Достиг ли кто цели,
Намеченной каждым из нас?

Нисколько! Бесплодно расходуя силы,
Мы оба боролись с нуждой...
Состарились оба, брезгливы и хилы,
Без слез, без улыбки живой.

К чему ж мы лишили возможного счастья
Цветущую юность свою? —
За эту ошибку слезою участия
Почти хоть могилу мою...

1893(?)

* * *

Мне нравится, мой друг, что ты глядишь пытливо
И тщетно разгадать стараешься меня,
Когда я говорю тебе полушутливо,
Что я устал любить, устал страдать, любя.

Мне нравится твой взор задумчиво-глубокий,
Сомнения твои и непритворный страх,
Когда я говорю, что люди все жестоки,
Что пет небесного созвучья в их сердцах.

Не верь моим речам, исполненным проклятья,
Насмешки злой и лжи, — я им не верю сам, —
Напротив, верь, что мы, как любящие братья,
Воздвигнем на земле один всеобщий храм.

Храм жизни трудовой, насилью недоступный,
Сознательной борьбы, без пыток и крови,
Храм чистой совести и правды неподкупной,
Храм просвещения, свободы и любви.

1898(?)

* * *

Я отживаю век, ты жить лишь начинаешь, —
Я выбился из сил под бременем труда,
Борьбы и нищеты; ты весело срываешь
Весенние цветы... Я стар, ты молода.

Зачем мы встретились? Зачем душой разбитой
Я полюбил тебя, как друга, как сестру?
Ведь я допил бокал, а твой, едва палптый,
Стоит нетронутым на жизненном прпру.

Да, нам не по пути... Но, встретившись с тобою,
Я посох и суму благословляю вновь, —
Ударю по струнам дрожащею рукою
И миру возведу свободу и любовь.

1893(?)

* * *

Не упрекай меня, что я забросил лиру,
Что разорвал я цепь былых волшебных грез,
Что отказался я бесчувственному миру
Любовно поверять мечты и тайну слез.

Не упрекай меня! — Свободные напевы
Не гармонируют с бряцаньем цепей,
А трели соловья и шепот юной девы —
Отравленный бокал на гульбище страстей...

Могу ли я смущать божественным ученьем!
«Любите ближнего, как самого себя» —
Людей, готовящих с таким ожесточеньем
Кровавую зарю для радостного дня?

Ночь близится к концу... Ристалище раздора,
Безумной храбрости, наспल्या, грабежа
Уже становится ареною позора,
Разврата, пошлости, бесчестья, кутежа...

Минуты сочтены, повсюду бьют тревогу...
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...
Лишь грянут выстрелы, и «Слава в вышних богу!»
Победно прогремит на светлых облаках.

И обновленный мир отдастся вечно миру,
С презреньем бросив пож, запекшийся в крови...
Не упрекай меня! — И я настрою лиру
Тогда для равенства, свободы и любви...

1893(?)

* * *

Тяжело... Как тюрьма, жизнь постыла,
Мрак могильный закрыл все пути,
Взор блуждает в прошедшем уныло
И не ждет ничего впереди...

Ни единого звука участия, —
Тишина, леденящая кровь!
Жизнь без света и призрака счастья,
Без чарующей веры в любовь...

Жизнь без теплой улыбки привета,
Без желаний, надежд впереди...
Хоть бы луч показался рассвета,
Хоть бы треснуло сердце в груди!..

1893

* * *

Когда тебя, мой друг,
Порой гнетет педуг
И не находишь облегченья,
Ты вспомни о Христе, —
Страданья на кресте
Ослабят вмиг твои мученья.

Когда же радость грез
Отравит горечь слез,
Когда тебя постигнет горе,
Ты вспомни лишь народ, —
Среди его невзгод
Твои страдастья — капля в море.

1893(?)

* * *

Когда на тополе сребристом
Померкнет яркий изумруд,
Когда в саду твоём душистом
Цветы последние умрут...

Когда багровый луч заката
В свинцовых тучах догорит
И с гор полночная прохлада
Сорвет лобзание с ланит...

Когда прозрачной пеленою
Туман окутает поля
И в сонной роще, за рекою,
Замолкнут трели соловья, —

Тогда на грудь мою больную
Склони ты голову свою,
И всю любовь мою былую
Тебе я в песне изолью.

1893(?)

ПОЭТУ

Не верь, мой друг, что струпами возможно
Исчерпать мысль и тайники души...
Значенье слов так мелочно, ничтожно,
Что лучше ты нас рифмой не смеши...

Пусть льется, песнь унылую слагая,
Порою стих свободно, как волна, —
Как стон в груди, не дрогнет, замирая,
Бездушная, холодная струпа...

Немую скорбь, беспомощные слезы
В созвучье слов не распознает свет, —
Твои мечты — для нас пустые грезы,
Твоя печаль — больной, безумный бред...

Забрось свою надтреснутую лиру,
Гаси огонь и жертвенник разбей, —
Наскучил ты дряхлеющему миру,
Как мрачное бряцание цепей!..

1893(?)

ПАМЯТИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Его ланит рукой безжизненной и влажной
Коснулась смерть, и вмиг застыли все черты,
И он покинул нас, испытанный, отважный
Поборник разума, добра и красоты...

Мой друг, не плачь о нем, — безумными слезами
Ты робость детскую пред битвой не буди! —
Он не умрет для нас, пока позорно сами
Мы не сойдем с его тернистого пути...

Ему не надо слез. Лишь то святое дело,
Которому он жизнь с любовью посвятил,
Пусть не умрет в тебе, — иди под знамя смело,
Храня его завет и не жалея сил!..

1893

ПАМЯТИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Разбита стройная, чарующая лира,
Повержен жертвенник, разрушен пышный храм, —
Навски улетел «соловушка» от мира
В страну далекую, к далеким небесам...

И стало тяжело на сердце, безотрадно,
И мрак, холодный мрак сгустился над душой, —
Удар безвременный, и как он беспощадно,
Как неожиданно направлен был судьбой!

Оценим ли теперь великую потерю,
Горячая слеза найдется ль у кого?
Тогда лишь в будущее народа я поверю,
Когда он гения оплачет своего;

Когда печаль свою он глубоко сознает
И вещие слова поэта он поймет:
«Пусть арфа сломана, — аккорд еще рыдает...
Не говорите мне: он умер, — он живет!»

1893

ПАМЯТИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Угас и он, как витязь благородный,
Не кинув бой неравный до конца, —
И эта смерть печалью безысходной
Наполнила все чуткие сердца.

Уж нет его среди друзей послушных,
Соратников под знаменем любви...
Не плачь о нем! Ты, вместо слез ненужных,
Собя его идеей вдохнови.

Новейшеством беспомощно сраженный,
Ты не сходи с тернистого пути, —
Иди за ним! И факел, им зажженный,
Раздуй сильнее и всюду им свет.

Пусть умер он для новых вдохновений,
Для новых дум, печалей и труда,
Ведь не умрет его великий гений
В его родном народе никогда.

1894

* * *

Не спрашивай, — ты не поймешь, родная,
Мою тоску и тайну этих слез, —
Узнаешь все, когда пройдет, играя,
Пора весны, пора волшебных грез...

Среди забав я детство золотое,
Как ты теперь, беспечно провела,
Как ты теперь, я сердце молодое
Лишь для любви и счастья берегла.

Прошли года... Я этой жизни новой
Мечтала всю, всю посвятить себя,
Но мой отец, твой дедушка суровый,
Решил не так, — я вышла не любя...

Безропотно, с покорностью рабыни,
Несла я крест, тому свидетель бог! —
Хоть жизнь была бесцветнее пустыни...
Явилась ты... Отец твой занемог...

Оставил нас на улице с тобою...
Но что роптать!.. — его давно уж нет...
Куда идти?.. И к матери вдовою
Вернулась вновь я в девятнадцать лет.

Но здесь уже я лишняя, чужая,
А жизнь манит, полна мечты и грез...
Не спрашивай, — ты не поймешь, родная,
Мую печаль и тайну этих слез...

1894(?)

* * *

Я все сказал... В эфире утопали
Плясы звезд, плыл месяц золотой...
В кустах ольхи чуть листья трепетали,
Волна чуть-чуть шепталася с волной...

Уснула даль под дымкой голубою,
В ссле мерцал последний огонек...
Прорезал степь жемчужной полосой
Изгиб реки... Чуть двигался челнок...

Замолкла песнь печальная свирели,
Погас костер усталых косарей,
И лишь свои чарующие трели
Не оставлял счастливый соловей...

Храпли мы глубокое молчанье...
У ног твоих рассыпались цветы...
Уже тогда в безмолвном созерцанье
Я все сказал... Ужель не веришь ты?!

1894(?)

* * *

Я не поэт... Обольщенный мечтою,
Я не играю беспечно стихом...
Смейся, пожалуй, над тем, что порою
Сердце мне шепчет в безмолвье ночном...

Смейся!.. но только я каждое слово
Прежде, чем им поделиться с тобой,
Вымолил с болью у счастья бывшего
И оросил непритворной слезой...

Вот почему мои песни звучали
Многим, как звон помпального дня...
Кто не изведал борьбы и печали,
Тот за других не страдает, любя!

1894(?)

* * *

Не упрекай! — судьбу винить не надо, —
Ведь корабли все сожжены теперь,
И больше нет к минувшему возврата.
Не упрекай! — все к лучшему, поверь.

Ошибка ль, нет? — теперь умом холодным
Союз сердец безбожно разрушать,
Созвучью их, порывам благородным
Мы не должны, не вправе мы мешать...

Нам труд знаком, знакомы мы с пуждою, —
О чем жалеть? — пред нами новый путь, —
Дай руку мне, и с этою слезою
Все прошлое навеки позабуди!

Тогда и луг, усеянный цветами,
Лазурь небес и реющая даль
Заговорят приветливее с нами
И заглушат сомненья и печаль...

Смотри, как ключ из камня выбегает
И нежится с полуденным лучом,
Как роза им кокетливо кивает
И шепчется с беспечным мотыльком.

Как все полно здесь неги, аромата
И как нас здесь к блаженству все зовет!
Не упрекай! — не надо нам возврата, —
Все к лучшему, все к лучшему, — вперед!..

1894(?)

ДРУГУ

Смерть близка, — я это знаю, —
Друг, не плачь и не жалей! —
Жизнь моя и все, что с ней
В этом мире покидаю, —
Стоят ли слезы твоей!..

Все, что я любил душою,
Что влекло меня вперед
И сейчас со мной умрет, —
Всякий вздорною мечтою
До сих пор еще зовет...

Детство — легкое виденье,
Юность — бешеный поток,
В бурю на море челнок,
Без порядка, без уменья, —
Розы, смятые в пучок...

Дальше брэнная святыня,
Храм, разрушенный толпой,
Путь, промаянный с сумой,
Бесконечная пустыня,
Мрак холодный, гробовой...

Друг, теперь я умираю, —
Ты не плачь и не жалея!
Всю любовь души моей
Передай родному краю, —
Все, что я сберег для ней...

1894(?)

ЧЕРДАК

Осенняя полпоча холодным покровом
Одела столицу... Как стогны гробов,
Теснятся вдоль улиц в молчанье суровом
Лепные фасады громадных домов...

В слезливом тумане, как звезды мерцаая,
Ушли в перспективу почные огни,
И, слабый свой отблеск в Неве отражая,
По зыби, как бисер, дробились они...

У клубных подъездов отдалась дремоте
Усталые «Ваньки» на дрожках своих...
Кипучие страсти, дневные заботы,
Борьба и тревоги замолкли на миг...

Успула столица... в предместье далеком,
В глухом переулке все спали давно...
Дома утопали во мраке глубоком...
В одном чердаке лишь мерцало окно...

Калитка раскрыта... гнилые ступени...
Помои... отбросы... куда же теперь?
Завалены хламом и мусором сени, —
Не хочется дальше... Но скрипнула дверь.

Дешевая лампа едва озаряет
Убогую келью... Некрашенный пол,
Железная печка... Кровать занимает
Всю заднюю стену... два стула и стол, —

Вот вся обстановка обители тихой
Заветных мечтаний, излюбленных дум
И честных стремлений... Склонившись над книгой,
Юнец напрягает пытливый свой ум...

Припухлые веки, смертельная бледность,
Бескровные губы, упавшая грудь
И сдержанный кашель... Недаром же, бедность,
И ты поспешила сюда заглянуть!..

Но память тупеет... Сливаются строки...
И череп — как будто наполнен свинцом...
Уснуть бы... улегся... но кашель жестокий
Сильнее глумится над бедным юнцом...

И сон не смежает усталые очи,
И хрупкое тело под пледом дрожит,
А мысль, напрягаясь в безмолвии ночи,
Далеко в сторонку родную бежит...

Вот луг со стогами и сжатые пшвы...
В скирдах палпвное хранится зерно...
Вот мельница, речка, плакучие пвы...
Вот старая церковь... родное село...

Вот школа... сторожка и сторож знакомый, —
Седой и ворчливый солдат отставной...
Вот домик с крылечком, покрытый соломой...
Сестра у постели старухи большой...

Вчера получилось письмо из столицы, —
Не может расстаться с ним бедная мать, —
В очках, обливая слезами страницы,
Вповь стала по буквам его разбирать...

«Здоров я, родная... работаю много...
Науки даются... годок подождем...
Окончу, приеду и с помощью бога
Легко, припевая, втроем заживем...

Ах, милая мама, сестра дорогая!
Дождемся ль?» — Он вздрогнул, и слабая грудь
Вповь борется с каплем и рвется, пылая...
«Ах, если б забыться!.. Ах, если б уснуть!»

1894(?)

* * *

Я понял вас... Несмелые упреки,
Капризное молчанье порой,
Притворный гнев, то снова вздох глубокий,
То взор, опять подернутый слезой...

Зачем скрывать, зачем таить упорно
В груди больной разгадку этих слез? —
Вы любите... вы любите бесспорно
До адских мук, до неги райских грез...

Но слить любовь с любовью поэта
В один аккорд еще бонтесь вы,
Боясь суда безправственного света,
Толпы глупцов и их пустой молвы...

Зачем томить подремлющую совесть?
Как девочку — таинственный рассказ,
Моих невзгод, моих страданий повесть
И радует, и вновь пугает вас...

Вы жаждете лишь с сладким зампраньем
И трепетом внимать мне без конца, —
Бессильны вы пред тяжким испытаньем,
Ничтожны вы для радостей певца!..

1894(?)

* * *

Я не пророк... В безлюдную пустыню
Я не бегу от клеветы и зла...
Разрушить храм, попать мою святыню
Толпа при всем безумье не могла.

Я не ищу у сильных сострадания,
Не дорожу участием друзей...
Я не боюсь разлуки и изгнания,
Предсмертных мук, темницы и цепей...

Везде, для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю.

На что друзья, когда все люди братья,
Когда везде я слышу их привет?
При чем враги, когда во мне проклятья
Для злобы их и печальности нет?

В тюрьме ясней мне чудится свобода,
Звучнее песнь с бряцаньем цепей,
В изгнание я дорожу для народа,
Милее смерть в безмолвии степей...

При чем толпа? Ничтожная рабыня
Пустых страстей — дерзает пусть на все!
Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое...

1894(?)

ТОЛПА

Когда гремит на площадях «осаппа»
И, как волна, колышется толпа,
Ты ей не верь, — она непостоянна,
Капризна, зла, разнузданна, глупа.

Еще вчера, как глыба ледяная,
Она ползла лишь по теченью вод,
Бессмысленно, бесцельно отражая
И мрак, и свет, и запад, и восход.

Коснулась жизнь ее ланит холодных, —
И вся она охвачена огнем, —
Ни злобных дум, ни мыслей благородных
В ней разгадать уже нельзя ни в чем.

Она шумит, как грозная стихия,
Не ведая ни меры, ни преград, —
Рыдания, смех, проклятья и благие
Порывы — все слилось в один каскад...

Она творит с стихийным увлечением,
Но что вчера ей удалось создать,
То через день она же с озлобленье
Повергнет в прах и станет пошнурать...

Не верь ты ей, когда она так шумно
Клянет вражду и превозносит мир, —
Ее любовь, как несправедливость, безумна,
И бог ее не бог, а только лишь кумир...

1894(?)

Опять к тебе, любимая подруга
Заветных дум, стучусь я, как больной,
Осипший объятия недуга,
Но с сломапной, истерзанной душой...

Прими меня... Усталой головою
Позволь на грудь склониться вновь твою,
Позволь мне смыть горячею слезою
Позор и страсть преступную мою...

Без горечи, с заботливостью нежной,
Вновь кубок мой отравленный разбей,
Вновь с ласкою улыбки безмятежной
Пропой мне песнь забытую скорей...

И песнь твоя, твое живое слово
Наполнят грудь тревогою былой, —
И я очнусь, и я воспряну снова
Для чувств нных и для борьбы нной...

И этот чад погои безрассудной
За призраком исчезнет, как туман...
Ах, сколько лжи! какой оазис чудный
Мне грезился, как прихотлив обман!..

В каких степях, в какой пустыне знойной
Мечтал я жизнь цветущую создать!
Как верил я забаве непристойной,
Как я любил... Как я устал страдать!..

Прими меня! — одно твое участие
Всю молодость, все силы мне вернет,
И эта мысль позорная о счастье
Мещанском, верь, — сегодня же умрет...

1894(?)

* * *

Не поможешь ты горю слезами,
Бесполезно рыдаешь над ней, —
Убери ее кудри цветами
И о смерти ее не жалеи!..

Словно ландыш душистый весною,
Далеко, далеко от села,
Позабывтая даже тобою,
Одинокко она расцвела...

Словно ландыш под сенью густою,
Аромата и неги полна,
С тихой грустью, безмолвной тоскою
Любовалась на миг и она.

Но никто в этом мире неживы, —
Даже ты, ее нежная мать, —
Не хотел молодые порывы
В молодом ее сердце признать.

Ее грезы, заветные грезы,
Ее думы над сонным прудом
И ее затаенные слезы
Не падали отголоска ни в ком...

И опа, словно ландыш весною,
С тихой грустью любясь на все,
И росла и цвела спротою,
Пока буря не смяла ее...

И могла ль она жить между нами,
В этом мире борьбы и страстей?
Убери ее кудри цветами
И о смерти ее не жалеи!..

1894(?)

УТЕС

I

Мрачного утеса только что коснулся
Первый луч восхода, весело, шутя...
И утес холодный ожил, улыбнулся,
Запылал румянцем ярким, как дитя...

На челе высоком, зеленью обвитом,
Лапдыш и азалья спешные цветут,
На порфире царской, вышитой фельзптом,
В золотых узорах блещет изумруд...

Все залито солнцем — лес, долины, горы...
Серебрятся реки... беспредельна даль...
Воздух наполняют радостные хоры...
Чужды великану горе и печаль.

II

Показалась туча из-за снежной цепи...
Почернели горы, багровел закат...
В синеву густую облачились степи...
Потрясал ущелье громовой раскат...

Застонали скалы, повалились ели...
Под ударом бури дрогнул великап...
Ландыши измяты, камни потускнели...
Хлынули потоки из глубоких ран...

Наступила полночь, тихая, немая...
В сон невозмутимый погружен утес...
Только по ланитам, змейкою сбегая,
Падают беззвучно в бездну капли слез...

1894(?)

I

Я помню все... Душистыми цветами
Беспечный май убрал забытый сад,
Под дымкой даль сливалась с небесами,
И догорал над озером закат...

И где-то чуть струилась песнь свирели,
И где-то трель дрожала соловья...
Рука с рукой мы долго просидели,
Глубокое молчание храня.

II

Настала ночь... Чуть лодка колыбалась...
Замолкла песнь, уснул прибрежный лес,
И лишь луна нам сладко улыбалась
Из глубины безоблачных небес...

Я для тебя дрожащею рукою
Вязал в букет любимые цветы...
Ты мило так склонилась над водою, —
И я не смел прервать твои мечты...

III

Заря с звездой лобзалась на востоке...
Редела тень... Дыханием полей
Незримо числ причалило к осоке...
В лесу звенел и щелкал соловей...

Доверчиво горячей головою
На грудь мою склонилась ты, дитя,
Я бережно обнял тебя рукою...
Но... нет! твой сон не смел тревожить я...

IV

Расстались мы... Желтеет лес дремучий,
Тускнеет сад, последний мрет цветок...
Над озером свинцом повисли тучи,
У берега качается челнок...

Льет мелкий дождь... Печальный и угрюмый
Брожу весь день, всю почь томлюсь, не сплю, —
Пылает мозг под непосильной думой
И все твержу: люблю, люблю, люблю...

1894(?)

* * *

О чем жалеть?.. Большим дыханьем бури
Последний лист с березы унесло...
Простор полей, широкый свод лазури,
Как саваном, туманом облекло...

Стоят в лесу деревья, как скелеты...
Сад опустел, кусты спрени, роз
Развенчаны и догола раздеты,
На стебельках лег пнеем мороз...

Замолкла песнь, плетется мысль уныло,
Тускнеет взор, тяжел и долог путь,
И, как тюрьма, как черная могила,
До боли жизнь щемит и давит грудь...

О чем жалеть?.. За темными ночами
Блеснет заря, наступит ясный день...
Проснется жизнь под вешними лучами,
И расцветет душистая сирень...

Лес огласят причудливые трели,
По зелени рассыпятся стада,
Польется песнь привольная свирели,
Под веслами запенится вода...

**Высоко грудь начнет вздыматься снова,
Воспрянет мысль, взор прояснится вновь,
Свободное в аккордах грянет слово,
Свободная вернется и любовь!..**

1894(?)

* * *

Расстаться не трудно, не трудно убить
В душе молодые порывы, —
Трудней бескорыстно и свято любить
В озлобленном мире наживы...

Легко за обиду обидой платить,
За кровь — оскорбленьем и кровью,
Но трудно два сердца навеки сплотить
В союз, освещенный любовью...

Труднее разумно и твердо сознать,
Что счастье и наше призванье —
Прощать бесконечно, без меры прощать,
Всему находить оправданье...

Расстаться не трудно, но встретиться вновь
Позволит ли жизнь без досады?
Ах! если б увериться в том, что любовь
Не ищет взаимной награды!..

1894(?)

ПАМЯТИ А. С. ГРИБОЕДОВА

Убит... За то ль венец терновый
Сплел для него коварный рок,
Что озарил он мыслью новой
Всю Русь родную, как пророк?!

Зачем он шел, как раб покорный,
В страну фанатиков — врагов,
Когда уже нерукотворный
Был памятник его готов?

Но пусть судьбы предначертанья
Обычным движутся путем! —
Творец великого созданья,
Мы смело за тобой идем!

Не малый срок твой дивный гений
Дал поколениям для того,
Чтоб образы твоих творений
Уж не смущали никого.

Но, нет!.. Борьбу окончить эту
Не скоро правде даст порок, —
Весь бедный Чацкий твой по свету
Все тот же щет уголок.

1895

* * *

Ты вправе смеяться. Бессильный, больной,
Подавленный жизнью бесцветной,
Тебе я поведал, — тебе лишь одной, —
Все помыслы тайны заветной...

Доверчиво, детски наивно, смешно,
Я, весь упоенный мечтою,
Всем тем, что со мной умереть бы должно,
Хотел поделиться с тобою...

И что же? — Иначе и быть не могло! —
Покорная только рассудку,
Ты чувство, которое грудь мне сожгло,
Отвергла, как дерзкую шутку...

Но я не дерзал возмущаться, роптать, —
Любовь — этот акт всепрощенья,
Умсет без меры, безмолвно страдать,
Не знает ни злобы, ни мщенья.

Ответить обидой тебе я не мог
За сердце, облитое кровью...
Ты вправе смеяться... Но я, — видит бог, —
Тебе заплачу лишь любовью.

1895(?)

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

Ночь великих испытаний
Реет над землей...
Дни печали и страданий
Настают, друг мой...

Чаша горечи и мщенья
До краев полна...
Бог любви и всепрощенья
Пьет ее до дна.

Красный плащ... венец терновый...
Крест... Голгофа... кровь...
Смерть — за призыв к жизни новой!
Пытка — за любовь!

Как не дрогнуть под грозою
Светлым небесам?!
Как не огненной росой
Падать их слезам?!

Как не треснула на части
До сих пор земля!
Как мечтать о личном счастье
Смел с тобою я?!

1895(?)

ПРИВЕТ

Устал... поблекли силы,
Увяли навсегда,
И яму для могилы
Мне вырыла нужда...

И смерть рукой бескровной
Стучится в дверь ко мне...
Пора! — Привет любовный
Я шлю родной стране.

Ее в часы разлуки
Я с грустью вспоминал,
В рифмованные звуки
Печаль ее слагал...

Привет тебе прощальный,
'Аул мой дорогой! —
Я повестью печальной
Тревожил твой покой...

Не брезгай же приветом,
Красавица, и ты, —
Поверь, — умрут с поэтом
Безумные мечты.

1895(?)

ПОД НОВЫЙ ГОД

Бьет полночь... Влагою шипучей
Бокалы искрятся, — пора!
Пусть, как поток, волной могучей
Гремит всеместное «ура»!

Чем ночи кажутся длиннее,
Чем гуще мрак, чернее тень,
Тем солнце ярче и милее,
Тем краше лучезарный день...

Пусть тяжки были испытанья
В минувшем, — новая заря
Дает тем больше упования
И веры в благотворность дня...

Долой сомненья! — Шлет всем равный
Привет младенец — новый год, —
Подыдем же бокал заздравный
За братство, волю и народ!..

1895

КАРТИНКА

Ночь... В переднем углу, пред иконой святой,
Замирая, лампада мерцает,
А под нею — измятая алчной нуждой
Жизнь без ласки и слез умирает....

Щеки впалые ярким румянцем горят
И пылают в жару лихорадки,
А глаза неподвижно и тускло глядят
На промерзлые в окнах заплатки...

Кашель гложет, терзает мучительно грудь,
Нить последнюю в ней обрывая...
А лампада то гаснет, то вспыхнет чуть-чуть,
Лик в терновом венце озаряя...

Вот погасла совсем... И в пазушке сырой
Воцаряется тишь гробовая...
Только ветер в окно постучится порой
Иль застонет, в трубе завывая...

1895(?)

* * *

Я соучастник преступления, —
Ты — корень язвы, я — побег;
Ты — зло, ты — воплощенный грех
Источник моего паденья.

Тебя, как смерти, избегая,
Я все ж не в силах не хотеть
Любить тебя и умереть,
В твоих объятьях утопая.

1895(?)

* * *

Мне жаль тебя... Твой образ бледно, бледно
Стал грезиться мне в тишине ночей,
И ты вот-вот исчезнешь незаметно,
Как многие из памяти моей.

И прошлое, что о тебе могло бы
Хоть изредка заговорить со мной,
Без горечи, проклятия и злобы
Уносится беззвучною волной...

И, как всегда, уже мой взор суровый
Не жаждет встреч таинственных с твоим,
И, кажется, что мы при встрече новой
Друг друга уж узнать не захотим.

1896(?)

С звездою каждою, с былинкой каждой в поле,
С дыханьем ветерка, с прозрачным ручейком
Я мог беседовать о счастье, о воле,
О тайнах бытия, движенье мировом...

А помнишь ли, как я, склонившись к изголовью
И трепетной рукой несмело взяв твою,
С глубокой верою и чистою любовью
Тебе, как божеству, открыл мечту мою...

И что ж? Непонятый, осмеянный тобою,
Я стал искать свое призвание в другом...
И вот я налицо, — с дрожащею рукою,
Протянутой к тебе за медным пятакон...

1896(?)

* * *

Не верь, что я забыл родные наши горы,
Густой, безоблачный, глубокий небосвод,
Твои задумчиво-мечтательные взоры
И бедный наш аул, и бедный наш народ.

Нет, друг мой, никогда! Чем тягостней изгнание,
Чем дальше я от вас, чем бессердечней враг,
Тем слаще и милей мне грезится свидание
Со всем, мне дорогим в родных моих горах.

Не бойся за меня! — Я не способен к мщенью,
Но злу противиться везде присуще мне, —
Не бойся! — я и здесь не дамся обольщению
Красавиц, чуждых мне по крови и стране...

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных, сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? —
Тебя, родной аул и бедный наш народ.

За вас отдам я жизнь... все помыслы и силы, —
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!..

1896(?)

* * *

Волшебной сказкою, свободным измышлением
Мне кажутся порой события этих дней,
И вера чистая колеблется сомнением,
И радость светлая тускнеет вместе с ней.

И мысль усталая пред вечною дилеммой
Становится в тупик, — ужели он не бог?
Но разве бы тогда он все углы вселенной
Так ярко озарить своим явлением мог?

А если это так, то почему с любовью
Две тысячи <уж> лет враждует дерзко зло? —
И человечество меч, озагранный кровью,
С проклятьем до сих пор забросить не могло?

И почему его божественное слово
Нас чувством не могло любовным вдохновить,
И всех нас, всех людей, для счастья мирового,
Как братьев и друзей, в одну семью сплотить?

Но... нет... не то... не то... И вновь сомненья эти
Бледнеют, рушатся... Опять не стало их...
И вера крепнет вновь, — ведь два тысячелетия
В сравненье с вечностью — один лишь только миг.

1896(?)

ТРАУРНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

С душевным прискорбием, с сердечной тоской
Я сим извещаю родных и знакомых,
Что старый наш год девяносто шестой
Навек опочил от трудов, им несомых.

1896(?)

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Как знать, — смогу ль еще рифмованные звуки
Беспечно окрылить волшебною мечтой,
Иль я их отравлю тоской предсмертной мук,
Тоской безвестности пред дверью роковой?

Как знать, — и этот стих несчастного поэта
Не есть ли только бред, не есть ли только стон
И страстный, дикий вопль прощального привета
Всему, что он любил, чему молился он?..

О, если это так, то все мои страдания
Теперь, о родина, признаю искуплю:
Все помыслы мои и все мои желанья
Одну имели цель — снискать любовь твою.

*С.-Пб. Александровская больница,
24 ноября 1897 г.*

В . Г . Ш .

В этой сумрачной столице
Не вольготно осетину,
А тем более в большце,
Где я чахну, вяну, гину...

Скучно праздники проходят, —
Нет здесь близких мне знакомых.
В коридорах грустно бродят
Группы битых, мятых, хромых.

Стонут трудные больные...
Вон юнец один сгорает...
Видит образы родные, —
То смеется, то рыдает...

Вот притих... бежит сестрица
Озабоченно в палату...
Что, — уже?.. О, эти лица! —
Как легко их знать по взгляду.

Эх, сбежать бы! — чтобы вволю
Насладиться жизнью с вами, —
Да куда мне с этой болью,
Да хрому с костылями.

С.-Пб. больница.

26 декабря 1897 г.

У. Ц.

Ах, Угалук! Ах, Угалук! —
Позволь пропеть тебе на лире:
Совсем отбился ты от рук
В твоём прекрасном Алагире.

Ах, Угалук! Ах, Угалук! —
Пишу тебе из Пятигорска:
Так много вынес здесь я мук,
Что нет во мне бывшего лоска.

Ах, Угалук! — Терпенья нет, —
Спою на лире тебе снова:
Прими ты пламенный привет
От сердца моего больного!

Пятигорск. 1898 г.

А. Ц.

— Ах, Алмахсид! Ах, Алмахсид! —
Поет тебе Анна́ на лире:
«Каким джигитом он сидит
На крупповской своей мортире!»

— Ах, Алмахсид! Ах, Алмахсид! —
Не скрыл и я свое раздумье:
Боюсь я за него — сразит
Его турчанка там, в Батуме.

— Ах, Алмахсид! Ах, Алмахсид! —
Поет тебе Анята дальше:
«Ему турчанка не грозит, —
Он турок всех храбрей и краше».

— Ах, Алмахсид! Ах, Алмахсид! —
Я согласился с ней при этом:
«Он храбр, он душка, он джигит».
Не брезгай же моим приветом!

1898

ПОД ПАСХУ

О, если б проникнуть я мог
Незримо, как ангел-хранитель,
На миг в эту светлую ночь
В твою дорогую обитель!..

О, если б, склонясь к изголовью,
Я мог бы, как вестник небес,
Шепнуть тебе с нежной любовью
«Христос воскрес!»

1899

ВИТЕ

Пусть бритта — жадного удава
Бур искрошит за свой Трансвааль, —
Непобедимым бурам слава!
Ура! — а бритта нам не жаль.

3 декабря 1899 г.

Херсон

У. Ц.

Ах, Угалук! Ах, Угалук!
Пою тебе опять на лире:
Сиди ты лучше, милый друг,
В твоём прекрасном Алагире.

Не знаешь разве, милый мой,
Какая у военных мода? —
Все просят здесь наперебой
Чинов, наград и перевода...

Ах, Угалук! Ах, Угалук!
Тебе ли лезть за этим стадом!
Хотя и ты, мой милый друг,
Уже зачислен кандидатом...

Ах, Угалук! Ах, Угалук!
Закончу песнь свою на лире, —
Совсем отбился ты от рук, —
Сиди ты лучше в Алагире!

СПб., 1899 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не знаю, как назвать, как объяснить — не знаю,
Но разум мой молчит бессильно перед ним...
Боюсь чего-то я, я глубоко страдаю
При мысли о тебе предчувствием одним.

Не знаю, как назвать, не знаю, что такое,
Но ясно чувствую при взгляде на тебя,
Что что-то высшее, безмерно дорогое
Теряю навсегда с моим изгнанием я.

Не знаю, как назвать, но все, что неустанно
Вселял и созидал в тебе я много лет, —
Все будет попорано тобою беспощадно,
И время вытравит в душе твоей их след...

Не знаю, как назвать, но страшную тревогой
Предчувствье это мне переполняет грудь...
Нет! — нам не по пути, — иди своей дорогой,
А мне оставь в удел скитальческий мой путь...

1899

Здесь, над самым морем,
По ночам с волнами
Я делился горем,
Скорбью и слезами...

1899

ВЕСНА

Весна, весна! — Из края в край
Песнь прозвенела вновь:
Привет тебе, веселый май!
Привет тебе, любовь!..

Широким бархатным ковром,
Взор ласково маня,
Под ярким голубым шатром
Раскинулись поля...

Рокошет весело ручей,
Шумит беспечно бор,
Из ослепительных лучей
Природа шьет убор...

И всюду жизнь, тепло и свет,
Приволье и цветы...
Везде любовь, везде привет
И всюду, всюду ты!..

1900(?)

Э Т Ю Д

Ароматная ночь, грез и неги полна,
Неприметно на землю спустилась...
В голубых небесах разгорелась луна,
За звездою звезда заискрилась...

Тишина и покой... Лес задумчивый спит,
Убаюканный сладкой мечтою.
Колыхаясь чуть-чуть, море волны струит
И зовет их, мятежных, к покою...

1901(?)

ДРУГУ

Невозможно творить, если нет у тебя
Силы творческой, нет дарованья,
И страдать за других невозможно, любя,
Если ты не изведal страданья...

Но любви и талантов не требую, друг, —
Век героев прошел безвозвратно;
Лишь народу из всех его многих услуг
Возврати хоть одну ты обратно.

Ну, хоть чем-нибудь дай ему повод признать,
Что врагом ты не будешь народным
И что новых петель не захочешь вязать,
Чтоб ему помешать стать свободным...

1901(?)

В РЕШИТЕЛЬНУЮ МИНУТУ

Я шутил, я солгал... Я невольно солгал,
Ввел невольно тебя в заблужденье, —
Я в безумном порыве любовью назвал
Одуряющий чад увлечения...

Далеко от родных, далеко от друзей,
Изнывая в тяжелом изгнании,
Отдаваясь тоске по отчизне моей,
Я чуждался надежд и желаний...

Как осенняя ночь, как кошмар, как недуг,
Дни за днями ползли без просвета, —
Будто вымерло все, — я не видел вокруг
Ни улыбки, ни слез, ни привета.

Вдруг встречаю тебя... И зачем? для чего?!
Взор твой вызвал меня из покоя,
И от ласки твоей, от тепла твоего
Встрепенулось в груди ретивое...

Я тебя полюбил больше всех из людей
За сердечность твою, за участие,
Но ты в чувстве моем, как в бряцанье цепей,
Не найдешь ни покоя, ни счастья...

Я не стою любви, я не смею любить, —
Меня родина ждет уже к бою, —
Коль врага ее мне не удастся сразить,
То не встретимся больше с тобою...

1901(?)

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

В эти мрачные дни, в эти скорбные ночи
Наполняется вновь безотчетной тоской
Изболевшая грудь, и усталые очи
Слова искрятся жгучей невольной слезой.

С затаенной враждой палачи-фарисеи,
Как живые, встают из могил вековых,
И апостолов всех, всех борцов за идеи,
И предателя вижу, как будто живых.

И прискорбно до слез, и обидно до мести
За людей и за жизнь... Вспоминаются вновь
Речи, полные лжи, ласки, полные лести,
И продажная честь, и такая ж любовь!..

1901

НОЧЛЕГ

Румяный луч заката
На Эльбрусе погас...
Пригнал к пещере стадо
Пастух в урочный час...

Собрались понемногу
Товарищи его...
Не видно — слава богу! —
Потерь ни у кого...

Коров уж подоили,
Загнали в баз телят...
В пещере разместили
Овец и их ягнят.

Какой шалун козленок! —
Залез под самый свод;
Малюсенький ягненок
Надулся, — все ж сосет.

Огонь уж раздувает
Проворный мальчуган...
Очаг дымит, пылает,
Поставлен и таган...

Вот все к огню подсели...
Котел уже кипел...
Пока смеялись, пели,
И ужин подоспел.

Чурек сухой, ячменный,
Похлебка с молоком, —
Вот ужин неизменный,
Приправленный трудом...

И сыты, слава богу!
Пошли к своим местам
И смолкли поспешно...
Покойной ночи вам!

1901(?)

**ДРУЗЬЯМ-ПРИЯТЕЛЯМ И ВСЕМ
КТО НАДОЕДАЕТ МНЕ
СЛЕЗОТОЧИВЫМИ СОВЕТАМИ**

I

Друзья, истощилось терпенье, —
Довольно о завтрашнем дне!
Не надо ни слов сожаленья,
Ни вздохов... На что они мне?!
Оставьте! Слепому кумиру,
Как вы, я не стану служить, —
Я страстно люблю свою лиру,
Люблю с ней скитаться по миру,
Люблю на свободе пожить.

II

Вы жизнь превратили в забаву,
Гнушаетесь честным трудом
И, совесть меняя на славу,
Насилье зовете судом.
Вы были всегда палачами
И прав, и свободы чужой,
Топтали святыни ногами.
Так будьте же счастливы сами
С такой озверелой душой!

III

Вы создали право владенья,
Где так обездолен народ,
Где с песней о вечном терпенье
Он хлеб добывает с болот.
Вам нужны обширные виллы
С фонтанами в пышном саду.
И стройте! Земли для могилы,
Когда поизносятся силы,
Я сажень повсюду найду...

IV

Мне вашего счастья не нужно, —
В нем счастья народного нет...
В блестящих хоромах мне душно,
Меня ослепляет их свет...
Их строило рабство векам,
Сгорают в них стоны спрот,
В них вина мешают с слезами...
Нет, будьте вы счастливы сами,
Где так обездолен народ!

V

Где золото, там умирают
Волшебные грезы любви, —
Недаром его обмывают
Потоки преступной крови,
Недаром и песню сложили
Ему, под бряцанье цепей,

Все те же, кого вы судили...
Нет, сами живите, чем жили! —
Я жизнью доволен своей.

VI

Оставьте пустое стенанье,
Советы и вздохи по мне!..
Коль вам непонятно сказанье:
«Не думай о завтрашнем дне».
Служите слепому кумиру,
А мне не мешайте служить
Всеобщему братству и миру...
Отдайте мне посох и лиру, —
Хочу на свободе пожить!..

1901(?)

У С Л О В Н О Е П Р Е Д Л О Ж Е Н И Е

Если только, случайный мой друг,
Лесть тайком не ласкала твой слух,
Если правду считаешь залогом
Нерушимого счастья людей,
А любовь средоточьем идей
Философии, данной нам богом...

Если ты, не гнушаясь трудом,
Домогалась душой и умом
Охватить тайны жизни свободной,
Распиналась за братьев — сирот,
Озлоблялась в бою за народ,
Вдохновляясь мечтой благородной...

Не таила за пазухой месть,
А сражалась открыто за честь,
Как святыню, ее защищая, —
Робость я постараюсь унять, —
Если да, то должна ты понять,
Как люблю я тебя, дорогая!..

1901(?)

ПАМЯТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Зачем, поэт, зачем, великий гений,
Явился ты так рано в этот мир,
Мир рабства, лжи, насилия и гонений,
Мир, где царил языческий кумир?..
Зачем судьба с таким ожесточеньем
Гнала тебя из-за пустых интриг
Трусливых бар, взлелеянных бездельем,
Когда клеймил их твой могучий стих?
Ты нужен был не царству бар и рабства,
А вот теперь, когда талантов нет,
Когда нас всех заело декадентство,
О, если бы ты жил теперь, поэт!
Твой мощный стих, могучие аккорды
Рассеяли б остаток прежней тьмы, —
Тогда бы по пути добра, любви, свободы
Пошли бы за тобой вперед со славой мы.

1901

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Назвать меня ты можешь другом,
Сказать мне смело можешь — брат, —
Верь, я готов к твоим услугам, —
Быть другом, братом очень рад.

Сильней любить меня захочешь, —
Сказать мне вздумаешь — супруг, —
Верь, счастье странника упрочишь
На веки вечные, мой друг!

1902(?)

* * *

Я смерти не боюсь, — холодный мран могилы
Давно меня манит безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется во мне для родины моей...

Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

* * *

Нет, тебя уж никто не заменит,
Дорогая, родимая мать!
Ни во что уже сын твой не верит, —
Истомился, устал он страдать...

Будь бы ты, — как его б ты любила!
Его душу понять бы могла
И, как коршун, его б сторожила
От насилья, коварства и зла.

Ты простила б ему заблужденья,
Приласкала б его на груди,
Объяснила бы жизни значенье
И служила б опорой в пути.

ПЕСНЬ РАБА

В яслях мы одних родились,
Вырос ты со мной;
Вместе жили и трудились,
Бедный ослик мой!

Вместе, не жалея силы,
Надрывая грудь,
Терпеливо до могилы
Мы свершим свой путь.

Пусть живет наш хан спесиво, —
Что за дело нам? —
Жизнь — обман, но смерть не льстива, —
Все мы будем «там».

ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО, ИЛИ МЫСЛИ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ЗВОНОМ К ЗАУТРЕНЕ

Занялася заря... Вот и звон из церквей
С вестью радостной мир облетает
И к святым алтарям миллионы людей
Поклониться Христу призывает...

Разодетой толпой, как большой маскарад,
Наполняют они все молебни,
И бедняк и богач в ожиданье наград
Раболепно склоняют колени.

Пред святым алтарем с площадным хвастовством
Ставят ярко горящие свечи
И под маской смиренья внимают потом
Пенью клира и пастырской речи...

Так исполнив обряд поклоненья Христу,
Богу братства, любви, всепрощенья,
Пред уходом спешат приложиться к кресту
В фарисейском самообольщенье.

И затем... Все забыв, предаются опять
Своим мелким житейским занятиям...
О, когда же, когда захотите понять, —
Что Христос доказал вам распятьем?

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтобы силой Христова ученья
Жизнь избавить свою от тяжелых оков
Повседневных пиров и безделья?

Много ль нужно еще вам позорных веков,
Чтоб Христа вы врагам не предали
И пред казнью его вы у мрачных голгоф
Так безумно «распни» не кричали?

Сколько нужно еще вам позорных веков,
Чтоб за братство, любовь и свободу
Не боялись цепей и терновых венков,
А несли бы с ним крест на Голгофу?!

ПЕСНЯ

Где ликующего мая
Аромат, цветы весны?
Где ты, юность удалая,
Где мечты твои и сны?..

Где друзья, их говор, шутки,
Смех веселый, шум пиров,
Рой поборников где чуткий,
Откликавшийся на зов?

Где вы, призраки свободы,
Пыл свободного труда? —
Все с собой умчали годы,
Все исчезло без следа!..

ПОРТРЕТ

Стройна, как тополь, все движения
Изящны, легки... Каждый штрих —
Шедевр божественного гения,
А речь — сплошной певучий стих.

Как небо майской полуночи,
Ее задумчивые очи
Манят бездонной глубиной
Куда-то ввысь, в мир неземной...

Добра, как ангел, незлобива,
Порой мечтательно грустна,
Порой, как школьник, шаловлива, —
Вы узнаете, кто она?..

ИСПОВЕДЬ

Я часто рифмами играл,
Не будучи поэтом,
Но как любил и как страдал,—
Не говорил при этом.

Теперь я исповедь мою
Хочу поведать свету:
Люблю, мучительно люблю,
Люблю, как жизнь, Аннету.

А . А . Ц .

Такие дни особенно тяжелы,
Что не могу их с вами разделить,—
Депешки лишь, сухие протоколы...
Вернетесь вы усталая из школы,
И некому вас там развеселить.

ГЛАВА II И ПОСЛЕДНЯЯ

Лишь слово, одно только вымолви слово —
И лиру настрою я вновь,
И вылью в аккордах могучих я снова
Забывшую песнь про любовь!..

АКРОСТИХ

Певца, гонимого судьбою,
Отвергнуть не захочешь ты
За то, что он любил с тобою
Делить с печалью и тоскою
Разбитой юности мечты.

А если б, как в былые годы,
В аккордах окрылять я мог
Любовь и радости свободы,—
Я снова, позабыв невзгоды,
Ютился у твоих бы ног.

?!!

Неужели?! Ты так испугалась,
Что не хочешь встречаться со мной? —
Ты так мило всегда восхищалась
Моей лирой и песней живой!..

Оскорбить тебя желчной сатирой
Никогда, ни за что я не мог,
Лишь баюкать надтреснутой лирой
Я старался тебя, видит бог.

И не требовал выше награды,
Как тобой любоваться в тиши...
И был счастлив, когда твои взгляды
Я ловил с трепетаньем души...

Твою речь, твое каждое слово
И улыбку, как раб, сторожил...
Это чувство мне было так ново, —
Жизнью меньше, чем им, дорожил!..

А теперь?.. Объясни, — я не знаю,
Чем тебя мог я так оскорбить...
Уж не тем ли тебя так пугаю,
Что не в силах тебя не любить?..

ПРОСТИ

Прости! довольно,—
Мне очень больно,
Что раньше не узнал тебя.
Любить поэта
И мненья света
Бояться, значит — лгать, любя.

Зачем? не надо,—
Ты будешь рада,
Когда расстанешься со мной.
Ты так прекрасна,
А жизнь ужасна
В борьбе с назойливой нуждой.

От колыбели
Для праздной лени
Судьба взлелеяла тебя.
Обжорство, скупость,
Притворство, тупость —
Все, все прощалось, любя.

Наука — скука!
Твоя наука —
Помеьше думать, меньше знать.

Быть интересной,
Казаться честной,
Меж тем обманывать и лгать...

Нет, нет! — не надо, —
Ты будешь рада
Не слышать песен струн моих, —
Забудь поэта! —
В болоте света
Авось отыщется жених...

ПОРЫВ

Ах, как больно, мучительно жажду опять
Долгих, жгучих твоих поцелуев, дитя!
Ах, как страстно, как бешено мог бы обнять
После тяжелой разлуки, мой демон, тебя.

Нет, не вынесу я, не по силам моим,
Дорогая, навеки расстаться с тобой...
Нет, я вызову ад, пойду с чертом самим
На разлучников наших кровавой войной!..

Нет, не вынесу я, я погибну тогда,
Если смертный подышит любовью твоей,—
Она только моя, и клянусь, что всегда
Иль неволей, или волей, а будет моей!..

ПЕЧАЛЬНЫЙ РОМАН

ГЛАВА I

Лишь только встретился с тобою,
Едва увидел я тебя, —
Ласкать несбыточной мечтою
Я стал ребячески себя...

— «Лишь ты, — в тебе найдет участие
Юдоль скитальца-сироты, —
Поэта приютишь в пенастье
И приласкаешь только ты, —

Мечтал, безумный, я порою, —
Его несмелое «люблю»
Не оттолкнешь...» И вот с тобою
Я сам разбил мечту мою!

ГЛАВА II

Ты помнишь спор паш оригинальный
О недоступности сердец?
Мой друг, какой для нас печальный
Теперь имеет он конец...

ГЛАВА III

**Свершилось,— праздными слезами
Не надрывай больную грудь,—
Все, все покончено меж нами...
Прости... не сетуй... и забудь...**

НАДПИСЬ НА КАРТОЧКЕ

Когда в этом мире борьбы и наживы
Остынут желанья, поблекнут мечты,
Сгорят упования, замолкнут порывы,
То вспомнишь, быть может, мпнувшее ты.

Альбом позабытый раскроешь от скуки,
Глазами усталыми станешь нскать
Любимые образы, стройные звуки
Аккордов заветных... Меж ними,— как знать,—

Фантазии нет невозможного в мире,—
И песнь эту встретишь, быть может, дитя, —
Решишь ли, кого воспевал он на лире,
Упорно любовью терзая себя?

N + N + N, ИЛИ 2N + N

Ни зависти черной,
Ни злобы позорной,
Не знала с младенчества ты,
О жизни свободной
В душе благородной
Издавна таила мечты...
Цепкою ль свободы мишурное счастье
Купить согласишься теперь?
Ах, нет, нет! Иначе и память о Насе
Я вырву из сердца, поверь...

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

**Бокалы налиты, и снова,
За стрелкой минутной следя,
Мы ждем новогоднего слова...
Хотя, согласитесь, друзья,**

**Что было бы, если бы все пожелания людей
сбылись в эту минуту до единого?..
Ура!..**

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Едва лучезарное солнце познания
Его озарило чело
И чистые грезы, святыя желанья
В душе его юной зажгло,

Едва ему щедро весна посулила
Свободу, любовь и цветы,—
Как жизнь оборвалась... Немая могила,
Храни его сны и мечты!

* * *

Свой отъезд волшебной сказкой
Я назвать готов...
Жду на станции Кавказской
Ровно пять часов.

И, как вечность, час за часом
Медленно ползет,
И ваш образ неотвязно
Предо мной встает.

ЗИГЗАГИ МЫСЛИ В БЕССОННИЦУ

Как долга беспросветная ночь!..
Как еще далеко до восхода!..
Но... и днем не могу я помочь
Безысходному горю народа...

СО ДНЕМ АНГЕЛА

Первозванного Андрея
Знает всякий, но ты сам
И дороже и милее
Как толстовцам, так и нам.

Потому и поздравленье
Шлю тебе, мой друг Андри,—
Кушай травку без стеснения,
Будь здоров и не хандри!

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Вот эта — Вера еще гимназисткой,
Рядом Косер, она же Наталия,
Люба-курсистка и Ольга курсисткой,
Аня и Апечка, — дивная талия!

Эта — Настасья, идейная девушка
С выдержкой немки, но с теплою ласкою.
Лелька-француженка — славная деточка,
Рядом Елена с еврейской закваскою...

Вот гимназисткой бесенок Анюта,
Пышная Леля, Елена кудрявая, —
Редкая масть! А вот та из приюта —
Сашка шальная, вот Груня лукавая.

Дальше Глафира — совсем миниатюра!
Рядом Раиса, — звалась осетинкою;
Рядом с ней Любка — беспутная шкура,
Те же — Раиса и Груня с сурдинкою.

Та же все Любка, а это вот Вика,
Рядом с ней Надя — мечта артиллерии,
Та ж и Анютка, уже не без шика,
Это портреты все первой лишь серии.

СТРАННЫЕ СОЧЕТАНИЯ И СЛУЧАЙНЫЕ АККОРДЫ

I

Буря бушевала,
Устали не зная...
Сердце изнывало,
Груню поджидая...

Сладки стали почи,
Дни, как миг, коротки...
Все глядел бы в очи
Грунюшки-красотки!..

II

Раннею весною,
Помнишь, как с тобою,
Баловница Леля,
Мы ходили в поле?..

Доли нет желанней,
Как весною ранней,
Баловница Леля,
Быть с тобою в поле...

III

Стыдно мне сознаться,
Но когда с тобою
Не встречаюсь долго,
Я скорблю душою...

IV

Об одном я только
Очень уж жалею,
Что тебя не вздул я
За твою затею...

Бить бы надо было...
Бить до полусмерти,
Чтоб и днем и ночью
Снились тебе черти!..

V

Ах, когда же утро
Светлое настанет,
Иль больное сердце
Биться перестанет...

ХЕТАГ

(начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы)

Читатель! Сбираюсь поведать тебе
Старинную повесть о славном
И доблестном предке, стяжавшем себе
Бессмертье в потомстве забавном.

Я сам из потомков его и, как гусь,
Лишь годный в жаркое, передко,
Встречаясь с другими «гусями», кичусь
Прославленным пмепем предка.

Преданье я черпал из тысячей уст,
А памятник цел и поныне:
Священная роща иль «Хетагов куст»
Стоит в Куртатинской долине.

Еще не касался ни разу топор
Его долговечных питомцев;
В нем стражник чужой потупляет свой взор,
Послушный обычаю горцев.

КОММЕНТАРИИ

В настоящем Собрании сочинений основоположника и классика осетинской литературы Коста Хетагурова широко представлены все жанры его творческого наследия: стихотворения, написанные им на осетинском и на русском языках (т. I), поэмы, драматические произведения, очерки и рассказы (т. II), публицистика и письма (т. III).

Издание иллюстрировано репродукциями с работ Хетагурова-живописца.

Произведения, созданные писателем на осетинском языке — сборник «Ирон фандыр» («Осетинская лира») и неоконченная поэма «Хетаг», — даются в переводе на русский язык. Внесены существенные изменения и уточнения в ранее выполненные переводы. Устаревшие переводы, которые по тем или иным причинам не могли быть исправлены, заменены новыми, более близкими к оригиналу.

Произведения К. Хетагурова, за исключением сборника «Осетинская лира», составленного самим автором, печатаются в хронологическом порядке.

В основу Собрания сочинений положены тексты, критически установленные в академическом издании (Коста Хетагуров. Собр. соч. в 5-ти томах. М., Изд-во Академии наук

СССР, 1959—1964). Для настоящего издания они заново сверены с автографами писателя и текстами первых публикаций. По сравнению с академическим изданием значительно расширен реальный комментарий.

Даты написания даются под текстами. В том случае, если дата устанавливается по первой публикации или по каким-либо косвенным данным, рядом с нею в скобках ставится знак вопроса.

ОСЕТИНСКАЯ ЛИРА

Сборник под таким названием (в оригинале «Ирон фандыр») впервые издан в 1899 г. во Владикавказе, еще при жизни поэта. Книга вышла, однако, без участия К. Хетагурова, находившегося в изгнании. Следить за прохождением рукописи он не мог, а человек, которому он доверил наблюдение за изданием, Гаппо Баев, допустил ряд серьезных отступлений от рукописи, нарушивших волю автора. Коста впоследствии не раз говорил об этом с негодованием и болью. Так, в письме к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г. он писал: «Гаппо я до сих пор не могу простить его фальсификации в «Ирон фандыре». Уверю Вас, я не могу этой книжки видеть. Если бы я смог собрать все издание и сжечь его, я бы помолодел, по крайней мере, на 10 лет. Я понимаю корректурную ошибку, но заменять слова, выбрасывать слоги, изменять падежи и таким образом парушать не только рифму, но и строй стиха и смысл выражения!» В этом и во многих других письмах Коста содержится ценнейший комментарий к первому изданию «Осетинской лиры».

В пятитомном академическом издании, на основе которого печатается и настоящее издание, текст «Осетинской лиры» дается по беловому автографу 1898 г. В эту рукопись Коста включил пятьдесят своих стихотворений, песен, небольших поэм и басен. В сборник были включены также переводы и

переложения с русского, которые в наше издание, естественно, не вошли.

По цензурным условиям в первое издание «Осетинской лиры» не вошли стихотворения «Спой!», «Солдат», «Горе», «Тревога» и вольный перевод пушкинского «Ворон к воропу летит».

Во втором (Владикавказ, 1907) и последующих изданиях «Осетинской лиры» появились новые стихи Коста, написанные им после 3 сентября 1898 г. Место того или иного из них в каждом новом издании редакторы почему-то определяли по собственному усмотрению. Беловой же автограф сборника, где выражена последняя воля К. Хетагурова, при этом предавался забвению. В пятитомном академическом издании и в нашем издании сохранена композиция упомянутого автографа. Стихи, не вошедшие в эту рукопись, печатаются в конце сборника в хронологическом порядке, а в случае отсутствия даты — в порядке их первых публикаций.

Завещание (стр. 31)

Осетинское название стихотворения — «Ныстуан». В точном переводе оно означает: поручение, наказ, послание.

Этому стихотворному посланию Коста придавал, видимо, особое значение. Все рукописные сборники «Ирон фандыра» открываются им не случайно. Кстати вспомнить здесь и о карандашном наброске поэта в одной из позднейших его тетрадей: лежит гранитная глыба и на ней, как бы олицетворяя вечность, это слово: *ныстуан*, — слово-завет, слово-наказ, послание поколениям. Под рисунком следует текст стихотворения, записанный Коста, вероятно, по памяти и, судя по почерку, уже тяжело больным, незадолго до смерти.

Стихотворение «Завещание», как и последующие «Дума», «Надежда», «О, если бы!», «Желание» и некоторые другие, посвящено теме назначения человека в жизни, месту его в

обществе. Все они объединены одной мыслью и во всей конкретности раскрывают смысл начала надписи на титульной странице: «Думы сердца...»

Цель своей жизни поэт видел в служении революционному долгу. Вне этой цели нельзя представить его поэзии. Стихи, вошедшие в «Осетинскую лиру», которые он называет печальными, являются на самом деле выражением тоски по подвигу. Они полны оптимистической веры в будущее.

В одном из вариантов осетинского текста «Завещания» есть примечательные строки. Вторая строфа ранней редакции стихотворения читалась так:

Если бы миру я меньше был должен,
Если б когда-нибудь я свой долг оплатил, —
Я шел бы тогда для веселья планеты,
Заунывный оставил бы плач.

(Подстрочный перевод)

Так объясняет эггический топ своих песен сам поэт.

Д у м а (стр. 32)

В предыдущих изданиях печаталось под названием «Раздумье». Более точный перевод осетинского *saġas*, однако, — дума.

Это одно из самых значительных стихотворений Коста, на революционные мотивы которых царская цензура не обратила внимания. Между тем в стихотворении сильно звучит призыв поэта к революционному действию. Это стихи-раздумья о судьбе нового поколения, о молодежи, не поднимающейся на борьбу за народное счастье, стихи-упрек. В какой-то мере они созвучны лермонтовской «Думе». Идейно перекликаются со следующим в сборнике стихотворением «Надежда», где разработана та же тема о судьбах нового поколения.

Надежда (стр. 33)

Название стихотворения передано в русском переводе по совсем точно. Осетинское *ныфс* означает не только надежду, упование, но и веру в себя, силу воли, непреклонность, бесстрашие, смелость и отвагу.

Это стихотворение является программным, самым высоким образцом поэтического обобщения. Но в нем нашли также отзвук споры Коста с отцом о путях молодого поколения в жизни. Эти споры и разногласия, о которых Коста упоминает в письмах, биографически достоверны.

Спой! (стр. 36)

При жизни поэта не печаталось по цензурным условиям. «Это... стихотворение, — писал в своем рапорте от 25 октября 1898 г. цензор Хр. Джигоев, — кажется нам несколько сомнительным в цензурном отношении. В нем упоминается о потере воли и земли, смысл же последних стихов остался и вовсе непонятным для нас. В стихотворении не упоминается, кто именно является виновником отнятия «воли» и «земли», и мы с своей стороны не решаемся утверждать, чтобы автор имел в виду в этих строках выразить предосудительную мысль относительно правительства... Но ввиду того, что всегда могут найтись единичные личности, в которых это стихотворение, благодаря некоторой неясности, может, пожалуй, возбудить нежелательные мысли, по-моему, следовало бы выкинуть его или целиком, или же те стихи, которые в подлиннике отмечены синим карандашом» (Центральный ист. архив Грузии, ф. 480, д. 176, л. 119).

В письмо к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г. Коста говорит о трусости цензора, побоявшегося опубликовать это — по выражению самого поэта — «совершенно певниное» стихотворение.

Пр о п а д и!.. (стр. 37)

В письме к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г. Коста с возмущением писал о том, что в этом стихотворении Г. В. Баевым «выброшена целая строфа, которая, вероятно, не понравилась *издателю*, а того не сообразил, что этим он ослабил силу стиха и нарушил мотив, которым передается «Фссаф» («Пропaday ты, жизнь!»). Впервые эта строфа восстановлена в пятитомном академическом издании сочинений Коста (1959—1961).

Стихотворение еще при жизни поэта стало популярной народной песней. В песенный репертуар осетинского народа вошло подавляющее большинство и других стихотворений Коста, написанных им на осетинском языке.

Ж е л а н и е (стр. 41)

Из письма Коста к Г. В. Баеву от 19 июля 1899 г. известно, что в первом издании «Осетинской лиры», редактором-издателем которого был Г. В. Баев, «в полной неприкосновенности» остались лишь «Желание», «Лпса и барсуки» и «Зима».

Упомянутые в письме стихотворения опубликованы в первом издании «Осетинской лиры» хотя и полностью, но с грубейшими корректурными ошибками.

Стихотворение печатается в переводе Б. Иринина, который в прежних изданиях публиковался под названием «Если бы».

Пр о щ а й! (стр. 42)

Публикуется в новом переводе.

Стихотворение, по свидетельству самого поэта, обращено к Анне Александровне Цаликовой. Написано в 1891 г., когда Коста еще жил во Владикавказе на квартире у Цаликовых. «Давно мне твой взор говорит *«уходи»* и т. д., — обращался я к Вам в своем прощальном «Харзбон» («Прощай») за день до ухода... — вспоминал Коста об этом стихотворении в письме к А. А. Цаликовой от 6 декабря 1898 г. — Затем я был

выслан из Владикавказа... Попал в трущобы Карачаевских гор, па серебро-свинцовый рудник...»

О том, как произошло знакомство Коста с семьей Цалпковых, подробно рассказывает в своих воспоминаниях Е. А. Цалпкова (Архив Северо-Осетинского НИИ, ф. Коста, № 298, папка 41, лл. 1—8).

Семья Цалпковых — отец Александр Иванович и его дочери Юлпапа, Елена и Анпа. Все они были близкими друзьями поэта и сыграли заметную роль в его судьбе. Коста всегда находил приют в этой семье. С нею у него была самая оживленная переписка, когда он находился в херсонской ссылке. На протяжении многих лет семья Цалпковых бережно хранила его рукописи, картины, письма. Многие факты из жизни поэта и его окружения известны нам благодаря мемуарам Ю. А. и Е. А. Цалпковых.

А. А. Цалпкова (1874—1914) — младшая из сестер, которую Коста с юношеских лет до конца своей жизни горячо и нежно любил. «В поэзии... Коста Хетагурова, — писал известный в Осетии общественный деятель и публицист Гиго Дзасохов, — она занимает центральное место: ей посвящены и чувствами к ней вызваны лучшие перлы творения осетинского поэта» (Архив СОНИИ, ф. Коста, № 282, папка 23, л. 1).

В 1898 г. Коста подарил А. А. Цалпковой беловой автограф сборника «Ирон фандыр». Сейчас эта рукопись находится в архиве Северо-Осетинского НИИ. Сохранился портрет А. А. Цалпковой работы Коста (см. т. III наст. изд.).

Арчита (мп. число от *арчи*) — горская обувь из цельного куска сыромятной кожи.

Песня бедняка (стр. 44)

Тема этого, последующих двух («Сердце бедняка», «А-лоллай!..») и многих других стихотворений, вошедших в «Ирон фандыр», — вечная нужда, бедность и нищета трудящихся

горцев. Жизнь осетинской бедноты в этих стихотворениях Коста впервые стала достоянием поэзии.

Публикуется в новом переводе.

Сердце бедняка (стр. 45)

Публикуется в новом переводе

А-ло л-лай! (стр. 46)

Это стихотворение, относящееся к циклу раздумий поэта о судьбах родины, давно стало хрестоматийным. Оно входило во многие буквари и книги для чтения на осетинском языке еще в дореволюционное время.

А-ло л-лай — припев осетинской народной колыбельной песни.

Пусть ягненком белым, милый, «Вечно для тебя» Буду я!.. — Белый ягненок у осетин символ безграничной материнской любви.

У гроба (стр. 48)

В предыдущих изданиях публиковалось под названием «У могилы».

Написано под свежим впечатлением смерти известного общественного деятеля Грузии Миханла Зааловича Кипиани (1833—1891), которого Коста хорошо знал, был с ним дружен.

Последние годы жизни М. З. Кипиани были тесно связаны с Осетией. На протяжении ряда лет он вел большую культурно-просветительную работу среди осетин. В 1882 г. был попечителем реального училища во Владикавказе, принимал деятельное участие в создании «Общества распространения грамотности и технических знаний среди горцев Терской области». До конца жизни он оставался бессменным его председателем.

Занимая должность управляющего межовой частью Терской области, он с большим сочувствием относился к горской

бедноте. О тяжелом положении горцев написана его книга: «От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области (Владикавказ, 1884)».

Умер М. З. Кипиани 2 марта 1891 г. от паралича сердца. 4 марта во Владикавказе состоялся траурный митинг. Произносились речи на русском, грузинском и осетинском языках. «С большим проникновением, — писала газета «Иверия» в номере от 10 марта 1891 г. — прочел стихотворение сначала по-осетински, а потом другое стихотворение по-русски Коста Хетагуров... Прибывшие осетины во время чтения этого стихотворения обратились в слух, старались услышать каждое слово в стихотворении, которое так сильно действовало на людей, что даже самые крепкие из них не удержали слез».

В тот же день, 4 марта, прах М. З. Кипиани перевезли в Тбилиси, где он был похоронен в ограде Дидубийской церкви. Стихи Коста были прочитаны на траурном митинге во Владикавказе, у гроба М. З. Кипиани, а не у могилы.

Из воспоминаний современников известно, что К. Хетагуровым написан портрет М. З. Кипиани. К сожалению, портрет до сих пор не разыскан.

Взгляни!.. (стр. 49)

В 1885 г. Коста Хетагуров, не закончив курса обучения в Петербургской академии художеств, вернулся в Осетию. В этом полном патриотического волнения и живого трепета стихотворении выражена бурная радость поэта. В первом издании оно опубликовано без трех строк предпоследней строфы, очень важных для понимания идейных позиций Хетагурова тех лет. В этих строках недвусмысленно подчеркнуто социальное неравенство в Осетии. Выброшены они, вероятно, Г. В. Баевым при определении состава сборника «Ирон фандыр» еще до представления рукописи в цензурный комитет. В рапорте цензора Хр. Джигоева на имя попечителя Кавказского учебного округа от 25 октября 1898 г. об этом стихотворении очень осторожно

сказано лишь следующее: «Ракас («Смилуйся»). Обращение к св. Георгию, чтобы он оказал свою помощь бедному народу, находящемуся в нищете и невежестве» (Центральный ист. архив Грузии, ф. 480, д. 176, л. 118).

Впервые строки 16—18 восстановлены в седьмом издании «Осетинской лиры» (1936).

Уастырдж — в осетинской мифологии покровитель мужчин, самый популярный и самый почитаемый в осетинском пантеоне богов.

В разлуке (стр. 51)

В июне 1891 г. за организацию протеста против закрытия единственной в Осетии женской школы Коста был выслан в Карачай. Этим фактом и вызвано стихотворение. Обращено к молодежи и тематически связано с другими стихотворениями Коста («Без пастуха», «Походная песня» и др.), в которых призывное слово поэта адресовано также к молодежи.

В прежних изданиях публиковалось под названием «Без доли» (так буквально переводится осетинское «Ана хай»).

Предположительно датируется 1891 г. — годом первой (карачаевской) ссылки.

Еще до появления в печати распространялось во множестве списков и стало популярной народной песней.

Не смерти боюсь я, но кто над могилой || Костер поминальный зажжет?.. — Имеется в виду древний осетинский похоронный обряд.

Чей конь в мою честь победит?.. — Имеются в виду скачки, которые устраивались в честь умершего по древнему осетинскому обычаю.

Без пастуха (стр. 52)

Это революционное по своему содержанию стихотворение в первом и в последующих двух изданиях «Осетинской лиры»

прошло не замеченным царской администрацией. И в этом нельзя не признать заслуги цензора Хр. Джигоева, который в своем рапорте умолчал о нем. «Я нахожу, — писал он в письме к Г. В. Баяеву от 21 июня 1899 г., — что уже при определении состава «Ирон фандыра» была проявлена некоторая неосторожность. Иначе как же объяснить, что в сборник попали такие стихотворения, как «Азар» («Спой!»), «Ана фийау» (Без пастуха) и некоторые другие! Ты себе представить не можешь, в какое затруднительное положение я был поставлен».

Проявляя крайнюю осторожность, Хр. Джигоев весьма благосклонно относился к делу зарождающейся осетинской литературы, цели и задачи которой он ясно понимал. О Коста он говорил всегда с благоволением и любовью. «Жизнь и деятельность его составляют паше общее достояние», — писал он в одном из своих писем.

Говоря об осторожности, которую всегда проявлял Хр. Джигоев, нельзя, нам кажется, забывать о накаленной политической атмосфере тех лет и о той разнузданной травле, которой подвергался Коста Хетагуров со стороны начальника Терской области С. В. Каханова.

Издать книгу опального поэта в этих условиях было не легко. В своей переписке с Кавказским учебным округом по изданию «Ирон фандыра» Хр. Джигоев проявил немало такта и чутья и немало приложил усилий к тому, чтобы «крамольная» книга К. Хетагурова увидела свет.

С о л д а т (стр. 53)

Написано в 1889 г. в связи с призывом осетин в царскую армию. В жизни осетинского народа это было явлением чрезвычайным, полным ужаса и тревоги. И Коста восстал против него в своем гневном стихотворении.

По свидетельству современников, стихи распространялись во множестве списков и передавались из уст в уста. Они были знакомы и царской администрации. Ни в одно из дореволю-

днопных изданий «Осетинской лиры» это стихотворение по вошло.

Не было его и в составе рукописи первого издания «Осетинской лиры», представленной Г. В. Басвым в Кавказский цензурный комитет. Однако по ложному допосу вокруг него была поднята целая буря. В цензурной переписке 1899 г. появились тревожные сигналы «Секретно», «О приостановке издания», «В. пужнос». Администрация Кавказа, как это видно из документов, была встревожена не на шутку. «Начальник Терской области рапортом от 10 сего марта донес, что тифлисскою цензурою пропущены в печать стихотворения на осетинском языке Константина Хетагурова, предназначенного к высылке из Кавказа, — докладывал председатель Кавказского цензурного комитета генерал-майор Пащинский, исполнивший в то время обязанности начальника штаба Кавказского военного округа. — Стихотворения эти, по сообщению некоторых благонадежных осетин, крайне возмутительного содержания и, кроме того, воспевают те пороки осетин, к искоренению которых должны приниматься особенно настойчивые меры, как, например, месть. Выдающимися по своему неблагонадежному содержанию являются стихотворения «Солдат» и «Шинель», направленные против воинской повинности.

Находя распространение таких стихотворений среди осетинского народа весьма вредным, генерал-лейтенант Каханов ходатайствует о приостановлении их печатания и о высылке их к нему для ознакомления и последующего затем доклада командующему войсками округа» (Центральный ист. архив Грузии, ф. 480, д. 176, лл. 250—251).

Впервые стихотворение «Солдат» (об упомянутом в рапорте генерал-майора Пащинского стихотворении «Шинель» ничего неизвестно) опубликовано в издававшейся в Тбилиси осетинской газете «Ног цард» («Новая жизнь») 2 сентября 1907 г. без последней строфы. В подстрочном переводе эта строфа читается так:

О родная моя, да сгинути бы мне,
Не плачь!.. Сдержись хоть на миг!..
Погодим пока... Пропадет пусть смуглый юнопа,
жаждущий жизни, —
Если он кому-нибудь уступит!

Смысл этой, заключительной, строфы вполне ясен. Она является выражением революционной мести — очень важной деталью для понимания поэзии Коста тех лет, когда создавались и другие его стихотворения, направленные против самодержавного строя.

Г о р е (стр. 55)

Перевод этого стихотворения, осуществленный Б. Ирининым еще в 1959 г., публикуется впервые.

Как и предыдущие («Сной!», «Солдат»), в дореволюционные издания «Осетинской лиры» не входило по цензурным условиям. Осетинский текст стихотворения впервые опубликован в газете «Ног цард» («Новая жизнь») 25 апреля 1907 г.

Задолго до публикации, еще в 80-е годы прошлого столетия, стало широко распространенной в народе песней.

Т р е в о г а (стр. 56)

В первое издание «Осетинской лиры» не вошло по цензурным условиям. Впервые опубликовано в «Прон газет» («Осетинская газета») 23 июля 1906 г.

М а т ь (стр. 57)

Во многих изданиях публиковалось в том же переводе под названием «Мать сирот». Между тем, еще при жизни Коста, в 1902 г., эта небольшая поэма в переводе Л. Кипиани была опубликована в журнале «Кавказский вестник» под названием «Мать». Поэма стала популярной народной песней.

К у б а д ы (стр. 61)

Осетинский текст поэмы широко известен как песня. В списке Г. В. Баева датируется 1889 г.

Ныхас — место общих сборов, игр.

Калак — так осетины называют город Тбилиси.

К т о т ы ? (стр. 65)

Публикуется в новом переводе.

Это поэма о типической судьбе бедного горца, в которой отразились воспоминания о детстве и юности поэта. До появления в печати распространялась во множестве списков, частично сохранившихся в архиве Северо-Осетинского НИИ.

Для тещи купил я коня... — По древнему осетинскому обычаю, жених должен был дарить матери невесты коня.

Сырдон — герой осетинской эпопеи о нартах, известный своим коварством и жестокостью.

В с а т и (стр. 75)

В основу этой маленькой поэмы положен сюжет осетинской народной песни о Всати — боге охоты. В традиционный фольклорный сюжет Коста внес, однако, свои стилистические особенности. Совершенно иным, по сравнению с народным вариантом, является, например, начало поэмы: утро и горный пейзаж, на фоне которого разворачивается действие. Чисто хетагуровским остаются композиционные приемы, динамика изложения. Не случайно поэма Хетагурова стала более популярной в народе, чем ее фольклорный первоисточник. Слова поэмы переложены на музыку. Еще до революции она стала народной песней.

Всати — в осетинской мифологии бог зверей, покровитель охотников.

Ныхас — здесь: поляна.

Уарайда — припев в осетинских народных песнях.

На кладбище (стр. 79)

Поэма написана по мотивам богатейшей обрядовой поэзии осетин. В основу повествования положен широко распространенный в прошлом и в каких-то деталях сохранившийся еще до недавнего времени обряд посвящения коня умершему. В поэме нашли своеобразное воплощение содержание и структурные элементы сказания «Сослан в стране мертвых» из эпоса о нартах, хорошо знакомой поэту.

В смысле формы поэма совершенно оригинальна. Экспозиция ее и финал являются своеобразным обрамлением речи посвятителю коня. Ритмическая структура поэмы, строфика, способ рифмовки не имеют ничего общего с народно-поэтическими вариантами. Начатая в песенно-эпическом складе, в том особенном, характерном только для хетагуровской поэтики ключе, поэма постепенно приобретает характер разговорно-повествовательной речи.

Публикуемый нами перевод Н. Заболоцкого выполнен более двадцати лет назад и, в отличие от других переводов, включенных в настоящее издание, содержит серьезные отклонения от размера подлинника. В оригинале — четырехстопный дактиль. Дактилические рифмы парных строк в переводе Н. Заболоцкого заменены женскими, а женские рифмы в третьей строке — мужскими. Передать все тонкости ритмического своеобразия поэмы переводчику не удалось. И несмотря на это, перевод Н. Заболоцкого по своей поэтичности и близости к оригиналу остается пока самым лучшим.

В архиве Северо-Осетинского НИИ сохранилась наборная рукопись поэмы «На кладбище». Беловой автограф всей рукописи «Осетинской лиры», с которой делался набор первого издания, до сих пор не разыскан.

Курдалагон — в осетинской мифологии бог кузнечного дела.

Барастыр — в осетинской мифологии бог загробного мира.

Безумный пастух (стр. 90)

В основу положена народная притча о безумном пастухе. В записной книжке Коста сохранилась ее краткая запись.

Публикуется в новом переводе.

Редька и мед (стр. 91)

Все басни Коста («Редька и мед», «Олень и еж», «Постылик», «Привычка», «Лиса и барсук» и другие) написаны на мотивы народных притч. Краткие записи большинства из них сохранились в записной книжке поэта.

Задын — солодовый хлеб; *хомыс* — кушанье из сваренной ячменной муки; *бламык* — похлебка из ячменной муки и сырода.

Лиса и барсук (стр. 99)

Арджинараг — название теснины.

В пастухах (стр. 103)

Написано по мотивам осетинской народной сказки.

До пятитомного академического издания публиковалось под названием «Пастух-батрак».

Четыре сына — имеются в виду четыре времени года.

Пять сынов — имеются в виду пять чувств.

Урызмаг — один из героев осетинского нартовского эпоса, старейший из нартов.

Киска (стр. 109)

Этим стихотворением в рукописи «Ирон фандыра» открывается последний раздел книги, посвященный детям. Коста

писал для них с особой любовью и особым вниманием. «Мой подарок детям Осетии» — так называется небольшой сборник его стихов, изданный лишь в советское время. Для детей он подготовил специальное издание «Ирон фандыра». В отличие от всех остальных, оно иллюстрировано рисунками поэта.

Стихотворения «Киска», «Школьник», «Шалуп», «Кому что», «Будь мужчиной», «Сипица», «Ласточка», «Весна» и др. давно стали хрестоматийными. Со времени выхода в свет «Осетинской лиры» они постоянно включались во все буквари и книги для чтения на осетинском языке.

Ш а л у п (стр. 111)

В рукописи «Ирон фандыра», подготовленного поэтом для детей, это стихотворение имеет иную редакцию. Оно озаглавлено «Науандаг ама зывагганаг» («Несмелый и ленивый»). Первая строфа в этой редакции относится к «песмелому», вторая — к «ленивому». В окончательном тексте стихи приобрели другое звучание и по смыслу и по форме.

Публикуется в новом переводе.

Б у д ь м у ж ч и н о й (стр. 113)

Публикуется в новом переводе.

С и п и ц а (стр. 114)

Публикуется в новом переводе.

В е с н а (стр. 116)

Публикуется в новом переводе.

Л е т о (стр. 117)

Публикуется в новом переводе.

З и м а (стр. 119)

Публикуется в новом переводе.

П р и с л у ж н и к (стр. 120)

Написано в 1899 г. в херсонской ссылке. В дореволюционные издания «Осетинской лиры» не входило по цензурным условиям. Не вошло оно и в четвертое (берлинское) издание сборника (1922). Впервые опубликовано в «Ирон газет» («Осетинская газета») 30 июля 1906 г.

Создавая образ прислужника, Коста имел в виду полковника С. Д. Хоранова, впоследствии генерала, — одного из ярых защитников царского самодержавия. (См. об этом в письме Коста к Ю. А. Цаликовой от 22 августа 1899 г., т. III наст. изд.)

В 1969 г. впервые обнаружены автографы этого и двенадцати других осетинских стихотворений Коста. Все они написаны после 1898 г. В беловом автографе «Осетинской лиры» с пометой «3 сент. 1898 г.» этих стихотворений нет.

У п р е к (стр. 122)

Реальный комментарий к этой басне содержится в письме Коста к Ю. А. Цаликовой от 22 августа 1899 г. «Из нее Вы увидите, — пишет он, полностью цитируя басню, — как сильны привычка и инстинкт в обыходе жизни».

Впервые опубликовано во втором издании «Осетинской лиры» (1907), где оно называлось «Медведь и волк». Написано на основе пародной поговорки, запись которой сохранилась в записной книжке поэта.

Ч то э то? (стр. 124)

Входит во все издания «Осетинской лиры», начиная со второго (1907). Во многих изданиях печаталось без названия по сохранившемуся в письме Коста к А. А. Цаликовой от 24 октября 1899 г. беловому автографу. В недавно найденной рукописи осетинских стихотворений Коста оно озаглавлено «Циу?» («Что это?»).

Стихотворение посвящено А. А. Цаликовой.

В повогоднюю ночь (стр. 125)

Стихи написаны по случаю Нового, тысяча девятисотого, года и посвящены А. А. Цалпковой. Коста цитирует их в письме к А. А. Цаликовой от 24 декабря 1899 г.

Новогодняя песня (стр. 126)

Печатается в исправленном переводе.

В письме к А. Л. Хстагурову от 3 января 1900 г. сохранилась другая (сокращенная) редакция этого стихотворения.

По недосмотру в прежних изданиях не соблюдено принятое самим автором деление на двуступия.

Походная песня (стр. 127)

Впервые опубликовано в «Ирон газет» («Осетинская газета») № 1, 23 июля 1906 г. Вошло во все издания «Осетинской лиры», начиная со второго (1907).

«Если б запеть мпе...» (стр. 128)

Публикуется в новом переводе. Осетинский текст этого стихотворения впервые опубликован в «Ирон газет» («Осетинская газета») 6 августа 1906 г. Вошло во все издания «Осетинской лиры», начиная со второго (1907).

Дума жениха (стр. 129)

Входит во все издания «Осетинской лиры», начиная со второго (1907).

Тоска влюбленного (стр. 130)

Входит во все издания «Осетинской лиры», начиная со второго (1907). Стихотворения «Дума жениха» и «Тоска влюбленного» являются вариациями на одну и ту же тему.

Публикуется в новом переводе. Дата написания точно это установлена. Впервые появилось в печати во втором издании «Осетинской лиры» (1907).

Кого имел в виду Коста в этом стихотворении? На этот вопрос нет и не может быть пока ясного ответа. Попытки доказать, что стихи написаны к столетию со дня рождения А. С. Пушкина, основаны на умозрительных догадках, не подтверждаемых содержанием стихотворения, и не могут приниматься всерьез. «Сто жизней» — как это видно из контекста — всего лишь метафора... Одно только кажется нам бесспорным — стихи обращены к живому лицу. Но кто это живое лицо? Не сам ли поэт? Не пользовал ли он здесь известный в лирической поэзии литературный прием — обращение к самому себе? Судя по всему, стихи написаны в последние годы жизни поэта, когда он особенно много размышлял о своем жизненном пути. Не раз начинал он писать в эти годы свою автобиографию с явным намерением подытожить все, что удалось ему совершить на этом пути. Стихотворение «Привет» — плод глубоких размышлений поэта над целью и смыслом жизни. В нем обобщены его раздумья о человеческом идеале, и, может быть, нет особой надобности искать адресата.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Коста Хетагуров написал более ста пятидесяти стихотворений на русском языке, значительная часть которых публикуется в нашем издании.

При жизни Коста был издан единственный на русском языке сборник его поэтических произведений («Стихотворения Коста». Издание газеты «Северный Кавказ», губ. г. Ставрополь, 1895). В этот сборник, помимо пятидесяти стихотворений, вошли поэмы «Фатима», «Перед судом» и «Се человек». Цензура запретила публикацию в нем поэмы «Кому живется

весело?» (см. т. II наст. изд.), а из разрешенных к печати произведений изъята сто девяносто шесть строк. В сборник по цензурным условиям не вошли также стихотворения «Я не пророк», «Памяти А. Н. Плещеева», «Памяти А. С. Грибоедова», «Памяти А. Н. Островского» и посвященное М. Ю. Лермонтову стихотворение «Перед памятником».

Стихи Коста публикуются, за исключением оговоренных случаев, по рукописям. В конце настоящего раздела, после стихотворения «Предложение», публикуются стихотворения, даты написания которых неизвестны.

Да, я уж стар... (стр. 135)

Посвящено Анне Яковлевне Поповой, в те годы гимназистке Владикавказской женской гимназии. Сохранились ее воспоминания, в которых она рассказывает об этом стихотворении: «Не будучи еще знакомой, в 1886 году, 3 июня, от Коста получила письмо с вложенным посвящением А. Я. П. «Да, я уж стар...», обозначенное 21 мая 1886 г. с примечанием: «Прилагаемое к письму стихотворение прошу хранить до тех пор, пока Вы не захотите сгладить из своей памяти воспоминание о злосчастном знакомом познакомце» (см. т. III, письмо Коста от 21 мая 1886 г.).

Любовь и дружеское расположение к А. Я. Поповой (ум. в 1940 г.) были темой ряда стихотворений Коста («Многозначия», «А. Я. П.» и др.). В музее краеведения Юго-Осетинской автономной области (г. Цхинвал) хранится портрет А. Я. Поповой работы Коста. До конца своей жизни поэт питал к ней дружеские чувства. Он подарил ей беловой автограф своей поэмы «Перед судом» и картину «Нерукотворный лик». В архиве Северо-Осетинского НИИ сохранилась их небольшая переписка.

Стихотворение печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» от 2 июля 1899 г. Публикуемый нами текст значительно отличается от первой редакции.

Многоточия (стр. 137)

Стихотворенно посвящено А. Я. Поповой. Об обстоятельствах, при которых оно было написано, А. Я. Попова рассказывает в своих воспоминаниях: «17 сентября 1887 г. рано утром я уехала к сестрам в Гори и Тифлис... В ответ на мой отъезд Коста написал стихотворение «Высокий барский дом...».

Описание отъезда А. Я. Поповой биографически достоверно. «Высокий барский дом», принадлежавший семье Поповых, сохранился до сих пор (ул. Чермена Баева, 11).

Интересен вариант четырнадцатой строки стихотворения, в котором точно воспроизведены пункты, через которые следовал экипаж в начале пути:

Бульвар... чугунный мост... базар, застава... степь...

А. Я. П. (стр. 138)

Посвящено Анне Яковлевне Поповой.

Печатается по тексту сборника русских стихов Коста (Ставрополь, 1895). Публикуемый текст значительно отличается от первой редакции стихотворения.

Владикавказ (стр. 139)

Написано, вероятно, вскоре после возвращения из Петербурга, в 1885—1886 гг. Начало стихотворения напоминает строфы из оконченной драматической поэмы Коста, условно названной «Чердак», над которой поэт работал в петербургский период своей жизни. Например, в поэме есть такие строки:

Когда бы сладкозвучной лирой
Я в этот час мог обладать,
Я б вам с художественной миной
Мог кое-что здесь наболтать...
Но так как муза не приходит
Ко мне на зов мой никогда
(Во мне, должно быть, не находит
Она талантов, господа),
То, за успех свой не ручаясь...

и т. д.

За заставой (стр. 149).

Навевлю впечатлениями жизни в Петербурге.

Впервые опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 25 декабря 1888 г. в редакции, значительно отличающейся от текста белого автографа, публикуемого в нашем издании.

Новый год (стр. 151)

В первой публикации (газета «Северный Кавказ», 1889 г., 1 января) по цензурным условиям опущены две последние строки. В авторском экземпляре сборника русских стихов, хранящемся в архиве Северо-Осетинского НИИ, они вписаны рукою Коста.

На смерть горячки (стр. 155)

В сборнике русских стихов (Ставрополь, 1895) по цензурным условиям опущена вторая строфа. В авторском экземпляре она вписана рукою Коста.

А. Я. Попова в своих записках о Коста, вскользь упомянув и об этом стихотворении, пишет, что стихи посвящены смерти Веры Сухиевой-Аликовой, дочери брата мачехи Коста. Есть и другие сведения, на наш взгляд, более достоверные. Так, например, Д. С. Газдапов, один из близких друзей поэта, утверждает, что стихотворение (в разном чтении газеты «Северный Кавказ» — «На смерть молодой горячки») написано по поводу смерти десятилетней Анны Аликовой. Это было после возвращения Коста из Петербургской академии художеств. Коста жил тогда во Владикавказе. «Он, — рассказывает в своих воспоминаниях Д. Газдапов, — перешел... на квартиру к бедному прапорщику Бабо Аликову. Забавой и развлечением для него служила хозяйская девочка Анна, которая вскоре умерла. Помню, как Коста горько оплакивал эту девочку и на смерть ее написал стихотворение» (Архив СОНИИ, ф. Коста, № 255, папка 65, л. 1).

Музыку на эти стихи еще до революции написал грузинский композитор Д. Аракишвили.

П р о с т и (стр. 156)

Тематически перекликается со стихотворением на осетинском языке «Харэбон!..» («Прощай!..»). Посвящено Анне Александровне Цаликовой. Первая публикация («Северный Кавказ», 1889 г., 16 апреля) существенно отличается от публикуемого нами текста.

Перед памятником (стр. 157)

Стихотворение прочитано на открытии памятника М. Ю. Лермонтову 16 августа 1889 г. в Пятигорске. Сохранилась запись Коста на обороте программы празднеств: «Великий, торжествующий гений! Подрастающее поколение моей родины приветствует тебя, как друга и учителя, как путеводную звезду, в новом своем движении к храму искусств, наук и просвещения».

Цензурой это стихотворение было запрещено. И так и не было напечатано при жизни поэта. Реальный комментарий к стихотворению содержится в письме Коста к Ю. А. Цаликовой от 1 января 1900 г.

Впервые опубликовано в 1909 г. в издании Г. Дзасохова.

А. Г. Б. (стр. 158)

А. Г. Б. — Александр Григорьевич Бабич, художник и журналист, с которым Коста был в дружеских отношениях. Вместо с ним он открыл первую во Владикавказе художественную выставку. Одно время жил у него на квартире. Сохранилась фотография Коста, подаренная им семье Бабича с такой надписью: «Всегда дорогой и душевно уважаемой семье Бабича с предписанием помнить и не судить строго непутевого, а может быть даже несправивого, но глубоко любящего Коста».

Стихотворение посвящено сестре Коста — Ольге Левановне Хетагуровой-Кайтмазовой (ум. в 1906 г.). Она приняла самое близкое участие в судьбе поэта, особенно в последние годы его жизни. «У постели больного все та же сестра его — одна», — писал Г. Дзасохов в своем «Открытом письме осетинской интеллигенции» (газета «Казбек» от 10 февраля 1905 г.).

После смерти Коста Ольга Левановна открыла в селении Георгиевско-Осетинском, где жил и умер поэт, школу для взрослых. Самые подробные и точные сведения о последних днях жизни Коста сохранились в ее воспоминаниях.

«Спою вам куплеты...» (стр. 180)

По воспоминаниям врача К. Тонуридзе (в записи В. Цабаева), куплеты были написаны при следующих обстоятельствах: «Зимой не то 1890, не то 1891 года к квартире Балталона (П. Балталон — учитель французского языка Владикавказской прогимназии, у которого Коста снимал квартиру. — К. Г.) подошли сани. Высокого роста мужчина в николаевской шинели с бобровым воротником... спросил, живет ли здесь Коста Хетагуров.

Его провели к Коста. Он оказался антрепренером Кашириным, который попросил Коста, чтобы он выручил его, Каширина, из беды. Беда, по рассказам Каширина, заключалась в том, что через два дня, перед началом великого поста, Каширин должен закрыть театральный сезон, а для дивертисмента прощального спектакля у него нет стихов — куплетов на злобу дня... Он убедительно просил Хетагурова написать их... На другой день Коста эти куплеты читал сначала мне и моим товарищам... Часть этих куплетов я до сих пор помню, так как после мы их часто распевали».

Печатаются по беловому автографу.

Впервые опубликованы в газете «Северный Кавказ» от 22 февраля 1890 г. за подписью «Актер-горемыка» в редакции, несколько отличающейся от публикуемого нами текста и под названием: «Великопостные куплеты для Владикавказа».

«И с ся к л а м ы с л ь...» (стр. 167)

Вызвано воспоминаниями о А. А. Цалковой. В письме к В. Г. Шредерс от 19 сентября 1891 г. Коста, говоря о тяжелых условиях жизни в карачаевской ссылке, полностью цитирует эти стихи.

Не до пе ты е ку пл е ты (стр. 175)

Публиковались в разных редакциях в газетах «Северный Кавказ» от 15 апреля 1893 г. и «Казбек» от 23 и 25 декабря 1901 г.

Па м я ти Я. М. Не ве ро ва (стр. 180)

Яцуарий Михайлович Неверов (1810—1893) — известный деятель народного просвещения на Кавказе. В начале 50-х годов был директором Ставропольской гимназии. Позднее, возглавляя Кавказский учебный округ, он развернул широкую и разностороннюю деятельность по внедрению школьного дела и распространению образования среди горцев Кавказа. «Особным попечением Неверова, — писал один из его современников, — пользовались ученики-горцы...» (М. Краснов. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913, с. 66).

Коста знал Я. М. Неверова с детства. «Помню, — рассказывает в своих воспоминаниях А. Л. Хетагуров, родственник и близкий друг поэта, — в какой восторг привел он (Коста. — К. Г.) чтением предобеденной и послеобеденной молитв добрейшего Неверова, попечителя Кавказского учебного округа, приехавшего в Ставрополь и присутствовавшего на обеде гимназистов. Он подозвал Коста, спросил его фамилию и очень хвалил» (Архив СОИИИ, ф. Коста, № 39, папка 11, л. 3).

Впервые опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 6 июня 1893 г.

«Если встреча с тобой...» (стр. 181)

В сборнике русских стихов (1895) цензурой была изъята третья строфа. В авторском экземпляре этого издания она восстановлена рукою Коста.

Д ж у к - т у р (стр. 182)

Комментарий к этому стихотворению содержится в письме Коста к А. А. Цаликовой от 6 декабря 1897 г. (см. т. III наст. изд.).

«Да, встретились напрасно мы с тобою...» (стр. 183)

В стихотворении нашли отзвуки отношений поэта с А. Я. Поповой.

«Вот когда перестану дышать...» (стр. 185)

Предпоследняя строфа этого стихотворения в издании 1895 г. была изъята цензурой. В авторском экземпляре вписана рукою Коста.

«Умру я, и что же...» (стр. 188)

Коста цитирует строки из этого стихотворения в письме к А. Я. Поповой от 10 апреля 1893 г. Ей, вероятно, оно и посвящено.

«Мне нравится, мой друг...» (стр. 190)

В сборнике русских стихов (1895) цензурой исключена последняя строфа. В авторском экземпляре она восстановлена рукою Коста.

«Я отживаю век...» (стр. 191)

Написано, вероятно, во время размовки с А. Я. Поповой. Тематически связано со стихотворением «Да, встретились напрасно мы с тобою...».

«Тяжело... Как тюрьма...» (стр. 194)

Вызвано размовкой с А. А. Цаликовой. «Тяжело... Как тюрьма, жизнь постыла», — застонал я тогда от невыносимой боли... — писал ей поэт в письме от 6 декабря 1898 г. — ...Вообще все мои стихи того периода (Коста имеет в виду 1891 г. — К. Г.) отличаются особенно мрачным тоном...»

В своем письме к Ю. А. Цаликовой от 10 августа 1899 г., говоря о тяжелых условиях жизни в херсонской ссылке, Коста снова вспоминает это стихотворение.

Поэту (стр. 197)

В русском сборнике стихов (1895) цензурой была изъята последняя строфа. В авторском экземпляре издания она восстановлена рукой Коста.

Памяти А. Н. Плещеева (стр. 198)

Стихи написаны под впечатлением смерти Алексея Николаевича Плещеева (род. в 1825 г.) — известного поэта и беллетриста, сотрудника журнала «Современник». Интересно заметить, что А. Н. Плещееву еще в 1873 г. посвятил свои «Три элегии» Н. А. Некрасов. А. Н. Плещеев был близким другом Чернышевского и Добролюбова.

Памяти П. И. Чайковского (стр. 199)

Стихотворение написано к вечеру памяти П. И. Чайковского. Этот вечер состоялся 20 декабря 1893 г. в Ставрополе. Перед началом концерта Коста произнес небольшую речь и прочитал свои стихи, посвященные памяти композитора. В газете «Северный Кавказ» от 23 декабря 1893 г. они опубликованы с подзаголовком «Какая горькая ирония судьбы!». Пор-

трет П. И. Чайковского работы Коста, о котором тогда же сообщила газета, к сожалению, не разыскан.

«Пусть арфа ... он живет» — цитата из стихотворения С. Я. Надсона. У Надсона:

Не говорите мне: он умер, он живет,
Пусть жертвенник разбит, — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана, аккорд еще рыдает.

Памяти А. Н. Островского (стр. 200)

В январе 1894 г. исполнилось сорок лет со дня первой постановки комедии А. Н. Островского «Бедность не порок». К юбилейному вечеру в честь этой даты и написано публикуемо в нашем издании стихотворение. К этой же дате К. Хетагуровым был нарисован портрет А. Н. Островского. За два дня до юбилея газета «Северный Кавказ» сообщила: «Перед началом спектакля в присутствии всей труппы в гримах и костюмах, соответствующих типам комедии, перед бюстом А. Н. Островского (работы К. Л. Хетагурова) будет прочитан краткий биографический очерк автора «Бедность не порок» и посвященное его памяти стихотворение, которое прочтет сам автор г. Хетагуров».

Стихотворение впервые опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 30 января 1894 г.

Портрет А. Н. Островского работы Коста не разыскан.

«Я поэт...» (стр. 204)

Текст, опубликованный в газете «Северный Кавказ» от 19 июля 1894 г. и в издании 1895 г., содержал дополнительно следующие строфы:

Многим напевом моим пенигривым
Я надоел, как бряцаньем цепной.
В жизни не будет разумно счастливым
Тот, кто не знает невзгод и скорбей;

Словом горлчим и песней живою
Радости светлой не вызовешь в том...
Смейся, пожалуй, над тем, что порою
Сердце мне шепчет в безмолвье ночном.

«Я не пророк...» (стр. 213)

Впервые опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 31 июля 1894 г. Для сборника русских стихов Коста не было пропущено царской цензурой. Реальный комментарий к этому стихотворению содержится в письме Коста к Ю. А. Цаликовой от 10 августа 1897 г. (см. т. III наст. изд.).

«О пять к тебе, любимая подруга...» (стр. 217)

Стихотворение посвящено А. А. Цаликовой. Коста упоминает о нем в письме от 6 декабря 1898 г.

В сборнике русских стихов Коста (1895) это стихотворение опубликовано с усеченной шестнадцатой строкой. Последние слова строки — «для борьбы иной» — были исключены царской цензурой.

Утес (стр. 221)

Стихи вызваны воспоминаниями о А. А. Цаликовой.

«Вскоро (Коста, вероятно, имеет в виду 1894 г. — К. Г.) я узнал, что Вы невеста. Это событие, — пишет он в письме от 6 декабря 1898 г., — вызвало ряд стихотворений самых разнообразных, не чуждых горечи и даже озлобления... Упоминать о них не стоит, укажу только на два стиха более спокойного характера. Это «Утес» и «О чем жалеть?..».

«О чем жалеть?..» (стр. 225)

Коста вспоминает об этом стихотворении в письме от 6 декабря 1898 г. к А. А. Цаликовой. В издании 1895 г. цензурой изъята последняя строфа. В авторском экземпляре она восстановлена рукой Коста.

Памяти А. С. Грибоедова (стр. 228)

Написано к столетию со дня рождения А. С. Грибоедова (1795—1829). На вечере, посвященном этой дате, Коста выступил с речью и в заключение прочитал свои стихи.

«Ты вправе смеяться...» (стр. 229)

В газете «Северный Кавказ» от 2 февраля 1895 г. и в издании 1895 г. после третьей строфы следовали строки:

Я был уничтожен, унижен, убит, —
Ни мысли, ни грез, ни покоя!..
Алтарь опрокинут, светильник разбит,
Поругано все, все святое...

Страстная неделя (стр. 230)

В газете «Северный Кавказ» от 30 марта 1895 г. после четвертой строфы следовало:

Рест ночь тоски, печали...
Прочь же, прочь мечты!
Кайся! Этой аномалии
Жизнь дашь и ты...

Под Новый год (стр. 232)

В публикации газеты «Северный Кавказ» от 1 января 1895 г. заключительные строки этого стихотворения читаются так:

Да здравствует наш царь державный!
Ура! Да здравствует народ!..

Ни в одной из рукописей Коста этих строк нет. Установить, кем вписаны эти изменения, пока не удалось.

«Я соучастник преступления» (стр. 234)

Печатается по тексту сборника «Стихотворения Коста». Издание газеты «Северный Кавказ», губ. г. Ставрополь, 1895 г.

«Не верь, что я забыл...» (стр. 238)

Стихотворение, по свидетельству самого поэта, посвящено А. А. Цаликовой. В письме от 6 декабря 1898 г., комментируя это стихотворение, Коста писал: «Не верь, что я забыл родные наши горы», — вырвалось опять из моей пылавшей груди. И Вы, кажется, отлично поняли, к кому относилось это стихотворение».

Перед операцией (стр. 241)

Коста в продолжение многих лет болел костным туберкулезом. Летом 1897 г., когда он жил в Ставрополе, тяжелый недуг надолго приковал его к постели. В этом году он перенес две операции: первую — в Ставрополе и вторую — в Петербурге. Тогда же, перед второй операцией, в ноябре месяце написано им это стихотворение, полное патристического волнения и силы.

Подробные сведения о том, как протекала его болезнь, содержатся в письмах к А. Л. Хетагурову от 18 и 20 июля, 20 августа и 2 октября 1897 г., в письмах к В. И. Смирнову от 25 декабря 1897 г. и в письме к А. А. Цаликовой от 6 декабря 1898 г. (см. т. III наст. изд.).

В. Г. Ш. (стр. 242)

В этом стихотворении отразились впечатления, связанные с пребыванием Коста в Петербургской Александровской больнице, где он находился на излечении в 1897—1898 гг. в течение семи месяцев.

В. Г. Ш. — Варвара Григорьевна Шредерс, в девичестве Ломоносова, близкий друг Коста.

У. Ц. (стр. 243)

У. Ц. — Угалук Цаликов, друг поэта. Коста познакомился с ним через семью Цаликовых, которые находились с ним в близком родстве.

А. Ц. (стр. 244)

А. Ц. — Алмахсид Цаликов, близкий родственник Анны Александровны Цаликовой. Коста не раз упоминает о нем в своих письмах.

В и т е (стр. 246)

Это стихотворение — отклик на англо-бурскую войну.

Витя — Вячеслав Асагеевич Цаликов, двоюродный брат Анны Цаликовой, в то время гимназист, жил и воспитывался в доме своего дяди А. И. Цаликова.

Англо-бурская война, как известно, началась в 1899 г. Коста, находившийся в это время в херсонской ссылке, в письме к Ю. А. Цаликовой от 22 ноября 1899 г. между прочим писал: «Как здоровье и дела Вити? Если он в голосе, то пусть он перед уходом в гимназию и по возвращении кричит с крыльца: «Ура! Да здравствуют буры!»

«Здесь, над самым морем...» (стр. 249)

Летом 1899 г., во время своей второй ссылки, Коста жил в Очакове. «Берег, на котором стоит наша хата, довольно возвышенный, — писал он в письме к А. А. Цаликовой от 26 июня 1898 г., — граница нашего двора — просто обрыв, спускающийся к морю».

Тогда же, летом 1899 г., вероятно, и написано это стихотворение.

В р е ш и т е л ь н у ю м и н у т у (стр. 253)

Вызвано впечатлениями жизни в херсонской ссылке. В газете «Северный Кавказ» от 6 марта 1901 г. опубликовано под названием «Вдали от родины».

Д р у з ь я м - п р и я т е л я м ... (стр. 258)

Об обстоятельствах, вызвавших это стихотворение, известно, что оно написано после возвращения из херсонской ссылки.

Блезни, неспаслимые страдаппя, лппшппня, фппзппческпп и нравственппые мупк оокпчательно подорвали здорывье поэтa. В своем стппхотворенппи Коста высмеппвает восторгп и надежды, которыми «друзья-ппрппатели» хотели поддержать его дух.

Завтрашний день — евангелъское выражение. «Итак, не заботьтесъ о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботптсъ о своем: доволъно для каждаго дня своей заботы» (Евангелппе от Матфея, VI, 19—21. Ср. поученппя Луки, X, 7—8).

Посох — образ, заппмствованный из Апокалиппсиса.

Условное предложение (стр. 261)

Акростппх посвящен знакомой Коста Елене Федоровне Крек. Сохранился ее портрет работы Коста.

Памяти М. Ю. Лермонтова (стр. 262)

Написано к 60-й годовщппе со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» от 2 августа 1901 г.

«Нет, тебъ ужппкто не заменпт...» (стр. 265)

Обращено к матери поэта Марпп Гаврппловне Губаевой-Хетагуровой (1837—1859), которую Коста, оставппийся после ее смерти грудным ребенком, не помнпл. С большой задушевностью и сердечной болью говорит он о ней в своих автобиографппческих заметках на осетппнском языке. Коста был наппсан ее портрет. Вот что рассказывает по этому поводу Алексей Гушппн, знакомый Коста, как-то одппжды посетппвший ставропольскую мастерскую художппка: «На стенах были развешаны эскизы головок, абрисы фппгур, очерченппых тушью. Между головками мепп пораппзил художественно исполппенный портрет молодой осетппнки. В нем не было артппстппческой законченности в строгом смысле слова, но сколько было тут тонкого чутъя, вдохновенья...

— Чей это портрет, Константин Леванович?

— Я и сам не знаю, как назвать его, — задумчиво проговорил Коста, — это, должно быть, портрет моей... матери, которой я совершенно не помню и карточки ее даже не имею. Рисовал же со слов близко знавших ее людей, и представьте: говорят, очень похожа.

Таков был Коста, как художник, в вещах для него дорогих (газета «Новый Северный Кавказ», 1906 г., 25 декабря, № 4).

К сожалению, этот портрет не разыскал.

Праздничное утро, или Мысли, вызываемые звоном к заутрене (стр. 267)

Первоначально входило в текст стихотворения «За заставой» (см. комментарий, наст. том, стр. 315).

Исповедь (стр. 271)

Анна — вероятно, имеется в виду Анна Александровна Цаликова.

А. А. Ц. (стр. 272)

А. А. Ц. — Анна Александровна Цаликова (см. комментарий к стихотворению «Прощай!..», наст. том, стр. 298—299).

$N + N + N$, или $2N + N$ (стр. 282)

Акrostих посвящен Н. Н. Новицкой, ставропольской знакомой поэта.

Портретная галерея (стр. 288)

Есть основание полагать, что в этом стихотворении Коста называет имена владикавказских, ставропольских и других своих знакомых, портреты которых в разное время рисовал. Этих портретов, по свидетельству современников, было много. Сохранились интересные воспоминания А. Гущина, где он вскользь упомянул и о ставропольской мастерской художника.

Но эту ли мастерскую имел в виду Коста, когда писал свою «Портретную галерею»?

Вот эта — Вера еще гимназисткой... — Вера — это, возможно, «бывшая ставропольская гимназистка», о которой Коста, не называя ее фамилии, упоминает в письме к А. А. Цаликовой от 8 июня 1899 г. Более вероятно, однако, другая версия. Вера — это Вера Сухиева, дочь брата мачехи Коста. В первое время после возвращения из Петербургской академии художеств Коста жил в их семье. По воспоминаниям А. Я. Поповой, она была ее близкой подругой.

Рядом Косер, она же Наталия... — Косер (Наталия) Жукаева. «Оставив учбу в Академии художеств, Коста обосновался в городе Владикавказе, — пишет в своих воспоминаниях Д. С. Газданов. — Здесь у него была убогая квартира из одной комнаты... в доме Жукаевых. Вся молодая осетинская интеллигенция на досуге собиралась у него. Временами и я заглядывал к нему. Лирический беспорядок... Кругом неряшливость и хаос. Но Коста мало обращал на это внимания. Добрая душа и мягкий характер стягивали к нему друзей. Как молодой человек, не чужд был он и полюбить очень красивую дочь хозяйки по имени Косер, которой посвящал свои стихи, страдал по ней» (Архив Северо-Осетинского ИИИ, ф. Коста, № 255, папка 65, л. 1).

В Северо-Осетинском художественном музее (г. Орджоникидзе) сохранился портрет Кошерхан Жукаевой работы Коста.

Аня и Анечка, — дивная талия!.. — Анна Яковлевна Попона. Портрет А. Я. Поповой работы Коста хранится в музее краеведения Юго-Осетинской А. О. (г. Цхинвал). Коста в этой строке, по всей вероятности, имел в виду другой портрет А. Я. Поповой, где она была изображена в полный рост.

Эта — Настасья, идейная девушка... — Н. Н. Повидкая, ставропольская знакомая поэта. Коста посвятил ей агrostих «N + N + N, или 2N + N».

... *Вот гимназисткой: бесенок Анюта...* — Вероятно, имеется в виду портрет Анны Александровны Цаликовой гимназических лет. «Вот Вы мне не верите, — писал Коста в письме к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г., — но уверяю Вас, что такого поразительного сходства невозможно достигнуть, как в портрете с Вашей гимназической карточки. Ну, прямо как живая, только не говорит».

... *Пышная Дея, Елена кудрявая...* — Возможно, имеются в виду сестры Юлиана и Елена Цаликовы.

Груня лукавая... Груня с сурдинкою... — Агриппина Иосифовна Третьякова, знакомая Коста по Ставрополю. Поэт был к ней дружески расположен. Сохранился групповой снимок, где они сфотографированы вместе. Ей он посвятил первую часть стихотворения «Странные сочетания и случайные аккорды». По воспоминаниям А. И. Третьяковой, Коста подарил ей картину «Бурный Терек» и книжку своих русских стихов.

Дальше Глафира — совсем миниатюра... — Вероятно, знакомая поэта по Ставрополю. Фамилия ее не установлена. Коста посвятил ей акrostих «Надпись на карточке».

Рядом Раиса, — звалась осетинкою... — Раиса Иналуковна Гайтова. Поэт был с ней в дружеских отношениях. Имя ее неоднократно упоминается в письмах Коста. Из переписки с ней сохранилась лишь небольшая часть.

Рядом с ней Любка... — Возможно, имеется в виду Любовь Исидоровна Абашина, ставропольская знакомая поэта. Коста упоминает о ней в письмах к Цаликовым.

Рядом с ней Надя — мечта артиллерии... — Надежда Иналуковна Гайтова. Коста был в дружеских отношениях со всей семьей Гайтовых. Не раз упоминает он о Н. И. Гайтовой в своих письмах.

Та ж и Анютка, уже не без шика... — Анна Александровна Цаликова. В 1891 г. она окончила Владикавказскую женскую гимназию. «Теперь, надо полагать, к Вам невозможно будет подъехать и на булавой козе, — писал ей поэт в письме от

15 июня 1891 г. полушутя... — Ваш портрет (я до сих пор скрывал, а теперь признаюсь, что нарисовал для себя Вашу физиономию...) я повесил рядом с изображением матери».

Странные сочетания и случайные
аккорды (стр. 289)

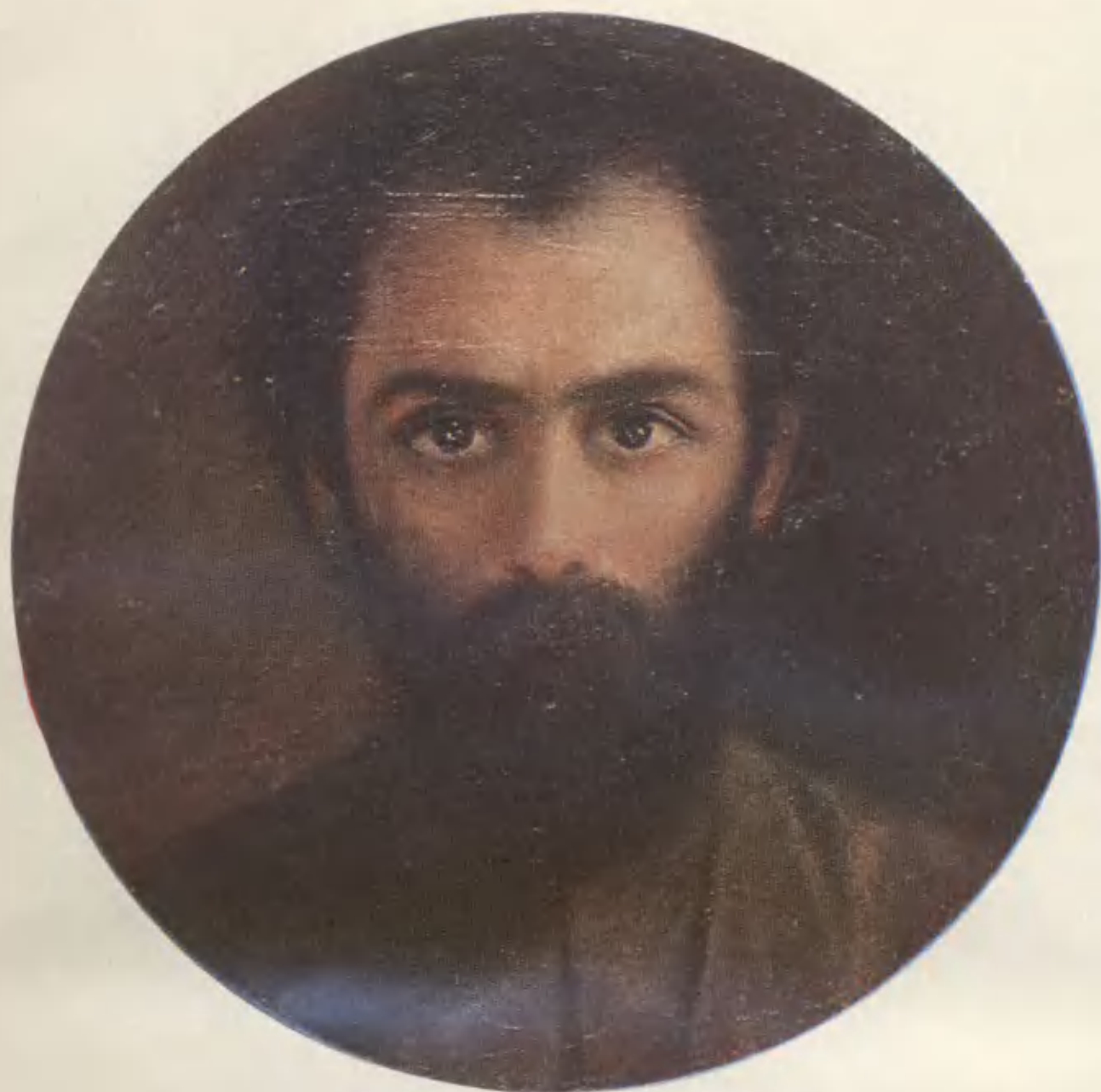
Груня... Грунюшка — красotka... — Агриппина Иосифовна Третьякова, в замужестве Михайловская. См. комментарий к предыдущему стихотворению.

Хетаг (стр. 291)

Замысел поэмы «Хетаг», которой Коста придавал исключительное значение, возник в херсонской ссылке. Поэма была задумана как широкая картина жизни осетинского народа в историческом прошлом. Осуществлению замысла помешали обстоятельства, связанные со ссылкой, и тяжёлая болезнь. Завершить ее Коста уже не мог. Однако он продолжал работать над ней до последних дней своей жизни. «Начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы» — эта мысль, подчеркнутая в подзаголовке, и отразилась в стихотворении. Ни на русском, ни на осетинском языке поэма не была завершена.

Хетаг — по народному преданию — родоначальник фамилии Хетагуровых. «Сам Хетаг, по уверению его потомков, был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью, на притоке последней — Большом Зеленчуке. Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию», — писал о нем Коста в этнографическом очерке «Особа» (см. т. II наст. изд.). Долина р. Большой Зеленчук, упоминаемая здесь поэтом, исторически связана с алапанами — предками современных осетин.

К. Гутиев

Коста Хетагуров. Автопортрет. Масло.

Нисодуён.

Ҳуббар мин, касу-дони магарас,
Касиёни, гезина миёг,-
Каси зарида на агурт дарас,
Уи зарас јаси гандиог!...

Аз бзмиаја катдар ку дарин,
Ку багидин иску ма кас,
Зад агтас анкӯрдас ма зарин,
Нас гуҷид ма касинодасас...

Ирон фандыр.

Зардаг сазаста,
зардженте, каддженте
ама
амбисандте.

Коста.

Варшаван.

1898 ас

3 сент.

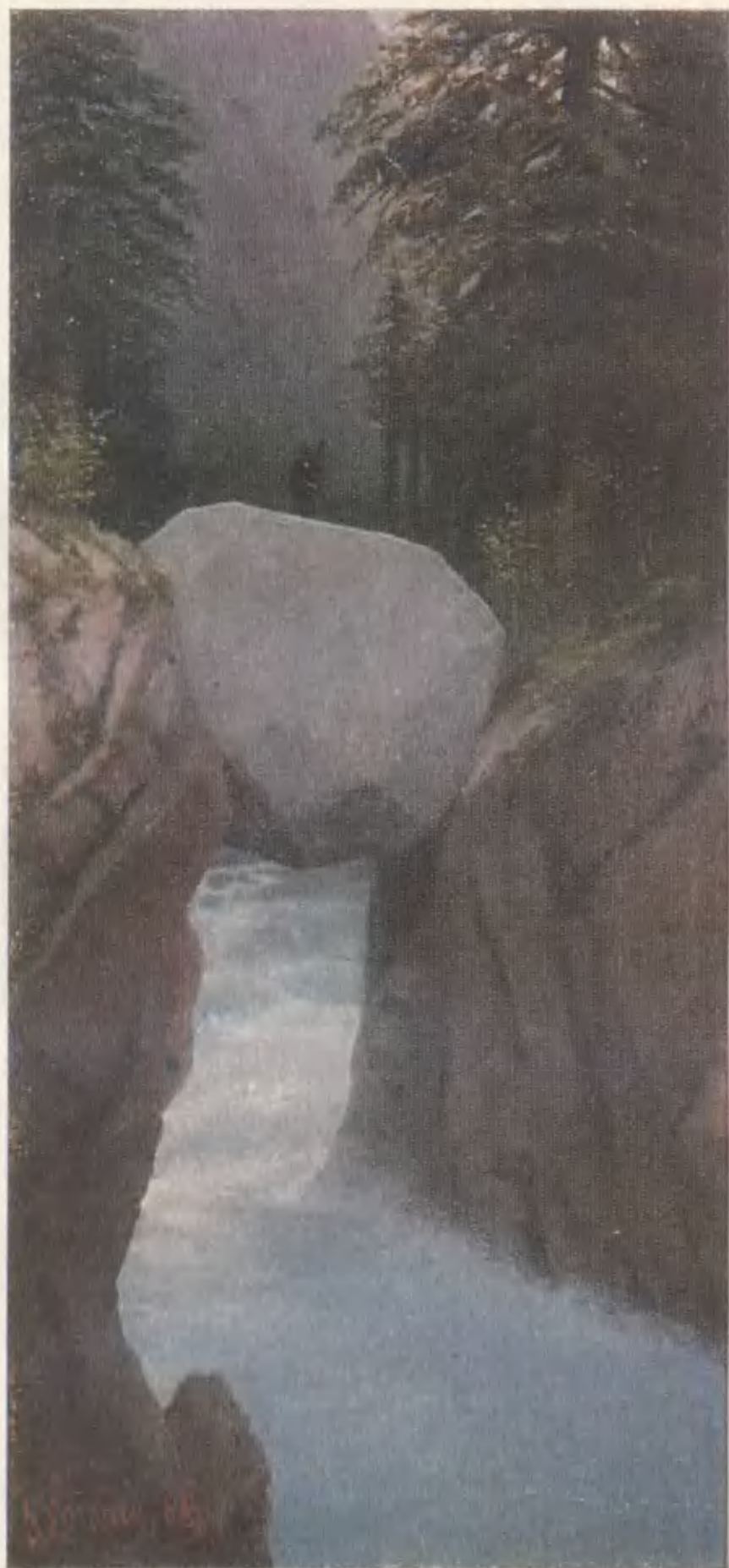
Художник Слущкий. Аул Нар, в котором родился Коста Хетагуров. Масло.

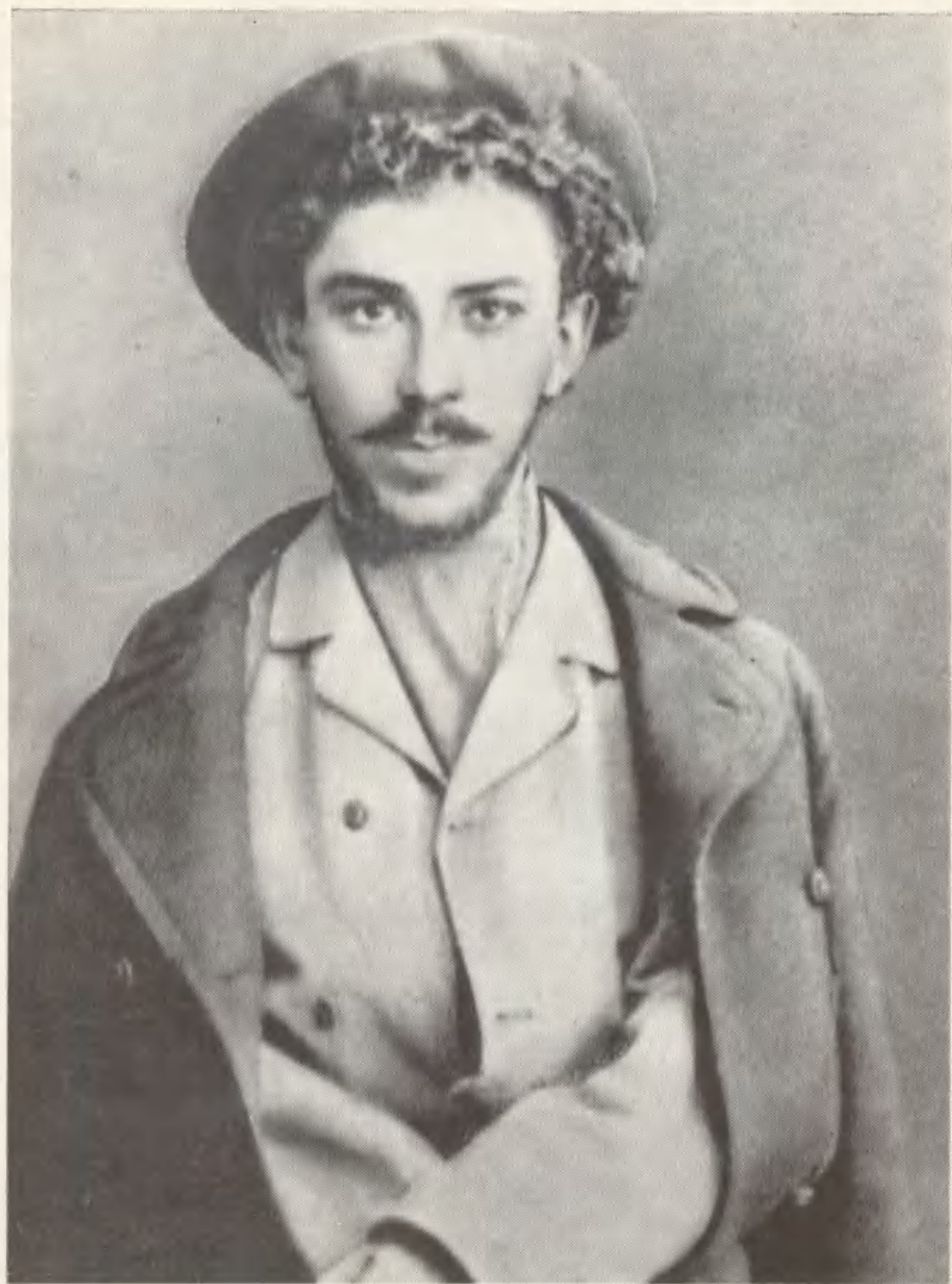
Коста Хетагуров. На школьной скамье жизни. Масло.

Коста Хетагуров. За водой. Масло.

*Коста Хетагуров. Природный мост.
Масло.*

Коста Хетагуров в студенческие годы. Фотография 1882 г.

Коста Хетагуров. Фотография 1895 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Марзоев. Звонкая лира горной страпы</i>	5
---	---

ОСЕТИНСКАЯ ЛИРА

Завещание. Перевод П. Панченко	31
Дума. Перевод А. Шпирга	32
Надежда. Перевод Б. Иринина	33
О, если бы! Перевод С. Липкина	35
Спой! Перевод А. Гулуева	36
Пропади! Перевод П. Панченко	37
Знаю. Перевод М. Исаковского	40
Желание. Перевод Б. Иринина	41
Прощай!.. Перевод Л. Озерова	42
Песня бедняка. Перевод Л. Озерова	44
Сердце бедняка. Перевод Б. Брика	45
А-лол-лай!.. Перевод С. Олендера	46
У гроба. Перевод М. Исаковского	48
Взгляни!.. Перевод П. Панченко	49
В разлуке. Перевод П. Панченко	51
Гез пастуха. Перевод Б. Серебрякова	52
Солдат. Перевод Б. Брика	53
Горе. Перевод Б. Иринина	55
Тревога. Перевод Б. Иринина	56
Мать. Перевод Б. Иринина	57
Кубады. Перевод П. Панченко	61
Кто ты? Перевод Л. Озерова	65
Всати. Перевод А. Шпирга	75
На кладбище. Перевод Н. Заболоцкого . . .	79
Безумный пастух. Перевод С. Липкина . . .	90
Редька и мед. Перевод А. Шпирга	91

Олень и сж. <i>Перевод А. Шпирта</i>	93
Постыник. <i>Перевод И. Панченко</i>	94
Привычка. <i>Перевод В. Брика</i>	96
Лиса и барсук. <i>Перевод С. Олендера</i>	99
Мужчина или женщина? <i>Перевод Д. Кедрина</i>	101
В пастухах. <i>Перевод Б. Ирипина</i>	103
Киска. <i>Перевод А. Шпирта</i>	109
Школьник. <i>Перевод А. Шпирта</i>	110
Шалун. <i>Перевод Л. Озерова</i>	111
Кому что... <i>Перевод Н. Ушакова</i>	112
Будь мужчиной. <i>Перевод Л. Озерова</i>	113
Синица. <i>Перевод Л. Озерова</i>	114
Ласточка. <i>Перевод П. Семынина</i>	115
Весна. <i>Перевод П. Панченко</i>	116
Лето. <i>Перевод Л. Озерова</i>	117
Осень. <i>Перевод П. Тихонова</i>	118
Зима. <i>Перевод Л. Озерова</i>	119
Прислужник. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	120
Упрек. <i>Перевод С. Олендера</i>	122
Что это? <i>Перевод С. Олендера</i>	124
В новогоднюю ночь. <i>Перевод Л. Озерова</i>	125
Новогодняя песня. <i>Перевод П. Панченко</i>	126
Походная песня. <i>Перевод С. Олендера</i>	127
«Если б запеть мне...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	128
Дума жениха. <i>Перевод Л. Озерова</i>	129
Тоска влюбленного. <i>Перевод П. Панченко</i>	130
Привет. <i>Перевод Л. Озерова</i>	131

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Да, я уж стар...	135
Многоточия	137
А. Я. П. («Скрывать, молчать...»)	138
Владикавказ («Когда б на струнах...»)	139
За заставой	149
Новый год («Опять удалился...»)	151
Последняя встреча	153
На смерть горянки	155
Прости («Простите...»)	156
Перед памятником	157
А. Г. Б. («Не хочу я теперь...»)	158

В. Г. Ш. («Дождусь ли я...»)	159
Сестре	161
«Слою вам куплеты...»	163
На смерть М. З. Кипиани	166
«Иссякла мысль, тускнеют очь...»	167
Завещание	168
Е. Е. Н.	170
Саяе и Миле Б.	173
Недолетые куплеты	175
Памяти Я. М. Неверова	180
«Если встреча с тобой...»	181
Джук-тур	182
«Да, встретились напрасно мы...»	183
Музе	184
«Вот когда перестану дышать...»	185
«Над нами плыл месяц...»	187
«Умру я, и что же?...»	188
«Мне нравится, мой друг...»	190
«Я отживаю век...»	191
«Не упрекай меня...»	192
«Тяжело... Как тюрьма...»	194
«Когда тебя, мой друг...»	195
«Когда на тополе серебристом...»	196
Поэту	197
Памяти А. Н. Плещеева	198
Памяти П. И. Чайковского	199
Памяти А. Н. Островского	200
«Не спрашивай, — ты не поймешь...»	201
«Я все сказал...»	203
«Я не поэт...»	204
«Не упрекай! — судьбу винить не надо...»	205
Другу («Смерть близка...»)	207
Чердак	209
«Я понял вас...»	212
«Я не пророк...»	213
Толпа	215
«Опять к тебе, любимая...»	217
«Не поможешь ты горю...»	219
Утес	221
«Я помню все...»	223
«О чем жалеть?...»	225
«Расстаться не трудно...»	227

Памяти А. С. Грибоедова	228
«Ты вправе смеяться...»	229
Страстная неделя («Ночь великих испытаний...»)	230
Привет	231
Под Новый год	232
Картника	233
«Я соучастник преступления...»	234
«Мне жаль тебя...»	235
Босьяк	236
«Не верь, что я забыл родные наши горы...»	238
«Волшебной сказкою...»	239
Траурное объявление	240
Перед операцией	241
В. Г. Ш. («В этой сумрачной столице...»)	242
У. Ц. («Ах, Угалук...» — 1)	243
А. Ц.	244
Под пасху	245
Вите	246
У. Ц. («Ах, Угалук...» — 2)	247
Предчувствие	248
«Здесь, над самым морем...»	249
Весна	250
Этюд	251
Другу («Невозможно творить...»)	252
В решительную минуту	253
Страстная неделя («В эти мрачные дни...»)	255
Ночлег	256
Друзьям-приятелям и всем, кто надоедает мне слезоточивыми советами	258
Условное предложение	261
Памяти М. Ю. Лермонтова	262
Предложение	263
«Я смерти не боюсь...»	264
«Нет, тебя уж никто не заспит...»	265
Песнь раба	266
Праздничное утро, или Мысли, вызываемые звоном к заутрене	267
Песня	269
Портрет	270
Исповедь	271
А. А. Ц.	272

Глава II и последняя	273
Акrostих	274
?!!	275
Прости («Прости! довольно...»)	276
Порыв	278
Печальный роман	279
Надпись на карточке	281
$N + N + N$, или $2N + N$	282
Встреча Нового года	283
Надгробная надпись	284
«Свой отъезд волшебной сказкой...»	285
Зигзаги мысли в бессоницу	286
Со днем ангела	287
Портретная галерея	288
Странные сочетания и случайные аккорды	289
Хетаг	291
<i>К. Гутцев. Комментарии</i>	293

Хетагуров К.

X41 Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Стихотворения. Вст. статья С. Т. Марзосва. Коммент. К. Ц. Гутиева. М., «Худож. лит.», 1974.

336 с.

В первый том настоящего трехтомного Собрания сочинений основоположника и классика осетинской художественной литературы Коста Левановича Хетагурова (1859—1906) вошел его знаменитый «Прон фандыр» («Осетинская лира») — стихи, написанные поэтом на родном, осетинском, языке, а также его стихотворения, написанные на русском языке.

Многие произведения Коста запрещались царской цензурой, но они широко распространялись изустным путем, ходили в списках и еще при жизни принесли поэту заслуженную славу.

Часть стихотворений «Осетинской лиры» в настоящем издании дается в новых переводах.

X $\frac{70403-321}{028(01)-74}$ подписное

С/Осет/1

Коста Леванович Хетагуров

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ I

Редактор А. Марусич

Художественный редактор Г. Кудрявцев

Технический редактор Г. Лысенкова

Корректоры Г. Киселева и О. Нарникова

Сдано в набор 7/V 1973 г.

Подписано в печать 21/I 1974 г.

Бумага типографская № 1. Формат 70×108¹/₃₂. 10,5 печ. л. 14,7 усл. поч. л., 0,645+1 вкл.+4 пак.=9,92. Зак. № 813. Тираж 40 000 экз.

Цена 90 к.

Издательство „Художественная литература“, Москва, Б-73, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 2 им. Евг. Соколовой

Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета

Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, 31-52, Измайловский проспект, 29

80K.